

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

С. Э. Поляков

**КОНЦЕПТЫ
и другие
конструкции
сознания**

16+

Сергей Эрнестович Поляков

Концепты и другие конструкции сознания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57400167

SelfPub; 2020

Аннотация

Известный психолог и психиатр, канд. мед. наук, автор многочисленных научных работ, в том числе трех монографий по общей психологии, представляет новый взгляд на многие нерешенные проблемы психологии и предлагает ряд оригинальных решений, многие из которых меняют привычные фундаментальные представления, казавшиеся незыблемыми целым поколениям ученых. Автор обнаружил и описал сложные психические феномены человеческого сознания, которые назвал «психическими конструкциями», создал новую стройную систему психической феноменологии. Им открыта и описана под названием «объективная психическая реальность» совершенно новая область психологии, что вообще можно считать решением одной из глобальных проблем не только психологии, но и социологии и ряда других гуманитарных наук.

Содержание

Предисловие	7
Часть I	8
Глава 1.1	8
1.1.1. Некоторые доминирующие в современной психологии представления	8
§ 1. Об основной парадигме когнитивной психологии	8
§ 2. «Кредо» современного психолога	41
1.1.2. Чувственное репрезентирование реальности	52
§ 1. Что такое моделирование и репрезентирование	52
§ 2. Понятие образ восприятия в отечественной и зарубежной психологии	57
§ 3. Ощущения как разновидность образов восприятия	67
§ 4. Соотношение репрезентации и предмета	74
§ 5. Чувственные психические конструкции	105
1.1.3. Модели-репрезентации как чувственные концепты	114
§ 1. Модель-репрезентация[36] как	114

типичная психическая конструкция	
§ 2. Модели-репрезентации предметов	127
§ 3. Модели-репрезентации как психические инварианты	144
§ 4. Модели-репрезентации свойств	152
§ 5. Модели-репрезентации движений и изменений	156
Глава 1.2	164
1.2.1. Понятия и концепты	164
§ 1. Понятие и концепт в смежных с психологией науках	164
§ 2. Понятие и концепт в отечественной и зарубежной психологии	176
§ 3. Предлагаемые определения понятия и концепта	183
§ 4. Функции понятий и концептов	188
§ 5. Роль редуцированных понятий в формировании концептов	189
§ 6. Слово – понятие – концепт	205
1.2.2. Концептуализация реальности	213
§ 1. Мы познаем мир не предметно, саущностно	213
§ 2. Что такое концептуализация реальности	229
§ 3. Концептуализация, язык и «странные» части речи	262

1.2.3. Вербальные психические конструкции и концепты	271
§ 1. Чувственная основа вербальных репрезентаций реальности	271
§ 2. Вербальные конструкции	288
Конец ознакомительного фрагмента.	295

Моей жене и музе посвящаю.

Предисловие

Эта книга является логическим продолжением моей предыдущей работы «Феноменология психических репрезентаций» (2011). Первоначально я предполагал подготовить две отдельные книги. Одну – посвященную понятиям и психическим конструкциям, вторую – объективной психической реальности (ОПР). Однако время идет слишком быстро, а работа – слишком медленно, поэтому пришлось ограничиться одной книгой. Отсюда проистекает смысловой разрыв между частями предлагаемой вашему вниманию работы.

Выражаю благодарность моей семье за помощь в подготовке книги и ценные советы.

Часть I

Понятия и концепты

Глава 1.1

Чувственный уровень репрезентирования реальности

1.1.1. Некоторые доминирующие в современной психологии представления

§ 1. Об основной парадигме когнитивной психологии

Предлагаемая вниманию читателей книга не опирается на собственные экспериментальные исследования автора, хотя в ней учитываются и даже обсуждаются многие психологические эксперименты. **Книга является результатом интроспекции, которая, по моему мнению, остается незаслуженно забытой, что не идет на пользу психологии.**

Надо с сожалением признать, что современная психоло-

гия, основным научным направлением которой считается сегодня когнитивизм, уступила многие свои важнейшие области (например, учение о понятиях и концептах, о вербальных конструкциях, о механизмах мышления и т. д.) другим, смежным наукам (лингвистике, семантике, информатике, науке об искусственном интеллекте, логике и даже философии). Она фактически не занимается сейчас психической феноменологией, что реально тормозит развитие представлений о человеческой психике.

Главной причиной этого можно назвать то, что **когнитивизм – полноправный и достойный наследник бихевиоризма. Формально признавая наличие психических феноменов, он не готов согласиться с тем, что именно они являются непосредственно рефлексивной каждой человеком и субъективно очевидной для него формой выражения человеческого разума**¹. Когнитивизм неправильно понимает роль психических явлений, а потому и занимается ими во вторую очередь, отдавая приоритет материальным процессам, протекающим в мозге.

Он по-прежнему пытается объяснять человеческий разум, используя электрофизиологические и биохимические процессы, и полностью игнорирует тот факт, что проявление

¹ «Разум... – понимание – качество психики, состоящее из способности адаптироваться к новым ситуациям, способности к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций и использованию своих знаний для управления окружающей средой» (Разум [Электронный ресурс] Википедия: свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Разум>).

ния разума легко прослеживаются в психических явлениях. Нет даже смысла расценивать это в качестве недостатка когнитивизма, потому что **он не психология, а психофизиология или, точнее, физиологическая психология**. Он безуспешно, но настойчиво пытается продолжать строительство «объективной» психологии, отказываясь признавать и принимать то, что в принципе не может быть «объективного» изучения такого предельно субъективного и недоступного экспериментальным методам исследования объекта, как сознание и его феномены.

Когнитивизм не готов принять то, что **нейрофизиологические и нейрохимические процессы в мозге при всей их важности соотносятся с психикой совершенно неясным пока образом и их влияние на принятие рациональных решений и на разумное поведение опосредовано психикой**. Следовательно, **эти материальные процессы не могут прямо объяснить человеческий разум**. По крайней мере, они не могут быть использованы для этих целей сейчас, когда сами **психические феномены в когнитивной психологии плохо очерчены и недостаточно четко определены**, так как не являются для нее приоритетным предметом исследования.

Казалось бы, бог с ней, с когнитивной психологией. В психологии много направлений, поэтому можно развивать альтернативное, признающее главную роль за психическим явлением. И если оно докажет свою эффективность, то и за-

мечательно. Однако не все так просто. Когнитивизм – это не только одно из направлений психологии. Это главное направление, претендующее на то, чтобы не просто доминировать в психологии, но подобно бихевиоризму в XX в. заменить собой эту науку.

Безусловно, странно было бы сомневаться в необходимости и важности изучения материальных процессов, протекающих в мозге, однако они не могут заменить психику. Кстати, ни нейрофизиологи, ни нейропсихологи еще не связали ни одного конкретного психического феномена с конкретными формами материальной мозговой активности, то есть с нейрофизиологическими или биохимическими феноменами. Впрочем, в рамках когнитивизма подобную связь и невозможно установить хотя бы потому, что для этого надо в дополнение к нейрофизиологическим возможностям иметь еще детально разработанную психическую феноменологию, которой когнитивизм не имеет, так как ею никогда не занимался.

Несмотря на то что гуманитарные науки уже тысячи лет обсуждают ведущую роль суждений, умозаключений, мыслей, мнений и выводов, то есть конструкций из понятий в рассудочной, разумной деятельности человека, современная когнитивная психология не готова принять эти очевидные, казалось бы, факты. Она по-прежнему фактически рассматривает психику как феномен, лишь сопровождающий работу мозга, ответственную за человеческий разум. В любом слу-

чае как что-то вторичное и гораздо менее существенное, чем мозг.

Между тем наличия психических феноменов вполне достаточно для объяснения разумного человеческого поведения и разума вообще. В отличие от мозга они не требуют для этого введения дополнительных сущностей. Анализируя их динамику, можно, например, легко проследить процесс принятия человеком решения. Удивляет то обстоятельство, что огромная группа когнитивных психологов предпочитают не обращать внимания на содержание собственного сознания и не замечать того, что их собственные мысли являются очевидной демонстрацией наличия у них разума.

Думаю, это объясняется в первую очередь невозможностью исследовать мысли «объективно», так как сведения о них можно получить лишь благодаря дискредитированной бихевиоризмом интроспекции. Однако если мы хотим заниматься психологией, а не изучением поведения, даже разумного, то никаких других прямых методов изучения человеческих психических репрезентаций больше нет и лишь интроспекция является ключом к нашему разуму.

Представляется более чем странным, что исследователи, которые не верят в значимость феноменов собственного сознания применительно к предмету своего научного интереса – психологии, целиком и полностью полагаются на эти же феномены в собственной повседневной жизни. Вне сво-

ей профессиональной деятельности они ежесекундно принимают в расчет эти «ментальные эпифеномены», «сомнительность» которых не побуждает их, однако, усомниться, например, в реальности репрезентируемого ими окружающего мира. Эти исследователи не сомневаются также в разумности и здравости собственных психических построений (состоящих из психических феноменов) и разумно действуют, исходя из них... Причем мысли о самих себе и своих переживаниях, возникающие у них в процессе рефлексии и самонаблюдения, не кажутся им ни ничтожными, ни бессмысленными, несмотря на «эпифеноменальность» этих их психических явлений.

Феномен сохранения необихевиоризма в когнитивной психологии просто удручает. Возможно, сильнейшим аргументом в пользу отказа когнитивистов от признания определяющей роли психических феноменов является для них то, что в отрыве от нейрофизиологической мозговой активности психика как бы висит в воздухе. Она не имеет очевидных всем точек соприкосновения с мозговым субстратом в том смысле, что ни один конкретный психический феномен нельзя прямо и однозначно причинно-следственно связать с конкретными материальными процессами в мозге. Но это не отменяет их безусловной субъективной реальности, а главное, никак не влияет на очевидность их связи с разумом и с разумным поведением.

В процессе ознакомления с работами когнитивистов скла-

дывается впечатление, что для них психология началась только с XX в., с бихевиоризма, который воспринимается ими не как наука о поведении, лишь имеющая определенное отношение к психологии, а как важная часть современной психологии. И это несмотря на то, что многие представители когнитивизма неоднократно декларировали свое отмежевание от бихевиоризма. Впрочем, одних заявлений недостаточно. **Для преодоления бихевиоризма мало утверждать, что он ошибочен, следует радикально поменять базовые психологические концепты и теории.**

Необходим отказ от основополагающих бихевиористских в своей основе взглядов на психику и методы ее исследования, а этого как раз и не наблюдается. Недаром само признание большинством исследователей одного лишь факта наличия ментальных образов сопровождалось грандиозной многолетней дискуссией в когнитивной психологии и целой революцией в мировоззрении большинства когнитивистов в последней четверти XX в.

Учитывая последнее обстоятельство, даже если когнитивизм сделает своей основной задачей поиск соответствий между нейрофизиологическими процессами в мозге и психическими феноменами, ему предварительно придется всерьез заняться изучением психической феноменологии, которой он внимания не уделяет. Невозможно результативно соотносить материальные процессы в мозге с плохо дифференцированными и недостаточно внятно описанными психиче-

скими феноменами. Впрочем, у нас пока нет особых оснований полагать, что когнитивизм вообще займется психическими явлениями, так как до сих пор он не особенно стремился к этому.

Между тем в классической психологии конца XIX в. странно было бы даже дискутировать по поводу наличия психических образов. Оно было для психологов очевидным и совершенно бесспорным. Так же как то, что прямой доступ к психическим феноменам возможен лишь путем интроспекции – наблюдения собственных психических феноменов. Большинству исследователей было понятно, что эксперименты могут играть в психологии лишь вспомогательную роль, ибо без результатов интроспекции в психологии нет и не может быть самого предмета исследования.

Радикальный бихевиоризм изъясил из психологии предмет исследования – психику. Он декларировал, что за человеческий интеллект ответственна нейрофизиологическая активность мозга, психические же феномены не важны. Они лишь сопровождают эту основную, материальную мозговую активность в качестве ее вторичных и несущественных проявлений – пара- или эпифеноменов. **Когнитивизм**, формально отказавшись от этих крайних утверждений, по сути, стоит на сходных, пусть и существенно модифицированных, позициях. Его следует поэтому отнести к методологическому бихевиоризму².

² «Методологический бихевиорист допускает, что психические явления и про-

Я не сомневаюсь в том, что роль физических и химических процессов, протекающих в мозге и обеспечивающих

цессы – это реальность, однако считает, что они недоступны научному изучению. Научные факты, говорит методологический бихевиорист, должны быть публичными и открытыми явлениями, такими как движения планет или химические реакции, которые могут наблюдать все исследователи. Сознательный опыт, однако, неизбежно оказывается сугубо личным и внутренним; интроспекция может его описать (часто неточно), но не способна сделать его публичным и открытым для всеобщего обозрения. Следовательно, чтобы стать наукой, психология должна заниматься изучением только публичного и открытого поведения и отвергнуть интроспекцию. Отсюда сознание, несмотря на всю свою реальность и привлекательность, с методологической точки зрения не может быть предметом научной психологии. Метафизический бихевиорист высказывает еще более радикальное утверждение: точно так же, как физические науки отвергли демонов, духов и богов, показав мифичность их существования, так и психолог должен отвергнуть – как мифические – психические явления и психические процессы. Это вовсе не означает, что такие ментальные понятия, как “идея”, лишены всякого смысла (хотя это может быть так), ведь и понятие “Зевс” также не является совершенно бессмысленным. Мы можем описать Зевса и объяснить, почему люди верили в него, не утверждая при этом, что имя “Зевс” имеет отношение к чему-то, что когда-либо существовало. Сходным образом, говорит этот радикальный бихевиорист, мы можем описать условия, при которых люди используют “идею” или любое другое ментальное понятие, объяснить, почему они верят в то, что обладают разумом или душой (психикой), и при этом утверждать, что “идея”, “разум” и подобные понятия не имеют отношения к чему-либо, что существует в реальности, за исключением, пожалуй, определенных действий и определенных стимулов. Следовательно, поскольку нельзя исследовать то, что не существует (психика), психология должна быть бихевиористской: все, что реально существует, – это поведение. ...Основными видами необихевиоризма являются формальный Б., включая логический Б. и целевой (или когнитивный) Б.; неформальный Б.; радикальный Б. Все они, за исключением последнего, – формы методологического Б.; радикальные бихевиористы стоят на позициях метафизического Б». (см.: Т. Г. Лихи, 2006, с. 60).

функционирование человеческого сознания и разумное поведение человека, важна и бесспорна. Смешно было бы это отрицать. Тем не менее из важности их роли не следует, что именно процессы в мозге ответственны за наличие у человека разума³. Если встать на позиции редукционизма, то нельзя не признать, что за человеческий разум и интеллект⁴ в не меньшей степени ответственна, например, работа сердца, кишечника, других органов, даже просто наличие определенного уровня глюкозы в крови. Без них не могло бы быть никакой мозговой активности, а в результате – и самого человеческого интеллекта. Несомненно, мозг играет основную роль в обеспечении функционирования человеческого сознания. *Но что дает психологии констатация данного обстоятельства? Это как-то приближает нас к пониманию сущности нашего разума и его процессов?* Нет.

³ Я вполне отдаю себе отчет в том, что понятие *человеческий разум* обозначает всего лишь плохо понятный, аморфный конструкт. То же следует сказать в отношении понятия *интеллект*. Одной из проблем когнитивной психологии как раз и является отсутствие эффективной и разработанной психической феноменологии и терминологии.

⁴ «Интеллект (от лат. *intellectus* – “ощущение”, “восприятие”, “разумение”, “понимание”, “понятие”, “рассудок”) – качество психики, состоящее из способности адаптироваться к новым ситуациям, способности к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций и использованию своих знаний для управления окружающей средой. Общая способность к познанию и решению трудностей, которая объединяет все познавательные способности человека: ощущение, восприятие, память, представление, мышление, воображение» (Интеллект [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интеллект>).

Мне поэтому представляются правильными посылки, которые исходят из классической психологии XIX в.

1. Собственные психические явления (или феномены) – это самая очевидная и бесспорная реальность, какая только может существовать для человека. Они не менее очевидны для него, чем внешний мир, хотя бы потому, что они же его и репрезентируют.

2. Психические явления репрезентируют нам окружающую нас «реальность в себе», состояние нашего тела и даже содержание нашего сознания, то есть самих себя.

3. Психические явления не только составляют содержание человеческого сознания, но и само сознание только в них и проявляется; без или вне психических феноменов человеческий разум, любая человеческая интеллектуальная активность невозможны; психические явления и есть единственный субстрат и форма выражения человеческого разума, и именно они, а не некая материальная мозговая активность ответственны за него.

4. Психические явления непосредственно доступны самонаблюдению в процессе интроспекции и могут быть изучены в интроспективном эксперименте.

5. Без интроспекции психолог в большинстве случаев просто не в состоянии сформулировать гипоте-

зы, подлежащие проверке в психологическом эксперименте, так как у него нет материала для их конструирования; эксперимент в психологии лишь подтверждает или отвергает теории, обычно выстраиваемые исследователями на основании интроспекции.

6. Человеческий разум проявляется в форме сменяющих друг друга в сознании последовательностей психических феноменов – мыслей, которые доступны рефлексии.

7. Безусловно, материальные «объективные» процессы в мозге важны, но они обеспечивают лишь появление психических феноменов, то есть обеспечивают субъективно очевидные проявления человеческого разума, которые и должна изучать психология. Все разговоры о якобы разумной мозговой активности или об ответственных за человеческое рациональное и разумное поведение процессах в мозге – не более чем редукционизм, приносящий психологии вред.

Наличие и особенности разума у объекта, как предполагают многие исследователи, могут быть установлены внешним наблюдателем по признакам, проявляющимся в поведении объекта. Однако внешнему наблюдателю недоступна психика в качестве объекта исследования. Он изучает не ее, а совершенно другой объект – поведение организма, по изменениям которого делает опосредованные выводы о психике. И,

как нам демонстрируют успехи современной робототехники, эти внешние поведенческие признаки легко могут ввести наблюдателя в заблуждение.

Когнитивистскую психологическую литературу переполняют необычные и причудливые объекты, которые нельзя отнести ни к психике, ни к физиологии. Это объясняется тем, что, уйдя из классической психологии в психологию физиологическую, когнитивизм еще и смешивает психологическую и физиологическую плоскости анализа функционирования человека. В результате он рассматривает и описывает не психические феномены, а некие мифические конструкты исследователей, обозначаемые, например, понятиями *паттерны, сигналы, формы, стимулы*⁵ и т. д. и т. п.

Не вызывает сомнений необходимость попыток соотнесения психологии с нейрофизиологией. Но столь же очевидно, что **на современном уровне развития науки невозможно связать психическое и физиологическое, а потому исследователям не следует пытаться их причудливо объединять в собственных теориях и рассуждениях.** Безусловно, одно неразрывно связано с другим и они мощно влияют друг на друга. Но у нас нет пока ни способов, ни возможностей для изучения их реальных связей, поэтому **недопустимо смешивать физиологические и психо-**

⁵ Везде в книге примеры понятий, концептов и вербальных конструкций я выделяю курсивом. В выделенных курсивом предложениях они, наоборот, напечатаны обычным текстом.

логические понятия, конструируя из них некие странные и нежизнеспособные гибриды.

Даже весьма уважаемые мною исследователи, которых можно рассматривать уже как классиков когнитивизма, пишут, например, не о психических феноменах, а о неких «схемах репрезентации, полностью лишенных чувственной основы» (см.: Л. Барсалу, 2011, с. 127), о «перцептивных символах, представляющих собой активацию группы связанных друг с другом нейронов» (с. 131) и т. п. Наличие нейрофизиологической и нейрохимической активности нейронов в головном мозге очевидно и не вызывает возражений. *Но при чем здесь символы?* Символ появляется только в сознании. В физиологии и нейрохимии нет и не может быть символов. Там только электрохимические процессы.

Психические явления в противовес этим причудливым конструктам каждый человек легко может наблюдать в собственном сознании. Они есть, и, несмотря на свою мимолетность и бесплотность, они абсолютно реальны для любого человека. Главное, они понятны и вполне доступны ему, в отличие, например, от некой якобы «представленной в мозге информации»⁶ (см.: С. М. Кослин, 2011, с. 98) или якобы существующих в мозге «физических наглядных репрезента-

⁶ Информация – одна из многочисленных сущностей ОПР. Это совокупность психических феноменов, или некое психическое содержание, репрезентирующее людям какой-то аспект «реальности в себе». Данное психическое содержание потенциально доступно передаче от одного человека к другому с помощью языковых конструкций или других знаковых систем.

ций» (с. 101). Подобные странные конструкторы можно было бы списать на неточности изложения и перевода или на увлеченность исследователей, если бы они не отражали общую позицию когнитивизма.

В когнитивизме, например, общепринятый и широко используемый для обозначения конкретных психических феноменов психологический термин «репрезентации» может применяться почему-то для обозначения электрофизиологических феноменов и компьютерных моделей электрической активности мозга – «мозговых карт». А психические образы почему-то сопоставляются с компьютерными изображениями участков мозга, отличающихся повышенной активностью. И между этими разными явлениями проводятся непонятные аналогии.

Какое отношение мозговое картирование может иметь к ментальным образам? Ответу: такое же, например, как и пики на электроэнцефалограмме, или вызванные потенциалы, или даже колебания уровня гормонов в крови и моче, то есть никакого. Все это столь же «информативно» для анализа и понимания психических феноменов, как, например, цвет волос и рост больного для установления ему диагноза или средняя температура по больнице как показатель эффективности лечения в ней.

На данном этапе развития психологии психические и физиологические феномены необходимо исследовать, не отдавая предпочтения ни тем ни другим, но уж никак не ис-

ключая психическую феноменологию из сферы интересов психологии. Психическое содержание сознания не нуждается для доказательства своего существования в физиологическом подкреплении и подтверждении. Достаточно просто обратить внимание на собственные мысли. И в очередной раз повторяю, что нельзя успешно изучать связи плохо выделенных и нечетко определенных феноменологически психических явлений с мозговыми структурами и процессами.

Психические феномены легко доступны каждому человеку в процессе интроспекции. Они ему более или менее понятны. К тому же они легко трансформируются в человеческую речь, а чужая речь, в свою очередь, будучи воспринятой человеком, легко трансформируется в психические явления его сознания. Кроме и вместо психических феноменов нет ничего ответственного за появление и функционирование человеческого разума и того, в чем разум может выражаться столь очевидно для самого человека. Однако бихевиористское наследие не позволяет принять несомненный факт того, что именно и только психические феномены и есть основной и важнейший предмет, который психология должна и может изучать. Изучать потому, что лишь они представляют собой единственную форму проявления и существования человеческого разума. Разума, так же доступного интроспекции, как внешний мир доступен наблюдению исследователя.

Изучать психические феномены можно и нужно в первую очередь с помощью интроспективного наблюдения и описа-

ния собственных психических явлений. Хотя, как пишет К. Лоренц (2012), «...многие ученые часто выражают недоверие и плохо скрываемое пренебрежение, когда... исследование начинается с наблюдений и описаний, вместо обращения к экспериментальным методам и определению понятий в стиле, который называют “точным” и “научным”. Никому из подобного рода теоретиков не приходит в голову, что Ньютон и Кеплер открыли законы движения небесных тел исключительно на основе наблюдений и описаний, не проводя ни единого эксперимента. Тем более им невдомек, что эти методы привели к открытию принципов, гораздо менее доступных экспериментальной проверке, чем закон всемирного тяготения, – принципов, которыми руководствуется наше собственное морально-этическое поведение. Итак, путь к человеческому самопознанию остается напрочь заблокированным» (с. 96).

Человек в процессе интроспекции легко регистрирует собственные мысли. Многие из них он затем экстериоризирует, то есть высказывает в виде слов во время коммуникации с другими людьми. Только психические феномены отображают нашу интеллектуальную деятельность и связаны с ней совершенно очевидным образом. Исключительно в виде психических феноменов выражаются и существуют не только человеческий разум, но и репрезентированные в них же «объективный» физический мир и «субъективный» внутренний мир.

Еще раз повторю, что нет человеческого разума в виде некой якобы бессознательной разумной физиологической или электрохимической активности мозга. Его нет без и вне психических феноменов. Разум проявляется не только в форме разумного поведения, но в первую очередь в форме упорядоченных последовательностей психических феноменов, которые возникают в человеческом сознании и очевидны для каждого человека... Однако данный факт для современного когнитивистского методологического бихевиоризма по-прежнему неочевиден.

Психические феномены доступны интроспекции и представляют собой преимущественно чувственные образы, понятия и конструкции из них. При этом их самих по себе вполне достаточно для понятного и убедительного психологического объяснения функционирования человеческого разума. **Взаимосвязанные психические феномены, наблюдаемые интроспективно, являются для каждого индивидуума, с одной стороны, субъективным доказательством наличия у него разума и сознания. С другой стороны, они же суть проявления самого разума и сознания. Более того, никакого другого разума и сознания без этих психических феноменов или вместо них у человека просто нет.**

Собственные психические явления мы всегда осознаем, хотя и не всегда столь же хорошо понимаем. Они доступны нам и как репрезентации реальности, и как объекты наше-

го самонаблюдения. Чудесно то, что мы способны не только переживать их в своем сознании, то есть мыслить, но и рефлексировать по поводу своих мыслей. Это позволяет нам описывать и обдумывать не только воспринятое в окружающем мире, но и переживаемое в собственном сознании в процессе интроспекции... Мы способны делать это так же, как делали люди сто и тысячу лет назад. И для объяснения разума нет необходимости создавать надуманные и лишние конструкты. Мы просто можем наблюдать за подтверждающими нам наличие у нас разума феноменами своего сознания так же, как наблюдаем за внешним миром.

Доминирующие в когнитивной психологии положения о недопустимости интроспекции и второстепенной роли психических феноменов сегодня не просто неадекватны и странны. Они уже смешны. Дело в том, что сам когнитивизм демонстрирует нам, как, немного модифицировав интроспекцию (подробнее об этом см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 15–67), вполне можно преподнести ее в форме «объективно-го» психологического эксперимента... Для этого достаточно лишь соблюсти некоторые формальные условия. Например, предложить нечто вроде экспериментальной методики и ввести в интроспекцию элементы измерения каких-либо параметров. Главное, не называть все это интроспекцией.

Так, один из основоположников когнитивизма, Дж. Андерсон (2002, с. 122–123), приводит в своей основополагающей монографии по когнитивной психологии в качестве

вполне «объективного» эксперимент Р. Мойера (R. S. Moyer, 1973, с. 180–184). Автор измерял в нем время, необходимое для мысленного сравнения ментальных образов разных объектов. Испытуемым предлагалось оценить по памяти относительные размеры двух животных, например лося и таракана, волка и льва. Многие испытуемые сообщали, что, давая оценки, они представляли образы объектов и действительно мысленно сравнивали их размеры. Исследователь установил, что увеличение разницы в размере объектов уменьшает время реакции испытуемых. Наибольшие трудности возникали при сравнении близких по размерам объектов.

Вопрос: *что «объективно» изучалось в этом эксперименте?* Ответ: «объективно» не изучалось ничего. Несмотря на то что когнитивизм исключает возможность использования данных интроспекции, Р. Мойер (там же) прямо использует результаты интроспекции испытуемых. Основываясь на гипотезе, выстроенной, по-видимому, на основе собственной интроспекции, экспериментатор успешно и «объективно» доказывает в интроспективном эксперименте, что задача на различение визуальных образов представления двух объектов будет решаться быстрее, если объекты различаются в большей степени. «Объективность» же, вероятно, заключается в факте измерения исследователем времени получения от испытуемых интроспективных самоотчетов и формальной возможности воспроизвести этот эксперимент.

Таким образом, **стоит только добавить в интроспек-**

тивный эксперимент чуть-чуть видимости математики или физики (в виде процедуры измерения), как когнитивизм уже готов считать его не только достоверным, но и «объективным». Из сказанного мною не следует, что я не согласен с автором эксперимента или против подобных легко воспроизводимых интроспективных экспериментов. Наоборот, я лишь демонстрирую, что это не «объективная» психология, а попытка объективизации, точнее, даже формализации результатов интроспекции исследователя и его испытуемых. Следовательно, **интроспективные приемы, которые, как неоднократно провозглашалось основателями когнитивизма, не соответствуют его базовым положениям, теперь уже негласно признаются и принимаются им, а их использование рассматривается даже в качестве его достижений, в то же время официально интроспекция по-прежнему отвергается.** Это лишь свидетельствует о глубоком кризисе данного направления.

Такого же рода «объективные» интроспективные эксперименты стали уже новой классикой когнитивизма. Отличаются они друг от друга лишь большей или меньшей маскировкой факта использования интроспекции. Так, в широко известном эксперименте Р. Финке, С. Пинкера и М. Фараха (R. A. Finke, S. Pinker & M. J. Farah, 1989, с. 50–78), который тоже расценивается Дж. Андерсоном (2002, с. 125) как «объективный», авторы предлагали испытуемым созда-

вать мысленные образы, а затем осуществлять их трансформации. Например, предлагалось представить заглавную букву N, а затем провести линию от верхнего правого угла к нижнему левому углу. Затем вообразить заглавную букву D, повернуть ее на 90 градусов влево и поместить снизу заглавную букву J. Испытуемые осуществляли эти преобразования с закрытыми глазами и отвечали, что у них в первом случае получились песочные часы, а во втором – зонт.

По мнению авторов, их коллег и самого Дж. Андерсона (там же), данный «объективный» эксперимент продемонстрировал, что испытуемые способны строить в своем сознании визуальные образы представления и трансформировать их. Испытуемые, безусловно, способны строить в своем сознании визуальные образы представления и трансформировать их, но мы с вами имеем здесь дело с обычной интроспекцией, даже не особенно замаскированной под традиционный «объективный» эксперимент.

Больше замаскировано участие интроспекции в «объективных» экспериментах С... Косслина и соавторов (S. Kosslyn, 1973, с... 90–94; S. Kosslyn, 1975, с. 341–370; S. Kosslyn, 1976, с. 291–297; S. Kosslyn, 1978, с. 217–257; S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978a, с. 1–20). Например, в одном из них (S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978a, с. 1–20) испытуемым показывали карту воображаемого острова с различными объектами: зданием, деревом, лугом, колодцем и т. д. Затем предлагали мысленно восстановить образ

острова и называли два объекта (например, здание и луг), между которыми испытуемые должны были мысленно провести линию. Было установлено, что время, необходимое для этого, прямо пропорционально расстоянию между данными точками. По мнению авторов, то же самое имело бы место, если бы испытуемые проводили конкретную линию на реальной карте. Авторы заключили, что мысленные образы можно сканировать и для этого требуется примерно то же время, что и для сканирования реальных картин, а также то, что существуют параллели между мысленными образами (зрительными образами представления и воспоминания) и зрительными образами восприятия.

В экспериментах по мысленному сканированию расстояний между разными частями зрительных образов представления и воспоминания С. М. Косслин и соавторы (там же) «доказали», что мысленные образы все же существуют, несмотря на изначально скептическое отношение самого автора к такой возможности. Собственно говоря, проведенные опыты лишь тем и интересны, что демонстрируют обращение необихевиористов в новую веру, так как и без подобных опытов для противников бихевиоризма ответы на рассмотренные авторами вопросы совершенно очевидны. Для этого достаточно секундной интроспекции.

Продемонстрированная когнитивными психологами в этих и других экспериментах тщательность проверки самого факта наличия ментальных образов вызывает у меня лично

лишь недоумение. С одной стороны, эти использующие интроспекцию эксперименты не доказывают (тем более «объективно») факта наличия субъективных по своей природе ментальных образов. К тому же они и не являются, да и не могут являться «объективными» с точки зрения стандартов «объективной науки». С другой стороны, можно и нужно, конечно, проверять факты, представляющие ценность для науки, но пытаться проверять и перепроверять факт наличия собственных субъективных психических явлений, которые с античности считались самым очевидным для любого человека фактом, да к тому же еще и в «объективных» экспериментах, – это уже чересчур.

Для Р. Декарта (1994а, с. 276) сам факт наличия психических феноменов являлся настолько бесспорным и первичным, что снимал у автора сомнения в его собственном существовании – «мыслю, следовательно, существую». Для когнитивистов тем не менее этот факт перестал быть такой бесспорной очевидностью. *Они пошли «дальше» (!) Р. Декарта в своих попытках «объективно» доказать наличие предельно «субъективных» явлений?* Можно, разумеется, с энтузиазмом исследовать не только вопрос существования ментальных образов, но и другие столь же «неизвестные» и «важные» вопросы. Например: *есть ли у нас руки и глаза? Существуют ли мы сами в реальности, и где доказательства этого?* Но вряд ли это разумно через 400 лет после Р. Декарта, а потом еще и Э. Гуссерля, тоже подвергавшего все

сомнению.

Сказанное выше лишний раз свидетельствует о том глобальном вреде, который нанес и продолжает наносить психологии бихевиоризм. Недаром Л. Барсалу (2011, с. 129) пишет о «затянувшейся паранойе» у современных психологов, «вызванной атаками бихевиористов», так как даже в его собственных работах ярко проявляются ее следы.

Лично я не сомневаюсь в том, что ментальные образы существуют, а испытуемые могут их измерять, вращать, сканировать и т. д., так как моя собственная интроспекция легко подтверждает данные факты. Но легализация в когнитивизме подобных экспериментов – не что иное, как контрабандное использование интроспекции и заведомо необъективных экспериментов в якобы «объективной» психологии. Я полагаю, что авторы приведенных экспериментов тоже не сомневались изначально в существовании ментальных образов, но ставили соответствующие эксперименты, чтобы «объективно» доказать другим своим «неверующим» коллегам факт их наличия. Парадоксально, но они действительно многим это доказали. Впрочем, данное обстоятельство скорее огорчает, чем радует, так как свидетельствует лишь о зашоренности и стереотипности взглядов сторонников когнитивизма и неадекватности их представлений об «объективности» собственных экспериментально-психологических исследований.

Давайте еще раз рассмотрим, на чем же основываются

«научная убедительность» и «объективность» экспериментальных «доказательств» факта наличия ментальных образов. Первое «доказательство» заключается в самом факте проведения «научного эксперимента». Второе – в формальном измерении «объективных» физических параметров, например времени. Третье – в воспроизводимости полученных данных в рамках новых подобных «объективных» экспериментов. Что касается собственно факта наличия ментальных образов, как и факта мысленного оперирования ими, то они то как раз и не регистрировались «объективно», так как это в принципе невозможно, а постулировались в исходных гипотезах экспериментаторов и косвенно выводились ими из этих же гипотез.

Подобные интроспективные, но якобы «объективные» эксперименты не были бы приняты американским психологическим сообществом даже к рассмотрению, появившись они лет на 20–30 раньше. Однако во второй половине XX в. радикальные бихевиористские установки, потерпев крах, эволюционно трансформировались в когнитивизме в более умеренные. Пришло время для появления и принятия новых взглядов. Для когнитивизма в конечном счете сейчас уже не важно, насколько факт наличия психических феноменов подтвержден «объективными» экспериментальными данными. Необходимо лишь «соблюсти приличия», так как большинство исследователей и без «объективных» экспериментов понимают, что ментальные образы – реальность, пото-

му что давно обнаружили их в собственном сознании интроспективно. Для многих исследователей вопрос лишь в том, что это их понимание противоречит существующей в психологическом сообществе официальной парадигме, с которой они не могут не считаться.

Итак, когда упорное неприятие наличия психических явлений выглядит уже очень странным, когнитивизм готов признать и факт их наличия, и даже использование интроспекции. Просто он стыдливо называет слегка модифицированную интроспекцию «объективным психологическим экспериментом». Если когнитивизму необходимы эти игры для сохранения лица, можно, конечно, даже назвать интроспекцию «объективным экспериментом». Для этого достаточно лишь стандартизировать ее и построить по образцу «объективного» эксперимента, то есть обеспечить подобие ее воспроизводимости. Очевидно, что и главенствующая роль психических явлений в обеспечении функционирования человеческого разума, и необходимость интроспекции в их изучении будут признаны когнитивизмом завтра. Но хотелось бы, чтобы это случилось еще вчера.

В то же время не следует бросаться и в другую крайность, отказываясь от объективного психологического эксперимента. Необходимо учитывать, что интроспекция, как и эксперимент, имеет очевидные ограничения. Из того факта, что сознание способно в процессе рефлексии как бы на-

блюдать со стороны за возникающими в нем же психическими явлениями, не следует, будто человек может как-то «прямо» познать возникающие в его сознании феномены и в результате глубоко проникнуть в их сущность. Это также не означает, что сознание обладает каким-то особым пониманием собственных психических феноменов, что собственное психическое содержание познается в процессе рефлексии непосредственно, что оно совершенно открыто для сознания, имеющего к нему приоритетный доступ, как полагали интроспекционисты в XIX в. **Собственные психические феномены доступны сознанию лишь в той же мере, в какой доступен наблюдателю любой внешний объект наблюдения.**

Вся приоритетность и исключительность самонаблюдения за содержанием собственного сознания заключается только в том, что другому (внешнему) наблюдателю это же психическое содержание чужого сознания недоступно вовсе. Но из этого ни в коем случае не следует никакой особой открытости собственного психического содержания для познания и тем более особого понимания этого содержания, якобы возникающих в процессе интроспекции. **Человек может наблюдать и регистрировать во время интроспекции наличие собственных психических явлений, но ничего в них не понимать**, как, например, ребенок, наблюдающий за работой биржи. Такое непонимающее наблюдение в психологии нередко ошибочно называют бессознательным. Хо-

тя правильное было бы говорить о непонимании собственных вполне осознанных психических феноменов. О непонимании их причинно-следственных связей, особенностей их возникновения, развития и результатов.

Мне кажется, что психологам пора наконец задуматься о событиях, происходящих в психологии последние 100 лет, и о негативном влиянии на ее развитие бихевиоризма, которое по-прежнему сохраняется... *Может быть, имеет все же смысл признать, что «объективистская» революция в психологии, начатая В. Вундтом и продолжаемая до сих пор его последователями, пытающимися создать на базе изучения мозга «объективную» психологию – науку о человеческом разуме по образцу физики, провалилась?*

Хуже того, она породила антипсихологию – современные разновидности бихевиоризма – обанкротившегося научного направления, претендовавшего на то, чтобы называться наукой о человеческом разуме, но без психических явлений. И все обещания бихевиористской психологии раскрыть механизмы человеческого разума оказались пустыми. Гора родила мышь.

Не пора ли осознать, что объяснить человеческий разум без признания определяющей роли психических явлений невозможно и попытки преуменьшить роль и значение психических явлений – это путь в никуда; что сторонники преуменьшения роли и значения психических феноменов мало что дали психологии, но они захватили в ней власть почти

на век и их позиции по-прежнему сильны? Они контролируют журналы, кафедры, лаборатории и научные общества. Их фундаментальные идеи, пусть и в видоизмененном виде, все так же преподаются во всех университетах, и их изучают студенты, превращающиеся в новых сторонников мертвого вероучения... В результате и в последующие десятилетия разные варианты необихевиоризма будут по-прежнему определять пути развития психологии.

П. Фейерабенд (2007, с. 298) пишет о том, что большинство исследователей в любой науке предпочитают сохранять существующее в ней положение дел. Их критика направлена лишь против мнений их противников, но никогда – против самих фундаментальных идей. Фундаментальные верования науки защищаются с помощью «табу»-реакции, как «табу» в примитивных обществах. А все то, что не охватывается обоснованной категориальной системой или считается несовместимым с ней, рассматривается как нечто совершенно неприемлемое либо просто объявляется несуществующим. Наука не готова сделать теоретический плюрализм основанием научного исследования. Между наукой и мифом существует поразительное сходство, заключает он.

Добавлю, что шоры, наложенные обучением, трудно преодолеть. Тем не менее отрицающий интроспекцию когнитивистский необихевиоризм уже поставил себе на службу интроспективный метод и относит его результаты к своим достижениям. Вспоминаются слова П. Фейерабенда (2009, с.

260) о том, что ошибки в научных исследованиях не просто встречаются, но повсеместно распространены. Их распространенность – не историческая случайность, не временная утрата интеллекта, а образец. Некомпетентность, будучи стандартизированной, превратилась в существенную часть профессионального превосходства. У нас больше нет некомпетентных профессионалов, у нас есть профессиональная некомпетентность.

Подведу предварительный итог.

1. Человеческое сознание и разум нельзя познать без признания необходимости изучения переживаемых человеком психических феноменов, то есть сознание и разум нельзя изучить на физиологическом уровне. Психические феномены – единственный ключ к их пониманию. Психические феномены самоценны, самодостаточны и нуждаются в изучении сами по себе и даже без их связи с нейрофизиологическими процессами. По крайней мере на данном этапе развития психологии и естествознания это вполне оправданно.

2. Психические феномены надо изучать с помощью новых стандартизованных, воспроизводимых и проверяемых методик интроспекции с одновременным привлечением экспериментальных методов.

3. Процессы, обеспечивающие человеческий разум, следует рассматривать на физиологическом уровне, а

ответственные за разум – на психологическом уровне. На физиологическом уровне присутствуют-одни сущности⁷: нейроны, электрические импульсы, синапсы, нейромедиаторы и т. д. На психическом уровне – другие, причем только те, которые мы в состоянии обнаружить в своем сознании интроспективно. Категорически недопустимо смешивать эти уровни. При попытках их совместного рассмотрения и обсуждения возникает нелепая и бессмысленная каша из терминов. Даже в процессе построения аналоговых метафор, моделирующих человеческое познание, недопустимо объединять разные уровни и, перескакивая с одного на другой, создавать из несопоставимых элементов некие гибридные конструкторы⁸.

4. Ничего, кроме того, что мы способны интроспективно «увидеть» в собственном сознании, в нем нет и не может быть. Там нет, например, «неосознаваемых репрезентаций» или «амодальных репрезентаций», а также других странных конструкторов, широко представленных в когнитивистской психологической литературе. Все то, что мы не можем обнаружить в со-

⁷ Я ни в коем случае не призываю отказаться от изучения материальных процессов в мозге. Речь не об этом, а лишь о том, что психические явления должны занять в психологии главное место, должны перестать быть придатком физиологических явлений в мозге.

⁸ Например, обсуждать «перцептивный символ, определяемый как нервная репрезентация» (Л. Барсалу, 2011, с. 132), «типы символов, хранящиеся в соответствующей им зоне мозга» (с. 133), «нервные репрезентации» (с. 130) и т. п.

знании непосредственно в процессе интроспекции, – не более чем создания разума исследователей, вроде троллей и эльфов, которые «где-то живут».

5. **Используемая исследователями терминология должна быть максимально четкой. Каждое вводимое понятие должно быть квалифицировано: это психический феномен, это физиологическое явление, это полезная для понимания данной сущности метафора, это конструкт исследователя и т. д.** Нельзя обсуждать некий создаваемый исследователем спорный конструкт безотносительно к месту его возможного приложения и вне связи с его предполагаемой функцией.

6. **Компьютерная аналогия неадекватна для моделирования психики человека**, так как наша психика функционирует по совершенно иным принципам, не имеющим никакого отношения к ЭВМ⁹. Компьютерная метафора – вредное и ошибочное заблуждение, тоже порожденное необихевиоризмом.

Не следует рассматривать человека как черный ящик и искать в этом ящике скрытые сущности. Наоборот, человеческое сознание с его психическими феноменами – это откры-

⁹ Человек лучше всего понимает то, что создал сам, поэтому он пользуется соблазнительной возможностью попытаться применить для объяснения функционирования своего сознания компьютерную метафору. Но это путь в никуда. Не надо вести себя как пьяный, который потерял часы в темных кустах, но ищет их под фонарем, «потому что там светлее».

тая книга, которую нужно просто пытаться учиться читать. И для этого надо хотя бы вспомнить об интроспекции и достижениях классической психологии XIX в.

§ 2. «Кредо» современного психолога

Позиции когнитивизма, господствующего сегодня в американской и европейской психологии, в российской психологии гораздо слабее, так как советская психология не приняла в полной мере западного бихевиоризма и оставалась гораздо ближе к классической психологии XIX в... Однако объективистская парадигма, напротив, выражена в современной российской психологии в большей степени¹⁰, чем в зарубежной, хотя и в западной психологии объективизм широко распространен. По словам Дж. Лакоффа (2004, с. 245), классическая, или объективистская, точка зрения становится сейчас все более популярной в гуманитарных науках. Она разделяется большинством исследователей и «сегодня принимается не просто как истинная, но как очевидно и несомненно истинная» (с. 16).

Казалось бы, за два с лишним века, прошедших после смерти И. Канта¹¹, в результате влияния его идей представле-

¹⁰ Результат доминирования в советской философии (1917–1991 гг.) диалектического материализма.

¹¹ И. Кант (1994, с. 205) говорит, что не знает, каковы «вещи сами по себе», и ему незачем это знать, так как вещи могут предстать перед нами только в явлениях. Из его учения (с. 205–206) вытекает, что вещь конституируется именно

ния о роли сознания человека в конституировании окружающей физической реальности должны были радикально измениться. Однако, как это ни парадоксально, именно в психологии, в отличие, например, даже от физики и тем более философии, господствуют сегодня взгляды, на которые учение И. Канта оказало минимальное влияние. Конечно, большинству психологов сейчас и в голову не придет оспаривать идеи И. Канта, из чего можно заключить, что они с И. Кантом согласны. Но, формально признавая, что в физической реальности есть не предмет, а лишь «вещь в себе», психологи на практике легко отождествляют последнюю с физическим предметом, который существует в окружающем мире и репрезентации которого возникают в человеческом сознании.

В современной психологии господствует «здоровый смысл¹²». Тем не менее нельзя не отметить, что, например, об окружающих нас предметах зарубежные исследователи говорят очень осторожно, стараясь не вдаваться в эту крайне неопределенную и плохо очерченную наукой область. Отече-

сознанием. Вне сознания есть нечто совершенно иное, недоступное нашему пониманию, трансцендентное – «вещь в себе». Следовательно, сознание человека уже не просто лишь отражает в себе или репрезентирует себе независимый от него внешний вещественный мир. Оно способно в этом своем репрезентировании влиять на физическую реальность. Наши образы восприятия не просто «копируют», а конституируют предметы окружающего физического мира.

¹² Здоровый смысл – гипотетическая психическая сущность, присутствующая у большинства людей, ответственная за достаточно адекватное репрезентирование реальности и успешные в большинстве случаев стратегии поведения, которые можно ожидать от людей без необходимости обсуждения.

ственные авторы, напротив, почему-то предпочитают более откровенно придерживаться наивно-реалистической¹³ позиции. Вряд ли следует предполагать, что они не знают работ И. Канта или считают репрезентации психическими копиями окружающих предметов. Тем не менее в своих работах многие из отечественных авторов используют выражения, которые могут ввести в заблуждение людей, впервые знакомящихся с психологией.

Чтобы у читателей не возникло впечатления, будто я приписываю психологам точку зрения, которую они не разделяют, приведу лишь несколько случайно отобранных цитат из современных учебников, словарей и монографий, подтверждающих факт доминирования в психологической литературе указанных представлений (см. Примечание 1).

В своей известной книге Дж. Лакофф (2004, с. 11–14) формулирует доминирующие в науке объективистские воззрения, а М. Бунге (2009, с. 6–7) в своей книге приводит «заповеди», составляющие, по его мнению, «кредо наивного физика», которые разделяли в XX в. большинство физиков... Сформулирую по аналогии «кредо наивного психоло-

¹³ «Наивный реализм – эпистемологическая позиция в философии и в обыденном сознании, согласно которой реально все, что нормальный человек воспринимает в нормальных условиях и описывает общепринятым и соответствующим фактам языком. С точки зрения наивного реалиста, реальность – это то, что он лично воспринимает при помощи своих органов чувств, а также то, что он думает и знает о чувственно воспринимаемом мире» (Наивный реализм: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Наивный_реализм).

га», разделяемое большинством современных исследователей (что не равнозначно истинности этих положений).

I. Существует два независимых и не проникающих друг в друга мира: физический окружающий мир и психический внутренний мир человеческого сознания. Первый существует вне человека и независимо от него. Он объективен и предметен. На него не влияет то, что люди думают о нем, как его воспринимают и понимают. Он имеет четкую структуру, которая включает в себя предметы и явления, их свойства, признаки, действия и отношения. Кроме предметов, в нем присутствуют категории, например естественные виды и роды животных и растений. Категории – это множества, определяемые общими признаками и свойствами входящих в них предметов.

II. Субъективный, или внутренний, психический мир сознания человека лишь отображает в себе с разной степенью точности объективный предметный внешний мир. Правомерна следующая схема: физический предмет во внешнем мире – его психический образ в сознании – вербальная мысль о предмете в сознании. Образы восприятия, или перцепты, лишь с большей или меньшей точностью соответствуют существующим в окружающем физическом мире предметам. Благодаря им человек устанавливает правильные соотношения между внешним миром и собственной символической системой, с помощью которой он мыслит.

III. Существует правильная категоризация вещей в окружающем мире, независимая от человеческих особенностей, специфики человеческого восприятия и познания. Ее можно назвать «божественным видением» мира или «взглядом ниоткуда». Окружающий мир исходно должен быть правильно разделен человеком на реально существующие в нем категории. Тогда символические структуры человеческого сознания смогут правильно соотноситься с категориями мира. Символы – это понятия (и концепты), которые получают свое значение посредством соотнесения с предметами и категориями окружающего реального или возможного мира. Чем лучше символы соответствуют сущностям, присутствующим в мире реальном или возможном, тем лучше человек понимает окружающее. Естественные классификации физических предметов и прочих сущностей отражают объективно присутствующую реальную картину мира, а потому могут или соответствовать ей, то есть быть истинными, или не соответствовать, то есть быть ложными.

IV. Восприятие может накладывать ограничения на концептуализацию реальности, но не может приводить к созданию концептов, не соответствующих чему-либо объективно присутствующему в мире. Концепты не зависят от особенностей людей и их когнитивных процессов. Концептуальная категория – это символическая репрезентация категории реального мира. Ее члены – это символические сущности, которые соотносятся с предметами в соответствующей кате-

гории внешнего мира и не зависят от особенностей людей. Концептуальные категории, как и реальные категории окружающего мира, являются множествами, которые тоже определяются свойствами своих членов. Категории концептуальные должны соответствовать категориям окружающего мира, существующим в нем независимо от людей, а потому они зависят только от характеристик входящих в физические категории предметов, но не от людей.

V. Между чувственными и вербальными психическими феноменами нет каких-либо очевидных связей. Язык является самостоятельным «модулем», независимым от чувственных репрезентаций. Все люди используют одну и ту же понятийную систему. По крайней мере, существуют универсальные понятия, общие для всех культур.

VI. За рациональные решения и разумное человеческое поведение ответственны человеческий мозг и материальные процессы, протекающие в нем. Человеческий разум представляет собой «черный ящик», и его изучению может помочь компьютерная метафора¹⁴. Психические феномены существуют, но они не ответственны за человеческий разум и не являются его основным и единственным проявлением. Психические феномены не связаны естественной и очевидной причинно-следственной связью с разумом. Они лишь сопровождают ответственные за человеческий разум нейрофи-

¹⁴ VI и VII пункты в большей степени характерны для западной когнитивной психологии, чем для отечественной психологии.

зиологические и нейрохимические процессы, протекающие в мозге.

VII. Объективное наблюдение и объективный эксперимент – основные и единственные источники психологического знания. Интроспекция – бесполезный, неприемлемый и даже вредный для психологии метод исследования. Математическая физика – идеальный образец для научной психологии. Научные теории отображают объективную реальность мира и являются знанием о нем, основанным на опыте и синтезе экспериментальных данных. Психологические законы, как и законы физические, не создаются человеком, а открываются им. Они могут быть прослежены в множестве эмпирических данных.

VIII. Во Вселенной существует трансцендентная рациональность, выходящая за пределы человеческого ума. Она определяется логическими отношениями, существующими между вещами и категориями в мире. Человеческое мышление точно, когда символы, используемые в нем, правильно соотношены с сущностями и категориями в мире и когда воспроизводят логические отношения, объективно существующие между предметами и категориями в физическом мире. Мышление – это логическое оперирование абстрактными символами, поэтому оно может быть смоделировано посредством систем, подобных системе математической логики. Правильное мышление – это логическое оперирование символами, точно отражающее рациональную структуру ми-

ра и его логику.

IX. События, факты и их истинность не могут зависеть от способа концептуализации и когнитивных способностей людей, их мнений, знаний, теорий, веры или специфики человеческого познания.

X. Знать нечто означает правильно репрезентировать предметы и категории окружающего мира, существующие в нем. Истинность знания зависит от мира, от того, насколько точно человек отображает его в своем сознании, от правильной категоризации и концептуализации им сущностей окружающего мира, но не от человека.

Нет сомнений в том, что не все психологи разделяют эти положения целиком. Но я говорю о доминирующих в современной психологии представлениях и о преобладающей в ней объективистской парадигме. К тому же взгляды отечественных и зарубежных психологов пока еще немного различаются. Приведенные выше положения могут встречаться у исследователей в разных сочетаниях, порой даже причудливо противореча друг другу. Впрочем, большинство исследователей обычно и не формулируют собственные представления в завершенной форме и столь определенно. И выводы приходится делать на основании анализа их публикаций.

Представленные постулаты, конечно, сильно упрощают реальную картину взглядов, доминирующих в современной психологии, но тем не менее отражают многие ее основные

положения. Более того, в психологии сегодня нет, например, ни общепринятых теорий, охватывающих все перечисленные выше проблемы и выстраивающих целостное представление о функционировании психики, ни даже признаваемой всеми психической феноменологии понятий и вербальных конструкций. Общетеоретические построения, репрезентирующие психику в целом, носят, как правило, фрагментарный характер и детально структурированы лишь в области собственных научных интересов конкретных исследователей... Думаю, однако, что большинство из них скорее согласятся с приведенными выше положениями, чем отвергнут их. Я же постараюсь далее доказать, что **все перечисленные выше положения ложны.**

Человека окружает «реальность в себе», частью которой является и он сам... Но человек обладает психикой и сознанием. Психика – это создаваемая нервной системой живого организма особая сущность, среда, сфера, область, в которой психическими средствами, отличными от средств «реальности в себе», репрезентируется окружающая живой организм часть «реальности в себе». Репрезентирование «реальности в себе» – это нечто вроде ее специфического представления психическими средствами... При этом репрезентации, аналоги которых отсутствуют в «реальности в себе», непонятным образом соответствуют ее особенностям и свойствам. В результате репрезентирование, во-первых, позволяет организму жить в «реальности в себе», то есть ориентировать-

ся и действовать в ней, а во-вторых, эффективно приспособляться к ее постоянным изменениям и даже предвидеть некоторые из них.

Психика и ее репрезентации «реальности в себе» ответственны за интеллектуальную, разумную, или рациональную, активность живого организма. Эта активность выражается в появлении в сознании стройных последовательностей психических феноменов, доступных рефлексии, а также целесообразной адаптивной деятельности организма в «реальности в себе», способствующей лучшему его выживанию. Специфически человеческая разумная активность дополнительно выражается в гораздо более глубоком и широком, чем у животных, репрезентировании «реальности в себе» и использовании своих психических репрезентаций для целенаправленного изменения окружающей «реальности в себе» в нужном для удовлетворения потребностей человека направлении. Главным отличием человеческой психики от психики животных является способность создавать и использовать для репрезентации «реальности в себе» символические репрезентации, то есть понятия (и концепты) и конструкции из них.

Тезисы для обсуждения

1. Психические явления – самая очевидная и бесспорная для человека, их переживающего, реальность, так как даже

окружающий мир дан ему в форме его собственных психических феноменов.

2. Психические явления – единственный субстрат и главная форма выражения человеческого разума. Человеческий разум проявляется в виде упорядоченных последовательностей сменяющих друг друга в сознании психических феноменов – чувственных и вербальных репрезентаций окружающей человека «реальности в себе», состояний его тела и даже содержания его сознания.

3. Материальные процессы, протекающие в мозге, при всей их несомненной важности ответственны лишь за появление психических феноменов и соотносятся с ними неясным пока образом. Следовательно, они не могут быть использованы для объяснения проявлений разума, по крайней мере на данном этапе развития науки. Психических же феноменов вполне достаточно для объяснения механизмов функционирования разума.

4. Современный когнитивизм, хотя и признает факт наличия психических феноменов, не готов принять, что именно они являются непосредственно рефлекслируемой каждым человеком субъективной формой выражения его разума.

5. Несомненно то, что психические и физиологические феномены неразрывно связаны между собой и мощно влияют друг на друга, хотя мы и не понимаем пока механизмов этой связи и влияния. Однако недопустимо пытаться их причудливо объединять в научных теориях, конструируя из фи-

зиологических и психологических понятий некие странные нежизнеспособные гибриды.

6. Психические явления могут быть непосредственно рассмотрены человеком лишь в процессе интроспекции. Когнитивная психология продолжает официально отвергать интроспекцию, тем не менее активно использует ее.

7. Содержание собственного сознания доступно наблюдателю в той же мере, в какой доступен любой внешний объект наблюдения, но не более того. Приоритетность и исключительность самонаблюдения заключается лишь в том, что внешнему наблюдателю психическое содержание чужого сознания недоступно вовсе.

8. Интроспекцию необходимо вернуть в психологию в форме новых стандартизованных, воспроизводимых и проверяемых методик, не отказываясь одновременно от «объективного» психологического эксперимента.

1.1.2. Чувственное репрезентирование реальности

§ 1. Что такое моделирование и репрезентирование

Э. Шредингер (2000, с. 42) указывает, что выражения «модель» и «картина» стали использоваться для концепту-

альных построений науки во второй половине XIX в.». В. А. Штофф (1966, с. 19) определяет модель как мысленно представляемую или материальную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об объекте. По его (1978, с. 114) словам, между моделью и оригиналом имеется отношение сходства, форма которого явно выражена и точно зафиксирована (условие отражения или уточнения и аналогии); модель замещает изучаемый объект (условие репрезентации); изучение модели позволяет получать информацию об оригинале (условие экстраполяции).

В. А. Штофф (1978, с. 114–116) разделяет модели на материальные (вещественные) и мысленные (воображаемые). Мысленные модели отличаются, по его мнению, тем, что конструируются в форме мысленных образов, существующих лишь в голове исследователя. Они могут фиксироваться с помощью языка, знаковых средств, чертежей, рисунков и других материальных средств выражения, но от этого, как считает автор, не становятся материальными. Оперирование мысленными моделями представляет собой форму мысленного эксперимента, а сами модели являются его мысленными орудиями и средствами. Надо сказать, что не только философы, но и психологи, например Ф. Н. Джонсон-Лэйрд (2011, с. 344), активно используют в своих работах понятие *психические* или *умственные модели*. При этом, однако, почти не обсуждаются имеющие принципиальное значение

различия между психическими моделями и психическими репрезентациями.

Дело в том, что понятие *модель* обязательно предполагает наличие чего-то первичного и уже присутствующего во внешнем мире либо в психике. Следовательно, если мы говорим о восприятии как о психическом моделировании реальности, то изначально встаем на позицию объективизма, предполагающую бесспорное признание факта первичного и независимого от человеческого сознания существования предметного физического мира вне нас, который и моделируется человеческим сознанием. Однако у нас более чем достаточно оснований сомневаться в совершенно независимом от человеческого сознания существовании предметного физического мира, поэтому в психологии уже давно доминирует репрезентационная теория. Согласно ей человеческое сознание особым образом репрезентирует¹⁵, то есть отображает, воспроизводит, имитирует, представляет в себе самом своими психическими средствами окружающую «реальность в себе», совершенно иную сущностью.

М. Вартофский (1988, с. 18) полагает, что функция репрезентации заключается в замещении чего-то находящегося за ней, а не в простом обозначении этого, то есть в представлении некоторой вещи таким образом, чтобы мы смогли понять ее.

¹⁵ «Репрезентация – ...представление, представительство, изображение» (Г. В. Осипов, 1998, с. 301).

Действительно, уже из трудов И. Канта (1994) можно сделать вывод, что наши психические репрезентации не моделируют окружающий нас мир, а конституируют его особым образом, отличным от этого «мира в себе». Причем сознание может делать это только специфически антропоморфными средствами, используя психические феномены, которые без человека отсутствуют в «реальности в себе». Как пишут У. Матурана и Ф. Варела (2001, с. 20), наш опыт теснейшим образом связан с нашей биологической структурой. Мы не видим «пространство» мира или его «цвета», а проживаем поле нашего зрения и наше собственное хроматическое пространство. Когда мы пытаемся разобраться в том, каким образом мы познаем мир, мы неизменно обнаруживаем, что не можем отделить историю наших действий от того, каким этот мир нам кажется.

Учитывая все сказанное, можно утверждать, что **репрезентирование – это психический процесс, с помощью которого сознание создает своими психическими средствами и в себе самом специфические сущности и формы, отображающие в нем и для него «реальность в себе».** Сознание делает это с помощью собственных психических феноменов, отсутствующих в «реальности в себе» без человека.

Отличие психических моделей от репрезентаций заключается в том, что **психическая модель по-новому представляет в сознании уже репрезентированную в нем**

сущность. Например, вербальная конструкция может моделировать чувственную репрезентацию какой-то воспринятой человеком сущности. Тогда как сама перцептивная репрезентация первична, то есть представляет в сознании то, чего ни в нем, ни в «реальности в себе» еще не было в таком виде, то, что приобретает возможность существования для человека лишь в форме этой психической репрезентации. Репрезентации не копируют элементы «реальности в себе», не изоморфны им, так как представлены психическими феноменами, которые существуют лишь в сознании. Репрезентируя доступные восприятию элементы «реальности в себе», сознание создает своими специфическими психическими средствами новые сущности, в частности предметы.

Одни психические репрезентации представлены чувственными феноменами, которые обычно соотносятся человеком с предметами и явлениями, их свойствами и действиями. Другие репрезентации являются символическими, или вербальными¹⁶, и часто лишь неясным образом соотносятся с «реальностью в себе», конституируя в окружающем мире сущности лишь гипотетические либо даже явно отсутствующие в нем. Впрочем, и те и другие репрезентации в своей основе являются чувственными (С. Э. Поляков, 2011, с. 582). Все же имеет смысл придерживаться традиционного разде-

¹⁶ Символические, или вербальные, психические конструкции могут быть как репрезентациями, которые репрезентируют, например, сущности «реальности в себе», недоступные восприятию, так и моделями, которые моделируют, например, чувственные репрезентации.

ления, так как вербальные репрезентации феноменологически сильно отличаются от чувственных.

Итак, понятия *психическая модель* и *психическая репрезентация* различаются не просто нюансами... Между ними есть принципиальные различия.

§ 2. Понятие образ восприятия в отечественной и зарубежной психологии

В советской, а теперь и российской психологии принято выделять и исследовать образы восприятия, или перцептивные образы, что восходит еще к работам основателей классической психологии. Так, Г. Гельмгольц (1999), в частности, пишет: «Будем относить выражение “образ в представлении” только к отвлеченным от текущих чувственных впечатлений реминисценциям наблюдавшихся ранее объектов; выражение “перцептивный образ” – к восприятию, сопровождающемуся соответствующими чувственными ощущениями; выражение “первичный образ” – к совокупности впечатлений, формирующихся без каких бы то ни было реминисценций прежнего опыта и не содержащих ничего, кроме того, что вытекает из непосредственных чувственных ощущений. Теперь нам ясно, что один и тот же перцептивный образ может иметь различную чувственную основу, то есть образ в представлении и актуальные впечатления могут входить в самых различных отношениях в пер-

цептивный образ» (1999, с. 30); «...прежний опыт и текущие чувственные ощущения взаимодействуют друг с другом, образуя перцептивный образ» (с. 31).

В другом месте автор использует для обозначения образов восприятия термин «зрительные восприятия»: «Ощущения, вызываемые светом в нервном аппарате зрения, используются нами для формирования представлений о существовании, форме и положении внешних объектов. Представления такого рода мы будем называть зрительными восприятиями» (с. 21). Далее Г. Гельмгольц (1999) подробно разъясняет, что речь идет не о предметах внешнего мира, воспринимаемых нами, а именно об их зрительных образах, которые представляют собой лишь «символы или знаки предметов» (с. 36). Автор (там же) подчеркивает, что образ предмета и сам предмет принадлежат к двум различным мирам, которые даже не допускают сравнения друг с другом.

В. Вундт (2007) использует понятия *восприятия* и *представления восприятия*. Он пишет: «Впрочем, еще и в настоящее время многие психологи обозначают словом “представление” лишь те образования, которые не вызваны непосредственными внешними впечатлениями, то есть лишь так называемые “образы воспоминания”; представления же, обусловленные идущими извне впечатлениями органов чувств, называются в этом случае “восприятиями”» (с. 42); «...чувства зрения и слуха порождают, таким образом, в высшей степени разнообразные и богатые комбинации, во-первых,

качеств простых ощущений, во-вторых, тех сплетений представлений, в которые могут соединяться эти ощущения» (с. 44–45).

В. Вундт (2007) полагает даже, что «вообще нет каких-либо общезначимых различий между образами воспоминания и так называемыми восприятиями органов чувств. Образы, возникающие во время сновидений, обыкновенно бывают столь же живыми, как и восприятия органов чувств в бодрственном состоянии, почему они сплошь и рядом принимаются нами за действительно пережитые события» (с. 43).

Нельзя не отметить, что позиция, согласно которой выделяется предмет вне нас и образы восприятия этого предмета в сознании, локализуемые сознанием тоже вовне, легко может быть подвергнута жесткой критике. Наш здравый смысл уверен в существовании предмета вне нас, но, соглашаясь с наличием образа его восприятия, он удваивает сущности... Получается, что есть физический объект и еще его психический образ восприятия. Подобный вывод не может не смущать психологов, что вынуждает их либо не углубляться в эту проблему (отечественные психологи), либо просто не использовать понятие *образы восприятия* (зарубежные психологи).

У многих исследователей не вызывает сомнения работа И. Канта (1994, с. 306), утверждающего, что предметы не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли. А. Бэн (1998) пишет: «Всякое восприятие, всякое познание

есть факт духовного порядка. Восприятие есть акт духа; что бы мы ни думали о воспринимаемом предмете “в нем самом”, мы никак не можем отделить его от воспринимающего духа. Восприятие дерева есть духовное явление; дерево познается как воспринимаемое и никак иначе... Деревя совершенно отдельно от восприятия мы не знаем, а говорить мы можем только о том, что знаем» (с. 490).

Получается, что, с одной стороны, мы не должны удваивать сущности без нужды. С другой стороны, «вещь в себе» – не то же самое, что предмет и наш образ восприятия предмета.

А. Бэн (1998) так пытается описать существующие противоречия: «Различие между внешним восприятием и субъективным сознанием основывается обычно на предположении о существовании внешнего мира, который сначала существует отдельно от восприятия, а затем воздействует на дух и им воспринимается. Этот взгляд содержит в себе внутреннее противоречие. Согласно общему признанию дерево есть нечто существующее само по себе, отдельно от всякого восприятия; отражая свет, оно производит световое впечатление, и тогда мы воспринимаем его; все люди уверены в том, что восприятие есть следствие, а дерево, независимое от восприятия, есть причина. Однако дерево известно нам только по восприятию, и мы не можем ничего сказать о том, что оно представляет из себя до восприятия или независимо от него: мы можем мыслить дерево только как воспринима-

емое нами, а не как нечто не зависящее от восприятия» (с. 491).

Адекватного решения данной проблемы предложено не было. Психологи в СССР по-прежнему использовали восходящее к классикам понятие *образы восприятия*. Победа бихевиоризма в начале XX в. сначала в американской, а затем и во всей зарубежной психологии вообще сняла для нее проблему использования понятия *образы восприятия*. Все ментальные феномены были просто объявлены там «вне закона» и исчезли из психологической литературы. Р. Хольт (1981) пишет: «Образы, внимание, состояния сознания и другие основные понятия старой психологии-были преданы анафеме как “менталистские” и выдворены из светлицы в ночную мглу» (212, с. 19).

Ч. Осгуд (2002, с. 144–156) и Ф. Х. Олпорт (2002, 67–76), например, описывая в первой половине 1950-х гг. свои классические характеристики перцептивных феноменов, во все никак не обозначают перцептивные феномены, свойства которых обсуждают. Ч. Осгуд (2002), правда, пытается использовать хотя бы конструкт, обозначаемый понятием *зрительное поле*. Он цитирует Дж. Брауна и А. Вота (J. F. Brown, A. C. Voth, 1937): «Под зрительным полем мы подразумеваем пространственную структуру (конструкт), в которую могут быть упорядочены феномены зрительного поля» (с. 144).

Только в начале 70-х гг. XX в. в США стали появляться и рассматриваться всерьез психологическим сообществом ра-

боты, в которых их авторы вновь стали обсуждать и анализировать ментальные образы. Это, впрочем, никак не отразилось на принятии и тем более признании понятия *образ восприятия*. Даже принятие самого факта наличия психических феноменов для большинства когнитивистов до сих пор не бесспорная и важнейшая очевидность, а скорее вынужденная необходимость.

Вероятно, поэтому **в зарубежной психологической литературе по-прежнему не используют понятие *образ восприятия***. Обычно описывают и обсуждают лишь *ощущения* и *восприятие*. Большинство исследователей рассматривают восприятие как процесс и предпочитают обходить вопрос о результатах этого процесса. Они изредка упоминают о *восприятиях* (например, Х. Шиффман, 2003; М. Д. Хоровиц, 2005, с. 10–32), *феноменах восприятия* (например, Ж. Годфруа, 1999), *перцептах* (например, У. Найссер, 1981; Р. Л. Солсо, 1996), *перцептивных символах* (например, Л. Барсалу, 2011, с. 125–138), *геишталятах* (например, Д. Майерс, 2001), *перцептивных репрезентациях* (например, Л. Барсалу, 2011, 125–138) или *паттернах* (например, Д. Майерс, 2001; Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др., 2003; Д. Кун, 2007), не раскрывая детально значения данных понятий.

Д... Майерс (2001), например, в своем учебнике психологии ограничивается следующим пояснением: «В начале XX века группа немецких психологов заинтересовалась, каким

образом наш разум организует наши ощущения и превращает их в восприятия. Человек, воспринимающий сенсорные сигналы, организует их в “гештальт”. Чтобы превратить сенсорную информацию в значимое восприятие, мы должны организовать ее...» (с. 255).

Дж. Андерсон (2002) в своей монографии много говорит о восприятии, но нигде не упоминает о его результатах. Тем не менее он вынужден писать о «репрезентациях, основанных на восприятии» (с. 111 и далее), имея в виду фактически то, что я называю образами представления, но так и не использует понятие *образ восприятия*, даже просто понятия *перцепты* или *восприятия*. Между тем от признания факта наличия образов представления, или ментальных образов, которые автор обсуждает, до признания образов восприятия – даже не шаг, а полшага... Однако наследие бихевиоризма преодолеть непросто. Дж. Андерсон (2002) спрашивает: «Похожи ли зрительные образы (образы представления. – *Авт.*) на зрительное восприятие (образы восприятия. – *Авт.*)?» (с. 125) – и сам же отвечает: «Зрительные образы имеют много общих свойств с продуктами зрительного восприятия, но реинтегрировать зрительные образы не так легко, как фактические изображения» (с. 127).

При этом он не поясняет, что представляют собой феноменологически эти «фактические изображения».

В монографии Р. Солсо (1996) я нашел всего два упоминания о перцептах.

Порой вызывают улыбку изобретательность и языковые уловки, применяемые авторами, чтобы хоть как-то обозначить образы восприятия, так как без упоминания этих важнейших психических феноменов трудно описывать психологические исследования. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001), например, пишут, обсуждая историю изучения восприятия: «Локк и Беркли (философы-эмпирики) полагали, что органы чувств пассивно накапливают эти простейшие ощущения, которые, в свою очередь, затем склеиваются воедино при помощи ассоциаций, образуя при этом более сложные феномены – “перцепции”» (с. 252).

Но, обсуждая дальше на протяжении целой главы феномены восприятия, авторы предпочитают вообще не касаться феноменологически спорных вопросов: «...перед тем как решить, является ли разглядываемый нами объект яблоком (или бейсбольным мячом, или головой человека, или чем-либо еще), мы должны организовать мир ощущений в виде понятной нам картины, в которой находятся реальные объекты и происходят реальные события» (с. 253).

Тем не менее скрываемое все равно нет-нет да и прорывается: «Мы рассмотрели несколько этапов, составляющих процесс восприятия объекта: мы обнаруживаем признаки поля, а затем анализируем это поле так, что идентифицируем фигуру, выделяющуюся на фоне. ...Мы должны выяснить, что собой представляет этот объект, является ли он буквой А, или жирафом, или яблоком, или чем-то еще. Эта

стадия процесса восприятия объекта называется распознаванием образа (подчеркнуто мной. – Авт.)» (с. 272–273).

Возникает вопрос: *получила ли зарубежная психология какие-то преимущества в результате своего отказа от использования понятия образ восприятия?* Думаю, нет. Во-первых, она тем самым игнорирует важнейшие психические феномены. Во-вторых, она не акцентирует внимание на очевидных отличиях образов восприятия реальности от самой «реальности в себе», хотя еще классики психологии установили тот, казалось бы, очевидный теперь для всех исследователей факт, что появляющиеся у нас образы восприятия не только не идентичны, но даже не всегда соответствуют воспринимаемой нами «реальности в себе».

Порой это несоответствие очень «демонстративно». Р. Грегори (2011, с... 220) пишет, например, о том, что если рассматривать с расстояния больше метра внутреннюю поверхность маски, то она кажется выпуклой. Здесь знание о форме лица противостоит сенсорному сигналу. Знание или сенсорная информация получают преимущество в зависимости от расстояния между маской и наблюдателем. В результате выпуклое лицо превращается в вогнутое или наоборот¹⁷.

Под влиянием работ американских психологов даже в

¹⁷ Подробнее об этом и других сходных феноменах, например об удивительных трансформациях зрительного образа восприятия при применении псевдоскопа, см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 249–251.

российской психологии в последние годы стали меньше писать, а то и вовсе не упоминают об образах восприятия (см., например: учебник В. В. Нурковой и Н. Б. Березанской, 2005). К счастью, это скорее исключение, чем правило. Но вернемся к обсуждению того, что есть большее зло: применение понятия *образ восприятия* или отказ от его использования.

Если **зарубежные психологи**, отказываясь от удвоения сущностей, впадают в одну крайность и **пытаются не замечать, по крайней мере не обсуждать образы восприятия**, то **большинство российских психологов** впадают в другую крайность. **Признавая наличие образов восприятия**, они **придерживаются одновременно объективистских положений здравого смысла о том, что окружающий воспринимаемый мир наполнен предметами, которые человек воспринимает**. Мало кто задумывается о том, что такая позиция удваивает сущности и не согласуется с принимаемой ими же кантовской (1994, с. 306) теорией о «вещи в себе».

Можно ли примирить представления нашего здравого смысла, согласно которым нас окружают предметы, воспринимаемые нашими органами чувств, с кантовской идеей о «вещи в себе»? Думаю, да, если мы предварительно откажемся от двух догматов: 1) от того, что физические сущности противоположны психическим, то есть имеют совершенно иную природу; 2) от того, что наше сознание создает

только психические феномены. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

§ 3. Ощущения как разновидность образов восприятия

Что такое перцептивные феномены – ощущения и образы восприятия? Не буду даже пытаться давать сложных определений, потому что ощущения и образы нельзя вербально описать так, чтобы они стали понятными для человека, лишенного, например, соответствующих органов восприятия. В этом и заключается неповторимая специфика чувственных репрезентаций¹⁸. Предлагаю сделать проще: проведите пальцами по поверхности стола, кресла, любого другого предмета. То, что вы испытываете, – тактильное ощущение. Лизните языком крупинку соли или сахара. То, что вы чувствуете, – вкусовое ощущение. Сдавите и понюхайте лимонную корку, то, что вы ощутите, – обонятельное ощущение. То, что вы чувствуете, приближая руку к огоньку горящей спички, – ощущение тепла, а при прикосновении к огню – ощущение боли от ожога. Закройте глаза и поверните лицо к солнцу или сильному источнику света. То, что вы испытываете даже с закрытыми глазами, – зрительное ощущение света. Возьмите в руку лед, и вы почувствуете ощущение

¹⁸ Для более подробного ознакомления с проблемой см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 101–126.

твердости и холода, через некоторое время вы почувствуете и ощущение наличия жидкости в руке.

Разные органы чувств обеспечивают формирование разных репрезентаций одного и того же объекта: его визуальный образ, его запах, издаваемый им звук, вызываемые им тактильные и другие ощущения. **Среди перцептивных репрезентаций можно выделить репрезентации, позволяющие сознанию конституировать предметы физического мира, – образы восприятия, и репрезентации, не позволяющие их конституировать в завершенном виде, – ощущения.** До сих пор в психологии принято считать ощущения элементами образов восприятия. Представление о том, что образы восприятия складываются из более простых психических явлений – ощущений, восходит к работам основоположников психологии. Однако для того, чтобы разобраться, как ощущения и образы восприятия соотносятся друг с другом, необходимо понять, какие функции они выполняют, а главное – что они собой представляют феноменологически.

Нетрудно заметить, что конкретное **ощущение** позволяет нам лишь выделять в окружающей реальности определенное множество объектов, обладающих способностью вызывать у нас это специфическое психическое явление. Например, множество кислых, множество светлых или множество теплых объектов. В отличие от ощущения **образ восприятия** уже позволяет выделить кон-

кретный объект из множества сходных с ним объектов, точнее, выделить завершённую репрезентацию из множества сходных с ней репрезентаций той же модальности. Например, зрительный образ даёт возможность выделить конкретный предмет из множества кислых, множества светлых или множества теплых предметов.

Следовательно, ощущение, будучи вполне самостоятельной репрезентацией предмета в отдельной чувственной модальности, всё же менее информативно, чем образ его восприятия. Оно позволяет человеку лишь заметить нечто в окружающем мире, то есть обратить внимание на факт существования этого нечто. При этом оно конституирует не предмет, а нечто. Целое множество неясных сущностей, сходных в данной сенсорной модальности. Образ восприятия же, являясь более информативной репрезентацией, конституирует в сознании определённый предмет, сразу выделяя его из множества прочих сущностей, даже очень сходных с ним в тех же модальностях.

И ощущения могут конституировать предмет, но лишь если появляются дополнительные ощущения в иных модальностях, то есть сознание из разномодальных ощущений (пахнущий лимоном, шероховатый, желтый и т. д. объект) создаёт комплексную репрезентацию предмета, своего рода полимодальный образ восприятия.

Различия в информативности для человека между образами восприятия и ощущениями обусловлены разной сте-

пению развития у него анализаторов и мозговых структур, участвующих в создании соответствующих перцептивных репрезентаций, например зрительного образа и вкусового ощущения. То, что **и ощущения, и образы восприятия – перцептивные репрезентации, различающиеся лишь модальностью и степенью своей сложности**, дифференцированности, подтверждается тем, что у людей с выраженными дефектами органов зрения и слуха вместо образов восприятия могут возникать лишь ощущения, зрительные или слуховые.

Эти зрительные или слуховые ощущения не позволяют больным людям дифференцировать воспринимаемые ими сущности среди множества других, сходных с ними. Получается, что ощущение отличается от образа восприятия своей меньшей субъективной информативностью, и это не позволяет ощущению сформировать полноценную перцептивную репрезентацию предмета, которая дала бы возможность воспринимающему конституировать и выделить предмет среди прочих сходных с ним в той же модальности.

Зависимость информационной насыщенности (дифференцированности) образа восприятия от возможностей конкретных рецепторных аппаратов проявляется, например, в различиях результатов зрительного восприятия у человека с хорошим зрением и близорукого или у человека с обычным зрением и дальтоника. Чем лучше развит анализатор, тем больше новых элементов предмета он позволяет репрезен-

тировать. Выявление новых сторон предмета является мериллом и критерием эффективности и органа чувств, и создаваемой сознанием с его участием целостной психической репрезентации.

Отличие ощущения от образа восприятия в том, что в ощущении есть лишь сенсорный регистр (модальность), интенсивность и чувственный тон (приятное – неприятное), но нет других составляющих, которые можно назвать «направлениями репрезентирования» или «ощущениями», тогда как в образе восприятия их много. Например, в слуховом образе восприятия отдельно репрезентируются интенсивность звука, его тембр, удаленность, локализация, направление движения и т. д. В зрительном образе специально и независимо репрезентируются локализация, цвет и форма предметов, градиенты его поверхностей и углы их наклона, фигура и фон, яркость и затемненность и т. д., которые в итоге и формируют детальный образ предмета.

Образ восприятия – это «полноценная» чувственная репрезентация, конституирующая отдельный предмет. «Полноценная» в том смысле, что ее «достаточно» для выделения данной сущности из множества сходных с ней даже в той же модальности. Образ восприятия не просто конституирует сущность. Наш здравый смысл отождествляет его с ней, а в языке он обозначается существительным. Ощущение же – это «неполная» или «недостаточная» репрезентация.

ция, так как она не способна конституировать определенную сущность, хотя и позволяет сознанию регистрировать множество сходных в конкретной модальности сущностей. Наш здравый смысл связывает ощущение с внешним миром... В языке оно обычно обозначается прилагательным, реже – существительным.

Очевидно, что ощущение и образ – это близкие психические феномены, различающиеся лишь степенью своей сложности. **Правильнее поэтому говорить о единых перцептивных феноменах, различающихся лишь степенью своей дифференцированности, или об образах восприятия разной модальности и разной степени информативности, которая обусловлена особенностями развития соответствующих органов чувств.**

Можно предположить, что зрительный анализатор, позволяющий нам получить наиболее «полную» репрезентацию предмета – зрительный образ, объединяет в нем сразу несколько зрительных ощущений, вызываемых объектом: яркость, цвет и текстуру поверхностей, их градиент, углы наклона и т. д., которые и формируют целостный зрительный образ. По крайней мере, гипотеза о таком объединении зрительных ощущений не вызывает отторжения. Зрительный образ в результате как бы замещает собой сразу множество более «простых» репрезентаций предмета (визуальных ощущений), аналогичных по «уровню» – глубине репрезентирования ощущениям иной модальности, создаваемым

другими менее развитыми у человека сенсорными анализаторами. При этом образ восприятия органично объединяет все то, что можно условно назвать зрительными ощущениями, в целостную репрезентацию, или гештальт. Количество здесь переходит в качество, позволяющее сознанию конституировать в визуальной модальности конкретный физический объект и отличать его при этом от сходных объектов.

Ощущения, вызываемые элементом «реальности в себе», который сознание конституирует в форме предмета или явления, как и образы его восприятия, – это разномодальные репрезентации самого предмета, а не каких-то дополнительных сущностей, то есть его (предмета или явления) свойств, как принято считать. Но это дополнительные и второстепенные по отношению к зрительному образу восприятия репрезентации предмета, так как не позволяют выделить данный предмет из прочих. Они превратились поэтому для человека в то, что принято называть чувственно воспринимаемыми свойствами предмета.

У «реальности в себе» потенциально огромное множество свойств, которые, вероятно, могут быть конституированы иными формами сознания¹⁹, но человеческое сознание в состоянии репрезентировать лишь некоторые. Следовательно, нет ни одного свойства, приписываемого нашим сознани-

¹⁹ Известно, например, что животные обладают чувствительностью к электрическим полям, магнитному полю Земли, ультразвуку, инфразвуку и т. д.

емпредмету, которое можно расценить как «внутренне при-
сущее» ему и независимое от человека. **Все свойства, как и
сам предмет, конституированы в таком специфически
человеческом (антропоморфном) виде именно чело-
веческим сознанием, взаимодействующим с элемен-
том «реальности в себе».**

§ 4. Соотношение репрезентации и предмета

Все предпринятые на протяжении последних ве-
ков многочисленные попытки разделить физическое
и психическое завершились полным провалом. С. Л.
Франк (1995, с. 77) пишет, что теория дуалистического ре-
ализма возникла, когда заметили, что воспринимаемое есть
нечто идеальное, данное в акте познания. При этом сам пред-
мет мыслился независимым от его восприятия. Это могло
быть истолковано только одним способом: восприятие пред-
мета есть точное отображение, копия самого предмета.

Автор (с. 78) указывает, что нам дан только образ воспри-
ятия, но наш здравый смысл умудряется удвоить его, пре-
вратив в предмет и образ предмета. Автор говорит о возник-
новении неизбежной дилеммы: «... Либо в восприятии нам
вообще дан не “сам предмет”, а только его образ, так что все,
что мы противопоставляем “образу” в качестве самого пред-
мета, или вообще есть нечто невозможное, или же, поскольку
оно возможно, есть тоже только образ, – либо же нам ка-

ким-либо образом доступен или дан сам предмет и у нас нет и нам не нужно никакого образа, который духовным воспроизведением предмета делал бы его доступным нам» (там же).

Мне представляется очевидным, что дуализм появился в результате осмысления человеком одновременного наличия в его сознании образов представления и воспоминания предмета наряду с образами восприятия того же предмета. Б. Рассел (2001а, с. 247) тоже говорит, что, обсуждая «коренное различие между духом и материей», люди в действительности имеют в виду различие между зрительными или осязательными восприятиями и «мыслью» в виде воспоминания, чувства удовольствия или волнения. То есть они имеют в виду различия внутри мира сознания, так как восприятия являются такими же психическими явлениями, как и «мысль». Ж.-Ф. Лиотар (2001, с. 64) тоже полагает, что дело здесь в психической феноменологии.

Данная проблема, впрочем, настолько сложна, что даже великие порой терялись в ее лабиринтах. Например, Э. Шредингер (2005, с. 85–88) отмечает противоречия в высказываниях самого Б. Рассела по этому вопросу.

Я полагаю, что нас сильно запутала декартовская парадигма. Декартовская парадигма (а его дуализм материи и сознания – именно парадигма) – это глобальная концептуализация реальности, которая рассекла в XVII в. человеческую реальность на две половины. Все следующие века она определяла пути развития гуманитарных наук. Правильнее даже

сказать – науки вообще. Мы и сейчас дуалисты, хотя уже начали осознавать, что эта парадигма неверна и ее следует менять.

Многие исследователи сегодня искренне декларируют отказ от декартовского дуализма. Но заявления ничего не меняют. Чтобы на самом деле отказаться от него, надо радикально изменить собственные представления о реальности, так как идеи Р. Декарта по-прежнему составляют базис нашего мировоззрения, хотя мы чаще даже не отдаем в полной мере себе в этом отчета. Идеи о необходимости разделения реальности на психическое и физическое настолько глубоко проникли в наши представления о мире, что мы не можем просто заявить об ошибочности теории Р... Декарта. Я и сам, утверждая о неправомерности деления на психическое и физическое, постоянно пишу о физической и психической реальности. *Что это, как не декартовский дуализм, сохраняющийся в моей концептуализации мира?*

Смена дуалистической парадигмы – это титаническая работа, которую следует провести во всех областях науки с радикальной ревизией основных концептов в каждой из них. Для начала возможно надо отказаться от глобального концепта *физическое*, заменив его иным – например, *чувственно репрезентируемое* или *воспринимаемое*... Я пытаюсь сделать это ниже. Отказаться и от старого концепта *психическое*, резко расширив его для охвата реальности вообще. Я уверен, что работа по замене этих глобальных концептов и их произ-

водных приведет к решению множества неразрешимых пока вопросов, существовавших веками в каждой науке, и обнаружению выходов из множества тупиков.

Как следует объяснять или хотя бы описывать соотношение «реальности в себе» и человеческих репрезентаций этой реальности?

Множество авторов безуспешно пытались ответить на этот вопрос... Вполне понятны попытки здравого смысла отождествить чувственные репрезентации с окружающей реальностью, которую они репрезентируют. Г. Вейль (2004, с. 12–13) пишет, что, обладая натуралистической установкой, которой мы руководствуемся в нашей обыденной жизни, мы противопоставляем свое восприятие вещей самим физическим вещам... Мы приписываем вещам реальное существование и считаем их в основном такими (так устроенными, так окрашенными и т. д.), какими они нам являются в нашем восприятии.

Анализ нашего восприятия, однако, убеждает нас в том, что **человеческое сознание не просто не копирует «реальность в себе», но создает нечто весьма отличное от нее** (подробнее об этом см., например: С. Э. Поляков, 2011, с. 127–160). Причем именно это **созданное сознанием нечто мы и считаем физической предметной реальностью**. То, что наши чувственные репрезентации являются ни «отражениями», ни «копиями» объектов физического мира, было очевидно выдающимся мыслителям

еще в античности. Например, А. Эйнштейн (2008) цитирует Демокрита: «Условно сладкое, условно горькое, условно горячее, условно холодное, условен цвет. ...Объекты чувств предполагаются реальными, и в порядке вещей рассматривать их как таковые, но на самом деле они не существуют. Реальны только атомы и пустота» (с. 166).

Э. фон Глазерсфельд²⁰ пишет, что аргумент Секста Эмпирика уже более 2000 лет не дает философам покоя. Секст Эмпирик рассматривает восприятие яблока, которое наши органы чувств репрезентируют как гладкое, ароматное, сладкое и желтое. Но не факт то, что оно в действительности обладает этими свойствами. Мы лишь способны сравнить ощущение, вызываемое яблоком, с другими своими ощущениями.

Тем не менее большинство исследователей предпочитают отождествлять репрезентации реальности с окружающим миром. На протяжении веков соотношение предмета и его репрезентации рассматривали как отношения реальности и картины или реальности и чего-то вроде ее психической копии. Х. Патнэм (2002, с. 80–81) пишет, что уже приблизи-

²⁰ *Глазерсфельд Э. фон.* Введение в радикальный конструктивизм / Пер. выполнен по: *Glaserfeld E. von. Einf hrung in den radikalen Konstruktivismus / Glaserfeld E. von // Die erfundene Wirklichkeit: wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? / hrsg. und kommentiert von Paul Watzlawick. – 10. Aufl., ungek rzte Taschenbuchausg. – M nchen u.a.: Piper, 1998. – S. 16–38 [Электронный ресурс]: Эрнст фон Глазерсфельд; Пер. С. А. Цоколов. – Режим доступа: <http://toptatarica.ru/palsh/rk.htm>.*

тельно 2000 лет существует форма корреспондентской теории истины, которую античные и средневековые философы приписывают Аристотелю. Автор называет ее теорией референции как подобия. Согласно ей отношение между внешними объектами и их репрезентациями представляет собой буквальное подобие. Х. Патнэм указывает, что лишь в XVII в. эта теория стала сдавать свои позиции.

Получается, что изоморфизм объекта и образа его восприятия восходит к Аристотелю. И до сих пор отнюдь не все исследователи готовы признать, что психика не «отражает» окружающую реальность «как зеркало». Что она сложным непрямым образом репрезентирует «реальность в себе», и репрезентации эти не только не являются копиями «реальности в себе», но и вообще как-то сложно и не вполне понятно лишь соотносятся с миром кантовских «вещей в себе». Тем не менее представления об изоморфности сохраняются, несмотря на то что множество выдающихся ученых убедительно доказывали отсутствие изоморфизма «реальности в себе» и ее образов, возникающих в человеческом сознании.

Г... Гельмгольц (1999, с. 37), например, полагает, что представление (то есть чувственная репрезентация – *Авт.*) и объект принадлежат к двум совершенно разным мирам, которые так же не допускают сравнения друг с другом, как цвета и звуки или буквы в книге и звучания слов, которые они обозначают. Автор склонен считать чувственные репрезентации символами, или знаками, предметов. По его мне-

нию (с. 36–37), нет смысла говорить о какой бы то ни было истинности наших представлений, кроме практической. Вопрос об истинности представления о столе (его форме, твердости, цвете, тяжести и т. д.) независимо от его практического использования бессмыслен. Как и вопрос о том, какой цвет имеет данный звук – красный, желтый или синий. Г. Гельмгольц замечает: «То, что представления не равны вещам, заложено в природе нашего знания» (с. 40).

Можно ли вслед за автором считать чувственные репрезентации символами физических вещей? Я полагаю, что нет. Во-первых, потому что без репрезентаций нет «физических вещей». Во-вторых, чаще всего понятие *символы* используется применительно к словам языка, и речь тогда идет уже о вербальных репрезентациях предметов. Невербальные символы – это чувственные репрезентации дополнительных предметов, которые замещают собой чувственные репрезентации основных (более важных для людей) предметов (подробнее см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 141–143).

Б. Рассел (2001a, с. 213) вообще полагает, что между нашими восприятиями и их внешними причинами так мало сходства, что трудно понять, как из восприятий можно получить знание о внешних объектах. По его (2009, с. 52) мнению, даже если физические объекты имеют независимое от чувственных данных существование, они соответствуют друг другу, как каталог вещей самим вещам. Мы не знаем ничего по поводу истинной, внутренне присущей физиче-

ским объектам природы. И если найдутся существенные доводы в пользу их ментальной природы, то нельзя отвергать этот взгляд на том основании, что он странен.

Один из основоположников радикального конструктивизма Э. фон Глазерсфельд замечает²¹, что наше знание не может интерпретироваться как изображение, скорее его можно сравнить с ключом, открывающим один из возможных путей. И если в традиционной теории познания и в когнитивной психологии соотношение знания и действительности трактуется как в большей или меньшей мере образное (иконическое) соответствие, то радикальный конструктивизм придает ему значение приспособленности в функциональном смысле.

Применительно к отношениям предмета и образа его восприятия со второй половины XX в. вместо понятий *копирование* и *отражение* все шире используют понятие *соответствие*. Э. фон Глазерсфельд (там же) сравнивает понятия *соответствует* и *подходит*. Первое, по его мнению, означает, что нечто передает изображаемое и в какой-то мере является с ним однообразным. Конкретные свойства, по которым устанавливается однообразие, могут меняться от случая к случаю. Нередко не играют никакой роли размер, вес, цвет либо расположение в пространстве и времени; и все же в таких случаях говорят о точной передаче, воспроизводстве пропорции, порядка либо основного плана строения. Это на-

²¹ Глазерсфельд Э. фон. Указ. соч.

зывают гомоморфизмом.

По словам автора, в господствующих теориях познания мы постоянно находим явные или подразумеваемые указания на то, что наши знания гомоморфно отображают независимый и самодостаточный мир хотя бы в каком-то одном аспекте. Когда мы говорим, что нечто «подходит», то имеем в виду лишь то, что это нечто справляется с возложенным нами на него назначением. Ключ, например, подходит, если отпирает замок. Понятие пригодности относится к ключу, но не к замку. В качестве метафоры Э. фон Глазерсфельд вспоминает о профессиональном взломщике, имеющем множество разных ключей, которые тем не менее открывают нашу дверь. С точки зрения радикального конструктивизма мы, живые существа, соотносимся с окружающей средой в такой же мере, как взломщик с замком, который он должен отпереть, чтобы добраться до добычи.

В. А. Иванников (2010, с. 37), обсуждая вопрос о степени соответствия образа объекта самому объекту, рассматривает три ответа на этот вопрос: 1) наши образы – чисто субъективные образования, за которыми не стоит никакой реальности; 2) психика – система символов, знаков, иероглифов, кодов внешнего мира, между ней и миром существуют изоморфные²² отношения, но психика ничего не говорит о мире;

²² «Греческий корень “изо-” означает “равный, одинаковый, подобный”, а “морф-” значит “форма, конфигурация, организация или структура”. ...Теоретики гештальта использовали его (изоморфизм. – *Авт.*) для характеристики своего особого подхода к вопросу об отношении разума и мозга: они утверждали,

3) психические образы – более или менее верное отражение объектов внешнего мира, то есть психика – это адекватное знание о мире.

Автор полагает, что первое положение доказывается, например, так: галлюцинации для больного – такая же реальность, как нормальные образы внешнего мира. Второе утверждение основывается на наличии иллюзий и на несовпадении ощущений с воздействиями внешнего мира... Так, ощущение звука или красного цвета не совпадает с сущностями внешнего мира (колебаниями воздуха или электромагнитными излучениями). Третье утверждение доказывается тем, что наши образы адекватны окружающему миру, поэтому мы не садимся мимо стула, не наталкиваемся на стены и обходим деревья и лужи как реально существующие объекты. В. А. Иванников (2010, с. 32) считает, что психика является одной из форм отражения.

В отечественной психологии доминирует точка зрения здравого смысла, восходящая к Аристотелю и Р. Декарту: есть физические объекты (пусть даже они и представляют собой «вещи в себе», тем более что никто не знает, что это такое) и есть психические образы их восприятия, или их репрезентации. Странно, что противоречивость и неясность

что объективные мозговые процессы, которые лежат в основе конкретного феноменологического опыта и коррелируют с ним, изоморфны субъективному опыту (то есть имеют функционально ту же форму и структуру)» (Изоморфизм: справ. ст. [Электронный ресурс]: ВСловаре. Ру. Психологический словарь: сайт. – Режим доступа: <http://vslovar.ru/slovo/psihologicheskii-slovar/izomorfizm/230506>).

этих доминирующих в психологической литературе представлений не привлекает к себе внимания исследователей. Например, с одной стороны, считается, что образ восприятия, или перцептивная репрезентация предмета, – это психический феномен. Но тогда, как и все ментальные феномены, он существует в особом психическом пространстве восприятия. С другой стороны, принимается как очевидность, что одновременно с последним вокруг нас существует еще реальное физическое пространство, заполненное предметами (пусть даже они называются «вещами в себе»), которое мы воспринимаем. Сущности удваиваются, при этом не обсуждается, как соотносятся психическое пространство восприятия и физическое предметное пространство²³.

Я не встречал серьезных возражений психологов против теории И. Канта (1994, с. 205–206) или следующих из нее очевидных выводов о том, что в окружающем мире без человека нет предметов или вещей, а есть лишь нечто называемое «вещами в себе». Только некоторые исследователи задумываются над тем, что «вещь в себе» – это и не вещь вовсе. С. Л. Франк, например, говорит, что понятие трансцендентного предмета, непознаваемой вещи в себе подлежит устранению.

Сам И. Кант так и не объяснил, что же он понимает под своей «вещью в себе». Э. Шредингер (2000) пишет: «...Кант шокировал нас полным отказом: мы никогда не узнаем аб-

²³ Впрочем, Б. Рассел (2001а, с. 234–242), например, разделяет физическое и зрительное пространство.

солютно ничего о его “вещи в себе”» (с. 49).

Добавлю, что из-за этой недосказанности возникло множество неясностей, сохраняющихся до сих пор. Г. Г. Шпет (2010, с. 116), например, считает «вещь в себе» предметом, а мы постоянно сталкиваемся сейчас в литературе с попытками «удвоения», а то и «утроения» сущностей. Кроме «вещи в себе» и вещи в форме психической репрезентации этой самой «вещи в себе», в окружающем мире появляется и более понятная здравому смыслу третья вещь – предмет. И все же вещь, как можно заключить из теории И. Канта, появляется лишь в сознании человека.

Повторю, что кантовская «вещь в себе» – это вовсе не предмет, к которому мы привыкли. Это непонятное и почти трансцендентное, то есть недоступное нам никак, кроме как в форме наших же психических репрезентаций, нечто, которое превращается в предмет лишь в процессе взаимодействия с человеческим сознанием и лишь для него. Именно сознание трансформирует в предмет это амодальное, аморфное нечто²⁴. Следовательно, вне сознания нет предмета, а есть лишь фрагмент кантовской почти трансцендентной «реальности в себе».

С. Л. Франк (1995, с. 86) пишет, что человеческое созна-

²⁴ Э. Шредингер (2000) упоминает об изумлении, возникающем, «когда выясняется, что наша картина мира “лишена цвета, холодна и нема”. Цвет и звук, тепло и холод являются нашими непосредственными ощущениями; неудивительно, что их не хватает в модели мира, из которого удалена наша собственная ментальная персона» (с. 39).

ние не копирует предмет, а «некоторым образом владеет “самим предметом”, объемлет его и включает в себя», «предмет есть особый момент в строении самого сознания». Далее автор (с. 87), однако, высказывает мысль о том, что «сознание включает в себя черту объективности или “предметности”», и предлагает «расширить сознание до пределов всего мыслимого бытия».

Скажу еще определеннее: там нет дублера предмета, а есть сам единственный и отсутствующий где-либо еще оригинал, то есть сам предмет... Перефразируя У. Оккама (цит. по: Смирнов, 2010, с. 142), напомним, что не следует умножать сущности без нужды. В окружающем мире есть нечто, взаимодействующее с нашим телом, в результате чего в нашем сознании возникает антропоморфная репрезентация этого нечто, отличающаяся сущностно от того, что есть вне нас. Но именно она и является для нас предметом, который мы считаем частью окружающего физического мира.

Повторю, что **психическая репрезентация, данная нам в виде предмета, сущностно отличается от «вещи в себе»**. Так, ощущение красного или зеленого цвета – это не электромагнитные волны. Но **для нас именно наша психическая репрезентация становится настоящим и единственным предметом физического мира**. Общим для «вещи в себе» и ее репрезентации в сознании является лишь понятие *вещь*, которое и вводит нас в заблуждение. Правильнее было бы поэтому «вещь в себе» называть, на-

пример, частью «реальности в себе», так как она еще и не вещь вовсе. В вещь же превращается лишь ее чувственная репрезентация в сознании, конституированная к тому же понятием, обозначающим данную вещь.

Этот мой, кажущийся новым вывод на самом деле совсем не нов... Э. Шредингер (2000), например, пишет: «Мир дается мне лишь единожды, а не один существующий и один воспринимаемый» (с. 50). «Разум построил объективный окружающий мир философа-натуралиста из своего собственного материала. Разум не мог справиться с этой гигантской задачей, не воспользовавшись упрощающим приемом, заключающимся в исключении себя – отзыве с момента концептуального создания. Поэтому последний не содержит своего создателя» (с. 42–43).

Добавлю: не только «не содержит создателя», но и создатель не понимает, что создает окружающий мир из элементов самого себя. Но здесь не следует впадать в другую крайность, утверждая, что такая позиция есть отказ от реальности внешнего мира. Вовсе нет. Странно даже сомневаться в том, что «реальность в себе» существует вокруг нас и мы от нее полностью зависим.

У образов восприятия есть еще одна важная особенность. Со времен Р. Декарта и даже раньше принято полагать, что содержание сознания идеально и противостоит материальному миру. Это положение опроверг нейтральный монизм, основоположником которого следует, видимо, считать У.

Джеймса, так как у Э. Маха, во-первых, своя оригинальная «теория элементов», тесно смыкающаяся с монизмом, а во-вторых, я находил в его работах ссылки на У. Джеймса, свидетельствующие о том, что Э. Мах, который даже посвящал свои книги У. Джеймсу, скорее просто охотно согласился с теорией своего американского коллеги. К монистам следует отнести и Г. Геффдинга с Р. Авенариусом, о которых упоминает Э. Мах (2003, с. 46).

У. Джеймс (1997, с. 362–363) предлагает рассмотреть в двух аспектах комнату, в которой вы сидите с книгой. Сначала как коллекцию физических вещей, выделенных из окружающего их мира других вещей... А потом как то, что воспринимает сейчас ваш разум. В итоге реальность, кажущаяся единой, занимает два места: одно – во внешнем пространстве, а другое – в вашем уме. В одном случае одна и та же комната с вещами будет вашим «полем сознания». В другом – предметом, в котором вы находитесь. Причем в оба контекста комната входит целиком, так что нельзя сказать, будто она принадлежит сознанию одной своей частью, а внешней реальности – другой.

Таким образом, в зависимости от того, в какую психическую конструкцию, созданную нашим сознанием, входит наше актуальное психическое содержание, то есть образы восприятия и ощущения, их можно рассматривать либо как содержание сознания (психические репрезентации предметов), либо как внешний физический мир (сами предметы).

Образы восприятия являются в результате одновременно и нашими психическими явлениями (содержанием нашего сознания), и вещами. Эту странную двойственность образов восприятия У. Джеймс (1997) достаточно убедительно разъясняет. Автор даже пробует распространить в своей книге те же закономерности на прочие психические явления, в том числе и на понятия.

Он полагает, что «любой единичный неперцептуальный опыт может, подобно перцептуальному опыту, быть рассмотрен дважды». Как физический объект или совокупность объектов в одном контексте и как состояние ума – в другом. В одном контексте «неперцептуальный опыт» представляет собой, по его (с. 365) мнению, целиком сознание; в другом – его содержание. Причем нигде не замечается никакого внутреннего саморазделения на сознание и содержание сознания.

Можно, однако, возразить автору, что содержание сознания не всегда репрезентирует физическую реальность, а часто – и вовсе не ее. Тут в рассуждениях У. Джеймса (1997) есть слабое место, которое, впрочем, он и сам замечает: «Пока все чрезвычайно ясно, но мое положение, вероятно, покажется читателю менее убедительным, когда я перейду от восприятия к понятиям или от вопроса о наглядно представимых вещах к вещам, непосредственно нами не воспринимаемым» (с. 364).

И он совершенно прав. Более того, к понятиям он так и не перешел, потому что не смог бы доказать применитель-

но к ним свою точку зрения, ибо многое из того, что обозначается понятиями, просто невозможно найти в окружающей физической реальности или отнести к ней явно. Следовательно, понятия не могут, как образы восприятия, в разных контекстах выступать то психическими, то физическими сущностями. Меня здесь интересует не то, насколько был не прав этот замечательный мыслитель, пытаюсь распространить свою теорию на понятия, а то, насколько он был прав, рассматривая образы восприятия в зависимости от контекста то как явления сознания, то как физические явления.

Б. Рассел тоже принимает постулаты монизма. Он (2009, с. 237) соглашается с У. Джеймсом и пишет (с. 214), что нет такой простой сущности, на которую вы могли бы указать и сказать, что она является физической, а не ментальной. Сам он (1999, с. 121) вообще считает, что мир состоит не из вещей, а из событий. Если причинно-следственные взаимосвязи одного рода, то соответствующая группа событий может быть названа физическим объектом, а если они другого рода, то соответствующая группа событий может быть названа сознанием. Любое событие, проистекающее в голове человека, будет принадлежать к группам обоих видов. Сознание и материя являются просто удобными способами организации событий.

Г. Г. Шпет (2010, с. 179–180) указывает, что никакой принципиальной разницы между психическими и физическими явлениями не существует.

Итак, казалось бы, монизм преодолел пропасть между психическим и физическим, доказав, что образ восприятия превращается то в психическое содержание человеческого сознания, то в физический предмет в зависимости от плоскости, в которой мы его рассматриваем. Однако, как это ни парадоксально, открытие монистов мало повлияло на доминирующие не только в естественных науках, но даже в психологии дуалистические представления, а сама теория была фактически проигнорирована.

В своей экологической теории прямого восприятия Дж. Гибсон (1988, с. 336–374) тоже пытается, как мне представляется, отождествлять репрезентации с предметами, хотя этот аспект проблемы он нигде прямо не обсуждает.

Несмотря на то что наука так и не нашла достоверных различий между психическими и физическими явлениями²⁵, наш здравый смысл не готов отказаться от привычной дуалистической картины мира. Тем не менее нельзя не признать доводы монизма (см. У. Джеймс (1997, с. 362–363)), который доказал, что образы восприятия трансформируются в физические объекты и наоборот в зависимости от контекста. То есть заставил нас задуматься об ошибочности дуалистической теории. Продолжим рассуждения.

Получается, что если образ восприятия это и есть физический предмет, то сознание выстраивает и психические, и физические сущности... Этот вывод порождает неожидан-

²⁵ Подробнее см. об этом: С. Э. Поляков, 2011. – с. 156–160.

ную мысль: сознание способно, репрезентируя «реальность в себе», чувственно конституировать своими психическими средствами физические сущности – предметы. Следовательно, сознание – это не просто и не только нечто психическое. И либо оно формирует и психическую, и предметную физическую реальность, либо такое разделение неадекватно.

Попробуем замкнуть логическую цепь и начать на практике разрушение дуалистической парадигмы.

В «реальности в себе» нет предметов и явлений, их свойств и действий. Она внечувственна, то есть без человека или другого существа, наделенного сознанием, невидима, безмолвна, не имеет запаха, вкуса, температуры, шероховатости или гладкости и других чувственных качеств. «Реальность в себе» доступна человеческому познанию лишь в форме его же чувственных либо символических репрезентаций. В результате взаимодействия с «реальностью в себе» сознание строит в себе самом, но в месте локализации «реальности в себе» свою психическую по механизмам формирования, но физическую по форме предметную реальность, которую здравый смысл привычно и обоснованно заставляет нас считать окружающим предметным физическим миром.

Еще классическая психология установила, что формируемые сознанием чувственные репрезентации

«реальности в себе», или образы восприятия предметов, обладают всеми свойствами предметов: предметностью, реальностью, полнотой или завершенностью, целостностью, достоверностью, дистальным характером по отношению к наблюдателю, находятся во внешней реальности и т. д. (см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 277–300). Это еще раз свидетельствует о том, что **образ восприятия объекта** не просто «как бы картинка в голове», а **единственно реальный, то есть оригинальный, подлинный предмет, чувственно конституируемый и располагаемый нашим сознанием во внешнем конституированном им же физическом мире.**

Другого физического предмета просто нет, и не может быть нигде больше. Наш образ восприятия и представляет собой единственный реальный предмет²⁶. И вещественность²⁷ этому предмету придают исключительно наши же разномодальные психические его – предмета – чувственные репрезентации.

Наше чувственное репрезентирование предоставляет нам истинную, но антропоморфную версию «реальности в себе» в единственно возможной для нас форме. При этом мы должны понимать, что это лишь один из бесчисленного множества возможных вариантов репрезентирования «реальности в себе», каждый из которых потенциально может

²⁶ См. Примечание 2.

²⁷ О вещественности см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 629–633.

быть столь же достоверным, как и человеческий, то есть «реальность в себе» имеет столько ипостасей – репрезентаций, сколько существа, обладающие сознанием, способны создать.

Итак, наше сознание не отражает и не копирует, а создает в специфически антропоморфном виде и в себе самом, но во внешнем пространстве сознания окружающий предметный физический мир, являющийся репрезентацией «реальности в себе».

Об этом так или иначе и в разном контексте говорят многие исследователи. Э. Шредингер (2000, с. 44), например, полагает, что картина мира человека является и всегда остается построением его разума. У. Р. Матурана и Ф. Х. Варела (2001, с. 149) пишут, что нервная система создает мир. Е. Н. Князева (2008, с. 242) тоже считает, что мы создаем мир, в котором живем, в процессе коммуникации, познавательной и преобразующей деятельности.

Во многом верно, но надо постоянно помнить об опасности впасть в другую крайность. **Не «мы создаем мир». Он есть вне нас и независимо от нас как «реальность в себе». Мы создаем в своем сознании и для себя лишь антропоморфную, понятную только нам и пригодную только для человека специфическую психофизическую репрезентацию «реальности в себе».** А это уже совсем другое дело. Да, наши психические репрезентации конституируют в сознании предметы. Говоря метафорически,

они «лепят» из «теста» «реальности в себе» то, что мы считаем затем предметами и более сложными сущностями реальности. Но эти предметы являются предметами только для нас, а не для «реальности в себе». Мы творцы человеческого предметного мира, мира для нас самих, а не «реальности в себе».

Предметная физическая реальность существует только в индивидуальном сознании, но из этого не следует, что создаваемый сознанием физический мир иллюзорен, что он – фикция. Напротив, индивидуальная чувственная репрезентация предметного физического мира совершенно материальна, точнее, вещественна, достоверна и бесспорна, но эту вещественность ему придают свойства чувственных психических репрезентаций человеческого сознания. И вне сознания нет ни чувственной вещественности, ни предметности.

Из-за доминирования дуалистической парадигмы в нашем мировоззрении кажется странной и даже нелепой мысль о том, что наша психика конституирует и преподносит нам «реальность в себе» в вещественной, материальной, предметной форме, которую мы привыкли называть физической, что именно психика ответственна за появление окружающих предметов.

Мы привыкли к тому, что материя и сознание – антагонистические сущности, и поэтому не можем принять очевидный вывод о том, что эти наши представления не соот-

ветствуют реальности. Философские определения материи²⁸ и сознания действительно превратили их в противостоящие друг другу сущности. И эти философские представления распространились на научные представления. Тем не менее, научные представления о материи и сознании резко отличаются от философских, к тому же научными средствами невозможно обнаружить бесспорные доказательства противоположности и несовместимости материи и сознания.

Материю сегодня понимают в науке как некий несотворимый и неуничтожимый субстрат, представленный, например, в виде физического вещества, обладающего свойствами иметь форму, химическую структуру, вес, протяженность, способность к превращениям, движению и т. д.; субстрат, воздействующий на органы чувств, переходящий из одной формы в другую, даже в формы, недоступные восприятию, пребывающий в пространстве-времени; субстрат, из которого состоит окружающий человека предметный физический мир. Мало у кого из исследователей вызывает поэтому сомнение материальность предметного физического мира. При этом в науку из философии перешло убеждение о противоположности и несовместимости материи, а, следовательно, и предметного физического мира, с одной стороны, и сознания, с другой.

Усвоенная наукой идея об антагонизме материи и сознания порождает в исследователях уверенность в том, что сущ-

²⁸ См. Примечание 3.

ности окружающего мира бывают либо материальные, то есть предметные и физические, либо психические, и пропасть между ними непреодолима. Материальное «отражается» или является человеку с помощью его психических феноменов, но и только, так как психические явления нематериальны и принципиально отличаются от материи и материальных предметов окружающей человека физической реальности. «Психический мир» «противостоит» «миру вещей». Именно эта форма дуалистической парадигмы доминирует в современной науке, несмотря на то, что раздается все больше голосов исследователей, призывающих отказаться от дуализма.

Можно сказать, что Р. Декарт (цит. по: Дж. Реале, Д. Антисери, с. 321) лишь заложил основы дуализма своим утверждением, что материя и сознание (*res extensa* (вещь протяженная) и *res cogitans* (вещь мыслящая)) – это принципиально разные субстанции. Но он рассматривал философские сущности. То есть современная дуалистическая парадигма, возможно, и началась с идей Р. Декарта, но пошла гораздо дальше и в другую сторону... И сейчас вызывает возражения не столько философский, сколько научный дуализм. Упрощая существующую картину, можно сказать, что большинство исследователей считают сейчас материей сущности, лежащие, по их мнению, в основе окружающего нас предметного физического мира: вещество, поле и вакуум. И даже идею антагонизма последних с сознанием можно с

оговорками принять. Нельзя принять идею о том, что сознание лишь репрезентирует предметный физический мир, существующий вне сознания, и к формированию физических предметов сознание не имеет отношения, так как за предметный мир ответственна материя. Я полагаю, что сознание имеет самое непосредственное отношение к конституированию физических предметов, так как оно выстраивает их в себе самом. Предметный физический мир – это предметно оформленная сознанием в сознании же человеческая репрезентация материи, которую вполне можно назвать «реальностью в себе». При этом само сознание полностью зависит от «реальности в себе».

Я пытаюсь показать, что **психические перцептивные репрезентации (ощущения и образы восприятия) существуют в вещественной, материальной форме, создавая для нас предметы окружающего физического мира.** Данное положение противоречит всей истории развития идей о психическом и физическом, а потому кажется странным и неадекватным. Однако принятие этого факта позволяет на практике не только отказаться от декартовского дуализма, но и многое объяснить.

Если «вещь в себе» – это не вполне физическая вещь, точнее, вовсе не вещь, то что же она такое? А если предмет создается сознанием, то как он может быть материальным?

Мы привыкли к идее о том, что «материя (мозг) порождает нематериальное сознание». Но получается, что и созна-

ние порождает материю, по крайней мере, в том предметном, вещественном виде, в котором мы традиционно ее себе представляем?

Пусть не порождает, а лишь конституирует, но в материальной форме. *Однако как такое возможно?*

Последовательность должна выглядеть так: элемент «реальности в себе» (вне сознания) – ее психическая репрезентация в форме физического (парадокс!) предмета (или образ восприятия предмета в сознании, но в месте локализации элемента) – психические образы воспоминания и представления предмета.

Возникает очередной вопрос: *а куда делась в этой схеме «объективность» физического предмета, ведь предмет в ней субъективен, уникален и неповторим, так как создается конкретным сознанием? Мы-то «знаем», по крайней мере мы привыкли к тому, что предмет «объективен», так как доступен всем, кто его сейчас воспринимает. Получается, что физический предмет субъективен, а объективно только то, что позволяет конкретному сознанию породить его субъективную репрезентацию... То есть объективна лишь «реальность в себе», являющаяся нам в виде наших субъективных психофизических репрезентаций или предметов.*

Признание того, что предмет дан нам в нашем сознании, но в физической форме, сразу на практике разрушает дуализм, так как физическое дано нам в психическом и через

психическое, а следовательно, мало того, что физическое и психическое неразделимы, эти сущности просто нет смысла выделять. Сформулирую несколько постулатов.

• **От концептов (и понятий) *физическое*²⁹ и *психическое* в их привычном смысле необходимо отказаться, так как они неопределимы и неразличимы.**

• **Если «физическое» существует в сознании, то оно отнюдь не более «объективно», чем «психическое», а вербальные репрезентации не менее реальны и «объективны», чем то, что мы считаем «физическим» миром. Соответственно, понятия, например, ничем не отличаются в смысле их «объективности» и реальности от окружающих предметов, представленных в сознании в виде чувственных репрезентаций.**

²⁹ Я широко пользуюсь далее термином «физическое», который в моем понимании означает общее свойство всех перцептивных чувственных репрезентаций человеческого сознания. Физическое – то, что репрезентируется нашими образами восприятия и ощущениями. Оно объединяет такие ярко выраженные специфические признаки, как вещественность, предметность, реальность, константность, тождественность, инвариантность и т. д., которые заставляют человека безусловно верить в подлинность и наличие вокруг него независимого от него предметного мира. Используя здесь и далее термин «физическое», я имею в виду только то, что репрезентируется в человеческом сознании с помощью образов восприятия и ощущений, то есть я не вкладываю в этот термин никакого дополнительного значения, широко распространенного, например, в философии и естествознании. Я не считаю правильным рассматривать данный термин как аналог «материального» в противовес «идеальному», или «психическому», так как считаю такую дихотомию устаревшей и ошибочной.

- Для человека именно психические феномены и есть первичная реальность, так как «реальность в себе», традиционно рассматриваемая как бесспорно объективная и материальная, дана ему лишь в форме его же психических феноменов.

- Психические явления – не эпифеномены, а реальность, так как даже «реальность в себе» дана человеку лишь в форме их.

- Психика – это, говоря метафорически, воплоитель, устройство, трансформирующее «реальность в себе» в доступную человеку предметную психофизическую форму.

- Образы восприятия = окружающие физические предметы – не что иное, как особая разновидность человеческих психических феноменов.

Повторю, что нам необходимо отказаться от старых концептов (и понятий) *психическое* и *физическое*. Полагаю, что принципиально возможна и допустима замена в том числе глобальных концептов (и понятий), имеющих вековую и даже тысячелетнюю историю и от того представляющихся нам неоспоримыми, естественными и мировоззренческими. Порой такая замена просто необходима и идет только на пользу, так как ее отсутствие тормозит развитие науки.

Но вернемся к сознанию и его репрезентациям. Говорить, что сознание создает предметы, все же не совсем вер-

но. Роль сознания сводится скорее к тому, что оно как бы «помещает» в специфическую антропоморфную предметную «упаковку» элементы «реальности в себе». В результате человек оказывается в глобальной антропоморфной репрезентации «реальности в себе». «Реальность в себе» дана нам в очень специфическом и явно не изоморфном ей психофизическом варианте, как не изоморфна, например, самолету светящаяся точка на мониторе радара. Впрочем, об изоморфности и соответствии точки и самолета можно долго и безуспешно спорить.

Меняет ли что-то антропоморфная форма репрезентирования сознанием «реальности в себе» для нашего понимания последней? Думаю, для нас непринципиально, что точка на радаре или кривая записи магнитографа не копируют самолет или землетрясение, а лишь как-то сложно и опосредованно соответствуют им. Во-первых, точка и кривая показывают нам, что некие сущности реально присутствуют в мире. Во-вторых, они соответствуют им настолько, что позволяют нам предвидеть дальнейшие трансформации сущностей в реальности, что нам, собственно, и надо. Сама данная метафора, впрочем, достаточно условна, так как модели в ней – точка на радаре и кривая на ленте самописца – сами являются физическими объектами в отличие от наших психических³⁰ репрезентаций. Но некоторая общая аналогия все же прослеживается.

³⁰ От дуализма мы еще долго не избавимся.

Можем ли мы говорить о том, что наши репрезентации не изоморфны «реальности в себе»? Имеет ли вообще смысл обсуждение их изоморфности, если «реальность в себе» и является-то нам только в форме этих наших репрезентаций и никак иначе явлена нам быть не может; если, наконец, эти репрезентации и есть для нас единственно абсолютно реальные и бесспорные физические предметы? Если мы не представляем себе и не можем представить, что такое «реальность в себе», о какой изоморфности репрезентаций вообще можно говорить?

Полагаю, что, рассматривая вопрос о соотношении элемента «реальности в себе» и его репрезентации, мы должны говорить здесь лишь об использовании термина «подходит», предложенного Э. фон Глазерсфельдом³¹.

Критики конструктивистского подхода, например Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010), так формируют свою позицию: «...Характеристики реальности, которая существует сама по себе, от нас не зависят... Иначе нам никогда не приходилось бы наткаться на сопротивление той жизни, которую мы ведем, нашим желаниям. Именно сопротивление природных вещей человеческому насилию заставляет людей пожалеть о своем неразумии... Остается наивный вопрос: неужели адептам конструктивизма никогда не приходилось сталкиваться с неуспехом в повседневном поведении, а возможно, и с катастрофами в личной жизни? Неужели прова-

³¹ Глазерсфельд Э. фон. Указ. соч.

лы наших начинаний – в особенности в общественном масштабе – ничему нас не учат? Можно ли быть настолько риторичными хоть в теории, хоть на практике?» (с. 216–217). «Ни один серьезный ученый не примет рекомендаций философа-конструктивиста. ...Приняв конструктивистскую доктрину, современный человек никогда не сможет отличить науку от научных домыслов, граничащих с шизофреническим маниакальным бредом» (с. 300–301).

Думаю, что конструктивисты не хуже цитируемых авторов понимают зависимость человека от окружающей «реальности в себе» и ее господство над нами. Однако из этого отнюдь не следует, например, необходимости признания ее предметного характера. Со времен Д. Беркли его оппоненты спорили с его сторонниками, чаще всего находясь на разных уровнях понимания реальности... Идеи Д... Беркли касались более глубоких уровней понимания соотношений человека и реальности, чем большинство идей его противников. Мне кажется, что и с критикой конструктивизма происходит нечто подобное.

То, что наше сознание конституирует для себя окружающий мир в физической предметной форме, во-первых, никак не влияет на «реальность в себе», во-вторых, никак не мешает «реальности в себе» определяющим образом влиять на нашу жизнь. Тут нет никаких противоречий и непонятно, о чем вообще может идти спор. Из признания того, что предметный физический мир, конституированный нашим созна-

нием, является репрезентацией «реальности в себе», отнюдь не следует, что «реальность в себе» зависит от человека.

§ 5. Чувственные психические конструкции

Важное значение для психической феноменологии имеет понятие *психическая конструкция* (С. Э. Поляков, 2004; 2011). Этим понятием я предложил обозначать сложные психические образования, состоящие из относительно простых психических феноменов. Они представляют собой особую разновидность психических явлений, их отдельную самостоятельную форму. **Психическая конструкция** – более **сложный** по сравнению, например, с ощущением и мгновенным образом³² **психический феномен, состоящий из многих жестко ассоциированных между собой мгновенных образов и ощущений**. В отличие от ощущения и мгновенного образа **психическая конструкция не существует в сознании в каждый конкретный момент времени целиком**, а проявляется в нем лишь теми или иными своими элементами, которые метафорически можно сравнить с выступающими над водой частями вращающегося деревянного многогранника с разноцветными гранями.

Психическая конструкция разворачивается в сознании во времени. В каждый следующий момент в сознании появляется ее новая часть так же, как над беспокой-

³² См. Примечание 4.

ной водой появляется новая грань многогранника... Каждая психическая конструкция уникальна, самостоятельна и независима от других психических конструкций, хотя и связана с ними. **Психическая конструкция – это отдельная форма психических феноменов**, самостоятельное сложное целостное психическое явление. Это не просто ассоциация образов и ощущений, не просто набор связанных между собой относительно простых психических явлений, который обладает лишь суммой свойств этих явлений, а новый психический феномен, приобретший в результате их ассоциации новые свойства. Эти сложные феномены возникают благодаря особому свойству сознания, описанному И. Кантом (1994, с. 100–106), которое автор назвал единством апперцепции или единством сознания: «Синтетическое единство сознания есть, следовательно, объективное условие всякого познания; не только я сам нуждаюсь в нем для познания объекта, но и всякое созерцание, для того чтобы стать для меня объектом, должно подчиняться этому условию, так как иным путем и без этого синтеза многообразное не объединилось бы в одном сознании» (с. 103). «Многообразное, данное в чувственном созерцании, необходимо подчинено первоначальному синтетическому единству апперцепции, потому что только через него возможно единство созерцания» (с. 106).

Психические конструкции³³ репрезентируют в со-

³³ Более подробно о психической конструкции см. гл. 2.3.

знании самые разные сущности, относимые человеком к физическому и психическому миру. Типичным примером чувственной психической конструкции является, например, модель-репрезентация предмета³⁴.

Чувственная психическая конструкция возникает в сознании обычно как удивительный синтез разномадных и уже поэтому радикально различающихся между собой, а потому, казалось бы, принципиально несопоставимых друг с другом психических явлений – разных сенсорных репрезентаций одного и того же аспекта «реальности в себе». Можно напомнить в связи с этим слова Д. Беркли (2000, с. 7) о том, что воспринимаемые зрением движение, форма и протяжение отличны от идей того же названия, воспринимаемых осязанием. По мнению автора (2000, с. 82), у нас не больше оснований доказывать, будто видимые и осязаемые квадраты принадлежат к одному и тому же роду, исходя из того, что они называются одним и тем же именем, чем доказывать, что осязаемый квадрат и слово, которым он обозначается, принадлежат к одному и тому же роду, потому что оба они называются одним и тем же именем.

Тем самым Д... Беркли (2000, с... 39–40) указывает, что человеческие представления о том, что мы будто бы видим то же самое протяжение и ту же самую форму, которые мы

³⁴ Более подробно о модели-репрезентации см.: раздел 1.1.3 и С. Э. Поляков, 2011, с. 209–276.

осязаем, – не более чем иллюзии. То, что видится, есть одна вещь, а то, что осязается, – совершенно другая вещь. Однако из того, что видимые форма и протяжение не тождественны осязаемому форме и протяжению, еще не следует, что одна и та же вещь имеет разные формы и разные протяжения. Следствием будет только то, что объект зрения и объект осязания суть две отдельные вещи.

Я бы уточнил: репрезентации разной модальности действительно конституируют совершенно разные сущности. Проще говоря, **в нашем сознании возникают репрезентации одного и того же элемента «реальности в себе» в разных несопоставимых и несравнимых сенсорных плоскостях. И лишь сознание в акте апперцепции объединяет эти разномодальные репрезентации в единую сущность.** Д. Беркли точно фиксирует тот факт, что в сознании возникают совершенно разные по своей форме, содержанию, а часто и по времени возникновения репрезентации одного и того же элемента реальности. Эти репрезентации не просто различаются. Они несопоставимы и несоизмеримы. Нельзя, например, никак сопоставить желтый цвет и кислый вкус или ощущение гладкости и запах лимона. Тем не менее сознание объединяет их в единую чувственную психическую конструкцию, конституируя новый предмет – лимон.

Эти разномодальные психические феномены объединяются в новую целостность благодаря «единству сознания». Слова И. Канта (1994, с. 101 и 104) можно трактовать так:

не предмет обуславливает связь своих репрезентаций в сознании. Их связь – результат действия сознания, которое способно связывать многообразное содержание представлений в целостную репрезентацию предмета.

Наше сознание обладает способностью накапливать множество разных, в том числе и разномодальных чувственных репрезентаций одной и той же части «реальности в себе», формируя в итоге психическую конструкцию, представляющую собой типичный гештальт³⁵. Такая психическая конструкция репрезентирует обычно предмет и, что особенно удивительно, локализует его вне нашего тела. Э. Кассирер (2009), обсуждая мысли И. Канта, пишет: «Предмет, стало быть, достигается и познается... путем объединения в за-

³⁵ «Гештальт – немецкий термин, который... не имеет точного английского/русского эквивалента. Было предложено несколько терминов, таких как “форма”, “конфигурация”, однако здесь “суть” или “способ” также допустимые варианты перевода. Этот термин... используется для обозначения единого целого, полной структуры, множества, природа которого не обнаруживается с помощью просто анализа отдельных частей, его составляющих. Афоризм, порожденный этой идеей, – “целое (то есть гештальт) отличается от суммы его частей”» (А. Ребер, 2000, с. 176). По словам Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко (2009, с. 99), гештальт – основное понятие гештальтпсихологии, обозначающее целостные (то есть не сводимые к сумме своих частей) структуры сознания. Примерами гештальтов являются кажущееся движение, инсайт, восприятие мелодии, не сводимое к сумме ощущений звуков этой мелодии, и т. д. В гештальтпсихологии гештальты рассматривались как единицы сознания и психики на всех ступенях психического развития. В Лейпцигской школе они считались единицами анализа сознания.

мкнутое целое всей совокупности наблюдений и данных в опыте измерений» (с. 43).

Не все психические конструкции – гештальты, так же как не все гештальты – психические конструкции. Гештальтпсихология рассматривает, например, образы восприятия как гештальты. В моем понимании, однако, образы восприятия – это не психические конструкции. . . По крайней мере, это какие-то очень специфические психические конструкции либо даже вообще другие, хотя тоже сложные психические явления. Образ восприятия – психический феномен, растянутый во времени, занимающий часто не одну секунду. Он не типичная психическая конструкция, а скорее поток однородных психических феноменов – мгновенных образов (восприятия, представления и воспоминания), репрезентирующих воспринимаемую в данный момент часть «реальности в себе» и множества сходных с ней элементов реальности, воспринятых человеком в прошлом.

Следовательно, **образ восприятия – сложный психический феномен, но все же не психическая конструкция.** Правильнее было бы назвать его как-то иначе, например психический комплекс, психическое образование, перцептивный психический процесс и т. п. К тому же образ восприятия всегда навязывается сознанию «реальностью в себе». Он неразрывно связан с ее элементами и исчезает при прекращении их восприятия. Психическая конструкция, напротив, относительно «свободный» от окружающей реально-

сти психический феномен, который может появиться в сознании и исчезнуть из него вне явной связи с актуально воспринимаемым окружающим миром. Элементы образа восприятия иначе ассоциированы между собой, чем составные части психических конструкций, поэтому появление в сознании образов воспоминания предмета, например, не может вызвать появление в сознании мгновенных образов его же восприятия. Элементы же типичных психических конструкций, появляясь в сознании, способны актуализировать ее в целом.

Сознание создает сложные и целостные психические конструкции, репрезентирующие сущности окружающего мира и самого сознания, которые затем сохраняются в сознании в качестве его объектов и изобретений. Оно способно формировать гипотетические и даже совершенно умозрительные сущности, явно отсутствующие в реальности. Например, новые технические устройства (телефон, ракета, автомат), образы будущих произведений искусства или новые формулы химических веществ (известный пример – модель бензола Кекуле), репрезентации атома или электрона, математические уравнения и пр. Интересный и показательный пример такой психической конструкции, описанный В. А. Моцартом, приводит Р. Пенроуз (2010, с. 362) (см. Примечание 5).

Тезисы для обсуждения

1. Вне человека существует объективная непредметная «реальность в себе», не зависящая от него, но целиком определяющая его жизнь. В ней нет предметов и явлений, их свойств и действий. Без репрезентирующего ее сознания она невидима, безмолвна, не имеет запаха, вкуса и других чувственных качеств. Ее элементы доступны познанию лишь в форме репрезентаций, конституируемых сознанием в виде физических сущностей.

2. Предметный физический мир – это человеческая преимущественно чувственная глобальная репрезентация «реальности в себе», формирующаяся в пространстве сознания и с помощью его феноменов, но в месте локализации «реальности в себе». Эта глобальная чувственная репрезентация имеет свойства, заставляющие людей верить в ее независимость от них, то есть в первичность возникающего в их сознании физического предметного мира.

3. Сознание не отражает, не воспроизводит и не копирует «реальность в себе», а своими психическими средствами конституирует и конструирует, то есть созидает ее репрезентацию в себе в соответствии с ней. На возникающие в сознании репрезентации «реальности в себе» влияет как она сама, так и сознание.

4. «Идеальное», как принято считать в соответствии с до-

минирующей в науке парадигмой, сознание создает психическую по происхождению, но предметную по форме глобальную перцептивную чувственную репрезентацию «реальности в себе», то есть оно формирует не только психические, но и физические сущности.

5. Образ восприятия предмета и есть предмет, то есть единственный оригинал, подлинник того, что человек привык считать предметом. Этот образ существует в месте локализации репрезентируемого им элемента «реальности в себе», но в сознании, обладая всеми свойствами предмета: предметностью, реальностью, целостностью и т. д.

6. Психические явления можно разделить на относительно простые и сложные. Простые психические явления – это то, что невозможно разложить далее, например ощущения и мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления). Сознание ассоциирует их благодаря особому свойству – единству сознания, образуя сложные психические феномены, или психические конструкции. Простые психические феномены могут возникать и существовать в сознании самостоятельно, не нарушая этим единства психических конструкций, в которые входят в качестве структурных элементов.

7. Психические конструкции – это устойчивые совокупности ассоциированных между собой простых психических явлений, в которых целое, возникающее в результате такой ассоциации, больше, чем сумма составляющих его частей,

и способно выполнять в сознании новые репрезентативные функции.

8. Психическая конструкция обычно не существует в сознании в каждый конкретный момент целиком, а разворачивается во времени, проявляясь в сознании лишь отдельными своими элементами, каждый из которых способен представлять конструкцию в целом.

1.1.3. Модели-репрезентации как чувственные концепты

§ 1. Модель-репрезентация³⁶ как типичная психическая конструкция

Э. Мах (2005, с. 68–69) почти полтора века назад сделал важнейший и для физики, и для психологии вывод, что не тела вызывают ощущения, а комплексы ощущений (комплексы элементов) образуют тела. Э. Мах (с. 49) замечает, что наши сенсорные впечатления бывают самыми разнообразными, а постоянными оказываются лишь их комплексы. Комплексы представляют собой функционально связанные в пространстве и времени сенсорные впечатления. Комплексы получают особые названия, и мы называем их телами. Но и они не

³⁶ Я предложил термин «модель-репрезентация» (С. Э. Поляков, 2011, с. 209–276), не найдя лучшего, хотя он не очень удачен.

бывают абсолютно постоянными.

Как пишет автор, тела кажутся чем-то постоянным, действительным, а составляющие их элементы – чем-то мимолетным, преходящим отражением. И тем не менее тела – лишь абстрактные символы для комплексов элементов, которые образуют их основу. Э. Мах (с. 52) указывает, что можно отделять от комплекса каждую его составную часть, но оставшееся продолжает представлять весь комплекс, который по-прежнему может быть признан. Вещь, тело, материя – ничто, помимо связи их элементов, цветов, тонов и т. д., помимо так называемых признаков.

Вообще-то мысль о том, что предмет – это лишь совокупность представлений, восходит как минимум к И. Канту, который, например, пишет: «Объект есть то, в понятии чего объединено многообразное, охватываемое данным созерцанием. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их» (1994, с. 102). Г. Риккерт отмечает, что «вещь, которая для наивной метафизики есть субстанция – носительница свойств, стала для Канта правилом соединения представлений» (1997, с. 128).

Удивительно, но психологи не обратили внимания на эти идеи И. Канта и Э. Маха. Как, впрочем, и на то, казалось бы, очевидное обстоятельство, что **вещь, о которой мы думаем, полноценно существует для нас в этот момент, даже если мы ее не воспринимаем. В какой форме она существует в нашем сознании, если мы не определяем ее понятия**

тием, то есть не используем в мышлении вербальный образ? Может, как принято считать, в виде образа представления или образа воспоминания вещи? Не всегда.

Вернемся к Э. Маху, который пишет: «Тело, комплекс элементов, или основное ядро, основную сущность этого комплекса, я считаю существующими постоянно, независимо от того, влияет ли оно в данный момент на чувства или нет. Держа постоянно наготове при себе мысль об этом комплексе или выражающий этот комплекс символ, имея всегда наготове мысль о сущности данного комплекса, я тем самым обладаю преимуществом провидения...» (2005, с. 273).

Автор явно говорит о существовании в сознании комплекса, репрезентирующего некую сущность даже тогда, когда человек ее не воспринимает. Этот «комплекс» находится, естественно, не в «реальности в себе», а в сознании человека, воспринимающего соответствующий ее элемент или думающего о нем.

Один и тот же элемент «реальности в себе» не только разные люди, но даже один человек в разных условиях воспринимает порой совершенно по-разному. *Каким же образом нам удастся, воспринимая часто очень разные «наборы» ощущений и образов, все же выделять в окружающем мире одни и те же предметы, явления, их свойства и действия?* А. Эддингтон (2003, с. 180) приводит хороший пример. Автор держит перед собою предмет и видит в нем контуры Британии. Другой наблюдатель, сидящий напротив, ви-

дит вместо контуров Британии изображение монарха. Третий, сидящий сбоку от них, вообще видит только узкий прямоугольник. Что же держит в руках автор на самом деле? Все описанные наблюдения объясняются, как только выясняется, что наблюдатели смотрят с разных сторон на монету в один пенс.

Так каким же образом нашему сознанию удастся репрезентировать конкретный предмет, если на протяжении своей жизни мы видим лишь огромное количество его очень сильно различающихся между собой образов?

Если бы наше сознание не имело описанного И. Кантом (1994, с. 100–106) «единства апперцепции» – способности объединять разные образы одного или множества сходных предметов и создавать из них целостную и понятную репрезентацию предмета, например монеты, мир оставался бы для нас неясной мешаниной чувственных репрезентаций и мы не смогли бы в нем существовать.

Подобное соединение постоянно происходит в каждом человеческом сознании. Вспомним слова Э. Маха (2003, с. 66) о том, что множество сиюминутных ощущений восприятия сплетаются с предшествующими переживаниями памяти и гораздо больше определяют наше поведение, чем это могли бы сделать одни данные ощущения. В результате мы не только видим красновато-желтый шар, но нам кажется, что мы воспринимаем некоторую телесную вещь, мягкую, с приятным запахом и освежающим, кисловатым вкусом. В другом

случае мы видим не желтоватую вертикальную и блестящую плоскость, а, например, шкаф.

Наше сознание непрерывно создает множество чувственных репрезентаций предмета. Причем большинство из них сильно различаются между собой, так как мы видим, например, предмет то спереди, то сзади, то снизу, то издали, то в полумраке, то в свете солнца и т. д. В результате в нашей памяти накапливается множество его образов, многие из которых настолько сильно отличаются друг от друга, что, будучи предъявленными нам для опознания вне определенного единого контекста, были бы, безусловно, расценены как образы разных предметов. В то же время возникающие в нашем сознании образы разных, но сходных в чем-то предметов, будучи предъявленными нам одновременно, вполне могли бы быть расценены нами как репрезентации одного и того же предмета... И тем не менее **в результате накопления в памяти разных репрезентаций, формирующих предмет А, в сознании в конечном счете возникает нечто узнаваемое и однозначно расцениваемое нами как известный нам предмет А, отличный от других даже сходных с ним предметов В и С. Это «нечто» и есть тот психический инвариант, та сложная психическая сущность, точнее, та устойчивая психическая конструкция, которая чувственно репрезентирует известный нам предмет А. Эту психическую сущность я называю «моделью-репрезентацией» определенно-**

го предмета.

В. Декомб (2000, с. 64) пишет, что нельзя увидеть все шесть граней куба одновременно, поэтому, когда мы говорим: «Это куб», мы говорим о большем, нежели видим. Мы предвосхищаем свое будущее восприятие скрытых сторон куба, которые могли бы увидеть, встань мы с другой стороны. Во всяком нашем актуальном восприятии содержится ссылка на другой опыт, прошлый или будущий. Вещь, предстающая перед нами, никогда не является полностью открытой. Мы предполагаем, что скрытые грани куба наличествуют с другой стороны, с той стороны, где нас нет, хотя на самом деле в настоящий момент мы о них ничего не знаем.

Автор должен был бы сказать не «не знаем», а «не воспринимаем», так как мы как раз знаем. И это предшествующее восприятию **знание, выражающееся в наличии в сознании моделей-репрезентаций всех знакомых предметов, сопровождает человеческое восприятие и участвует в нем.** Более того, **имеющаяся в нашем сознании модель-репрезентация позволяет нам мысленно увидеть знакомый предмет сразу в целом как единую сущность**, хотя мы и видим обычно лишь его часть. Ж.-П. Сартр (2001, с. 59–60) пишет, что, когда он мыслит куб в конкретном понятии, он мыслит шесть его сторон и восемь углов одновременно, мыслит его углы прямыми, а стороны – квадратными. Он находится в центре своей идеи, сразу схватывая всю ее целиком. Он может мыслить конкретные сущно-

сти в одном акте сознания.

Я тоже легко представляю себе сразу все шесть граней куба как бы в одном, едином его мысленном образе. На деле это, конечно, не один, а множество мгновенных образов представления и воспоминания куба, которые калейдоскопически сменяют друг друга, формируя тем не менее некий единый объект. В этом объекте невидимые обычно грани куба проступают сквозь закрывающие их видимые грани. При чем представляемый мною куб то прозрачный, как из стекла, то окрашенный, медленно вращается в моем сознании. Но это не модель-репрезентация конкретного знакомого мне куба. Это собирательная модель-репрезентация куба вообще – умозрительного объекта, синтезируемого моим сознанием из множества виденных мной на протяжении жизни различных кубов.

В сознании никогда не возникают одни и те же, то есть тождественные самим себе, чувственные репрезентации, в лучшем случае появляются очень похожие репрезентации той же грани реальности, но чаще присутствуют довольно сильно различающиеся ее репрезентации. Тем не менее в итоге каким-то непонятным образом сознание формирует репрезентации конкретных уникальных предметов. *Что заставляет нас считать разные репрезентации элемента «реальности в себе» той же самой вещью?* Кажется, Б. Рассел писал про пальто, которое было куплено много лет назад и за прошедшие годы превратилось совсем в другую, старую

и поношенную вещь, но мы по-прежнему считаем это пальто одним и тем же предметом. *Почему?* То же касается людей, например одноклассников, которых мы не видели десятки лет и, случайно увидев, не узнали. *Это действительно те же люди или мы просто почему-то считаем их теми же?*

Мы считаем и знакомых людей, и знакомые предметы теми же, потому что они даны нам в виде наших моделей-репрезентаций, или психических конструкций, чувственно конституирующих в нашем сознании конкретные сущности внешнего мира. Именно **модель-репрезентация обеспечивает не только наличие целостной репрезентации предмета в сознании при отсутствии его восприятия, но и субъективную тождественность предмета самому себе.** Только благодаря наличию модели-репрезентации карандаша, например, его излом, возникающий при погружении в воду, воспринимается нами как иллюзия. Дело в том, что имеющаяся у нас модель-репрезентация карандаша в воздухе не соответствует новому образу восприятия карандаша в воде. И у нас немедленно возникает вопрос: «Что произошло с карандашом?» Извлечение и повторное погружение карандаша в воду свидетельствуют, что его изменение – иллюзия.

Красивые эксперименты Ж. Пиаже с младенцами (подробнее см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 225–230) показали, что для очень маленького ребенка в окружающем мире существует лишь то, что в данный момент находится в его зри-

тельном поле. Вера же в продолжение существования уже невидимых в данный момент предметов появляется у него только в результате формирования в его сознании их моделей-репрезентаций. И эта вера в существование ранее воспринятых предметов, как пишет П. Вацлавик (2001, с. 107), в конечном счете ведет к началу процесса конструирования ребенком действительности.

Если мельком бросить взгляд на знакомого и незнакомого человека, то можно заметить, что мгновенный образ восприятия знакомого сопровождается чем-то делающим этот образ «наполненным», тогда как образ восприятия незнакомого, метафорически выражаясь, «пустой». Образ восприятия знакомого человека актуализирует его модель-репрезентацию в нашем сознании. Образу восприятия незнакомого человека просто почти нечего актуализировать в сознании. В образе восприятия незнакомого человека мы тоже сразу распознаем, во-первых, человека, во-вторых и в-третьих – его пол, возраст, расовую принадлежность и т. д. Но наличие модели-репрезентации знакомого человека радикально меняет для нас воспринимаемый нами образ этого человека. Даже в образах восприятия звука голоса знакомого человека, доносящихся, например, из-за двери, мы, благодаря наличию модели-репрезентации, буквально «видим» его визуальный образ – то, что просто не могли реально сейчас увидеть.

Лежащая передо мной фотография знакомого человека вызывает в моем сознании представление не о ней, а о со-

вершенно другом объекте – самом этом человеке. Происходит это потому, что образ восприятияданного искусственного объекта – фотографии, выступающей как иконический знак изображенного на ней человека, актуализирует в моем сознании устойчивую психическую конструкцию – модель-репрезентацию конкретного человека. Без нее фотография была бы для меня фотографией незнакомца. Я не обсуждаю здесь то, что модель-репрезентация, конечно, ассоциируется с понятиями, например образом слова, обозначающего имя человека, и т. д.

Модель-репрезентация известного человеку предмета не является чем-то раз и навсегда данным ему, неизменным и статичным. Она постоянно видоизменяется в течение жизни и в процессе взаимодействия человека с репрезентируемым ею элементом «реальности в себе». Даже всплывая в сознании, она в отличие от мгновенного образа восприятия или ощущения не является феноменологически чем-то однородным. **Появившись в сознании какой-то своей частью, она как бы «течет», так как составляющие ее элементы сменяют друг друга.** Удачной метафорой для нее мне представляется видимая часть вращающегося в воде деревянного многогранника с разноцветными гранями. Скрытая его часть прячется где-то в памяти, а видимая часть все время меняется. Его элементы один за другим появляются в сознании, сменяя друг друга. Однако полностью психическая конструкция не поме-

щается в поле сознания из-за своих «размеров» (если можно говорить о размерах психической конструкции).

Например, возникающая в моем сознании модель-репрезентация моей собаки репрезентирует мне непрерывно движущийся объект, который то бежит, то играет с мячом, то лежит, то ест и т. д. Даже модель-репрезентация неподвижного объекта – моего дома – тоже изменяется. Он поворачивается ко мне разными сторонами: то входом, то верандой, видится то рядом, то как бы издалека, то снаружи, то изнутри. Как будто его снимают разные камеры, причем изображение все время перескакивает с одной его стороны на другую без всякой системы и независимо от моей воли. Хотя я все же могу при желании остановиться на какой-то его части, как бы выделить субобъект в этом большом объекте и мысленно рассмотреть его внимательнее.

Таким образом, можно заключить, что **модель-репрезентация знакомого предмета представлена совокупностью образов воспоминания и представления этого и даже, возможно, сходных с ним предметов, с которыми человек уже сталкивался в прошлом, в динамике их возможных изменений.** А в формировании вновь возникающего образа восприятия предмета непосредственно участвуют не только перцептивные впечатления, но и модель-репрезентация воспринимаемого предмета, если она уже сформировалась к моменту этого восприятия.

Появление в сознании ребенка моделей-репрезентаций

упорядочивает для него калейдоскопически меняющиеся сенсорные репрезентации окружающего мира. Формируя в окружающей ребенка реальности конкретные предметы, их модели-репрезентации делают для ребенка мир относительно стабильным и узнаваемым, доступным познанию. В его сознании упорядочивается процесс постоянного движения неопределенных чувственных форм. Без этого сознание утонуло бы в нескончаемой череде меняющихся сенсорных репрезентаций даже одного объекта реальности. Благодаря единству апперцепции сознание строит из бесконечных рядов мгновенных чувственных образов относительно завершенные чувственные же репрезентации вычленяемых и конституируемых сущностей – предметов. Тем самым оно формирует вокруг себя относительно инвариантный для самого сознания предметный физический мир. Хотя мир внешний, «мир в себе самом» не содержит инвариантов и постоянно меняется.

Сознание формирует моно- и полимодальные модели-репрезентации, которые репрезентируют и конкретные объекты (например, ваш дом, вашу собаку, вашего друга Петю и т. д.), и множества сходных объектов, обозначаемых универсалиями (например, *дом, дерево, лодка* вообще). Визуальная модель-репрезентация конкретного объекта представляет собой множество зрительных образов воспоминания и представления именно этого объекта. Ее можно условно назвать также собирательным образом воспоминания и

представления данного объекта. Собираательная модель-репрезентация сходных объектов одного вида включает в себя множество образов воспоминания и представления конкретных объектов данного вида. Например, всех стульев, или всех треугольников, или всех врачей, которые встречались человеку на протяжении его жизни.

У каждого человека, сидящего за общим столом, есть своя уникальная перцептивная репрезентация данного стола, а также уникальная модель-репрезентация стола вообще. Общность доступного всем предмета «стол», да и сам этот «объективный» предмет существуют лишь благодаря общему воспринимаемому элементу «реальности в себе», сходству его сенсорных моделей, возникающих у разных людей, и наличию общего для всех людей понятия *стол*.

Вспомним известный вопрос, поставленный кажется Б. Расселом: остается ли от воспринимаемого нами стола что-нибудь еще, что не является чувственными данными, когда мы выходим из комнаты? Формулируя вопрос иначе, можно спросить: *действительно ли стол лишь продукт человеческого сознания, исчезающий, если человек перестает его воспринимать?* В форме образа восприятия привычного нам стола, в форме субъективной модели-репрезентации этого предмета, а также в виде вербальной символической репрезентации, или понятия *стол*, он действительно только продукт человеческого сознания. И как только мы прекращаем воспринимать стол, он превращается из стола в элемент «ре-

альности в себе», в нечто иное, нечто, которое бессмысленно даже обсуждать в силу его непонятности и недоступности нам.

Модель-репрезентация объекта – это не просто чувственная репрезентация предмета и его изменений во времени. Это еще и репрезентация отношений данного предмета к другим предметам.

§ 2. Модели-репрезентации предметов

Б. Рассел (331, с. 225) пишет о том, что вещи выглядят по-разному даже в зависимости от того, в какой части сетчатки локализуется образ. По мнению автора, обыденный здравый смысл научается отличать эти преходящие изменения в восприятии от тех изменений, которые вызваны изменениями в самих предметах.

Думаю, однако, что здесь надо благодарить не наш здравый смысл, а способность сознания создавать устойчивые психические конструкции – модели-репрезентации каждой воспринятой нами вещи³⁷ – и сохранять их затем в памяти. Любое столкновение в будущем с «реальностью в себе»,

³⁷ «Вещь – целостная и относительно устойчивая часть объективной действительности, обладающая определенностью, выраженной в структурных, функциональных, качественных и количественных характеристиках» (Г. В. Осипов, 1998, с. 40). «Предмет – вещь, конкретный материальный объект» (Предмет: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Предмет>). Я понимаю вещь как отдельную часть физического мира, эквивалент предмета.

образы восприятия которой ассоциативно связаны с определенной моделью-репрезентацией, немедленно актуализирует данную модель-репрезентацию в сознании. Модель-репрезентация вещи обеспечивает ее инвариантность для нас и то, что любые изменения вновь возникающего образа восприятия вещи становятся нам заметны. Полагаю, что модель-репрезентация нового предмета формируется у нас после первого же или нескольких первых его восприятий.

Э. Мах (2003, с. 144) описывает процесс формирования даже у животных того, что я определяю как модели-репрезентации, и называет их «понятиями» и «типическими представлениями». Следовательно, его «типические представления» и есть модель-репрезентация, возникающая и постепенно обогащающаяся в процессе жизни человека или даже животного. Собирательных моделей-репрезентаций сходных предметов (кочанов капусты, людей, коров и т. д.) животному вполне достаточно для адаптации и выживания. Опыт наблюдения за животными исключает, как мне кажется, сомнения в том, что животные способны формировать модели-репрезентации конкретных объектов и собирательные модели-репрезентации многих сходных предметов.

Например, собаки и кошки имеют модели-репрезентации своих хозяев, других животных, а также способны запоминать и узнавать объекты им приятные или неприятные. Тем не менее модели-репрезентации у животных никогда не включают в себя образы слов, обозначающих данные объек-

ты. Можно поэтому сказать, что у животных модели-репрезентации никогда не превращаются в концепты, то есть не становятся «завершенными». Так я называю модели-репрезентации, в структуру которых включились образы соответствующих слов, обозначающих репрезентируемые ими предметы.

Нельзя согласиться с Б. Расселом (1999, с. 39–40), который полагает, что очень многие из наших повседневных убеждений основываются на «законе животных привычек». Что наши ожидания восхода солнца завтра, яблочного вкуса у яблока или появления второй половины объекта после появления его первой половины – результат нашего опыта, вероятно откладывающегося в «привычках тела».

Опыт «откладывается» у нас не «в привычках тела», а в формирующихся моделях-репрезентациях окружающих нас сущностей. Мы верим в то, что солнце взойдет снова, потому что у нас есть соответствующие модели-репрезентации разных сущностей, в том числе солнца и его регулярных изменений, например восхода, заката, затмения и т. д.

Модели-репрезентации предметов начинают создавать новорожденные, еще не владеющие речью. В их сознании модели-репрезентации формируют сущности, выделяющиеся из прочего потока чувственных репрезентаций. Сущности эти способны привлекать к себе внимание детей. Дети их отличают и с ними взаимодействуют. Но сущности эти еще не стали для детей конкретными предметами, которые

известны взрослым. Модель-репрезентация превращается в концепт, репрезентирующий предмет, только после ее связывания с образом слова, обозначающего данный предмет. С этого момента модель-репрезентация становится значением соответствующего слова, то есть превращается в полноценный, сформированный концепт. И ее можно назвать завершенной моделью-репрезентацией.

Модель-репрезентацию, в отличие от образов воспоминания и представления предмета, следует рассматривать как сенсорную психическую репрезентацию следующего по сравнению с ними уровня сложности. С момента появления моделей-репрезентаций начинается конституирование сознанием в окружающей реальности чувственно репрезентируемых им предметов. Мир на чувственном уровне постепенно становится для ребенка предметным и тем самым более ясным для него.

В каком бы ракурсе человек ни увидел знакомый ему предмет, благодаря наличию соответствующей модели-репрезентации он его, как правило, неизменно узнает, даже несмотря на то, что возникающие при этом образы восприятия могут сильно различаться. В то же время, видя, например, фотографии незнакомого предмета в тех же ракурсах, он, напротив, может быть уверен, что видит разные предметы. Мы узнаем знакомый предмет, даже если тот предстает перед нами в самом неожиданном виде, потому что

в нашем сознании есть его модель-репрезентация. Она включает в себя бесчисленное множество визуальных образов воспоминания и представления, сформировавшихся в прошлом в процессе нашего взаимодействия с элементом «реальности в себе» и восприятия его с разных позиций и в разных условиях. Эта психическая конструкция актуализируется затем любыми, даже сильно различающимися между собой перцептивными впечатлениями, вызываемыми у нас тем же или сходным фрагментом «реальности в себе».

Модель-репрезентация предмета представляет собой совокупность множества взаимосвязанных мгновенных образов воспоминания и представления, репрезентирующих некую сущность. В каждый следующий момент она проявляется в сознании разными образами воспоминания и представления репрезентируемого предмета, образами его внутренней структуры, его связей с другими предметами, этапов его возможных трансформаций и т. д. Модель-репрезентация разворачивается и существует во времени. Как сложное психическое явление она не может появиться в сознании сразу и целиком в силу ограниченности его объема. Тем не менее даже отдельные ее элементы, возникающие в сознании, ассоциированы со всем ее содержанием и выступают как нечто большее, чем эти изолированные фрагменты, полноценно представляя ее в целом.

Феноменологически мономодальная, например визуаль-

ная, модель-репрезентация предмета включает в себя не только множество визуальных образов воспоминания воспринятого нами в прошлом объекта, но и результаты аналитической деятельности сознания в форме «итоговых», иллюстрирующих предмет в целом образов его представления. Они репрезентируют нам то, как предмет должен выглядеть, даже если мы никогда не видели его таким. Например, мы способны мысленно видеть куб со всеми шестью его гранями. Или видеть телевизор как бы целиком. Хотя ни куб, ни телевизор мы никогда не видели сразу со всех сторон, а всегда воспринимали только их часть, повернутую к нам. Итоговые образы представления, входящие в модель-репрезентацию, конституируют соответствующий предмет так, что невидимые обычно для глаза задние и даже внутренние его части «видны» нам столь же хорошо, как и непрозрачные передние поверхности, и как бы сквозь них. Из множества образов воспоминания и представления формируется трехмерный стереометрический итоговый собирательный образ предмета. В результате мы как бы «видим» многие непрозрачные предметы насквозь, «видим» их изнутри.

Обсуждая ту же проблему всегдашней неполной представленности в нашем восприятии любого предмета, Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 521–522) замечает, что у всякой вещи, как у Луны, две стороны и к нам обращена только одна. В сущности, никто никогда не видел сразу всего самого обыкновенного яблока, так как у него две стороны, а в воспри-

ятии налицо только одна. Больше того, если на одно яблоко одновременно смотрят два человека, то каждый замечает только свою сторону, всегда отличную от той, которую видит другой. Мы, конечно, можем походить вокруг яблока или повертеть его в руке. Тогда нам откроются разные его стороны. Увидев обратную сторону яблока, мы мгновенно прибавляем ее к увиденной только что.

Но, по словам автора, подобное сложение того, что мы помним, с тем, что мы видим, не дает нам права сказать, что мы охватили взором все стороны яблока. Яблоко не явлено нам с бесспорной очевидностью, а предстает в конечном счете лишь с очевидностью второго порядка, соответствующей простому воспоминанию. Следовательно, к действительному присутствию того, что составляет лишь часть вещи, автоматически прибавляется все остальное, но оно не присутствует, а только со-присутствует. Автор напоминает, что идеей со-присутствия (которое сопровождает всякое присутствие) мы обязаны Э. Гуссерлю. И она помогает нам выяснить, как появляются в нашей жизни вещи и мир, в котором они находятся.

Мне думается, что здесь нам следует обсуждать особые образы представления, интегрирующие множество разных образов воспоминания и представления объекта. Благодаря этим репрезентирующим предмет в целом, итоговым, или обобщающим образам представления предмет сразу и во всех ракурсах и разрезах становится доступен сознанию,

что позволяет нам, например, «увидеть» мысленно закрытые стенами части дома вместе с реально видимыми наружными его элементами. Такие образы весьма удачно описывает М. Мерло-Понти (1999, с. 103) на примере дома, который превращается в его мыслях в проекции множества возможных перспектив: дом, видимый ниоткуда, точнее, дом, видимый отовсюду. По словам автора (с. 105), в завершенном виде дом сверхпрозрачен, пронизан наличной бесконечностью взглядов, которые перекрещиваются в его глубине и ничего не оставляют там скрытым.

То, что М. Мерло-Понти (с. 103) называет «домом, видимым отовсюду», есть мономодальная визуальная модель-репрезентация предмета «дом», в которой сознание дополнительно формирует из множества проекций (образов воспоминания и представления) дома итоговый целостный образ воспоминания-представления дома, некий умозрительный объект.

Благодаря имеющейся у меня модели-репрезентации дома вообще трансформируется и возникающий у меня, например, видимый мной в данный момент за окном образ восприятия соседнего дома. Это совершенно не тот объект, который репрезентируют мне образы восприятия сейчас. Я «вижу» нечто иное в качестве конкретного известного мне дома только потому, что уже много раз видел прежде его изнутри и с обратной стороны, а также похожие на него дома. И все эти образы воспоминания, включенные в мою модель-ре-

презентацию данного дома, участвуют в формировании моего теперешнего образа восприятия конкретного дома.

Образ дома, который я сейчас вижу перед собой, – это не то, что увидел бы человек, никогда прежде не имевший дела с домами. Не некая изогнутая рельефная поверхность, а видимый и, самое главное, одновременно вспоминаемый и представляемый мною дом. Дом, существующий в моем сознании в виде объема, включающего в себя множество самых разных других объектов: комнат, окон, коридоров, ламп, стен, лестниц, людей, кроватей, водопроводных труб и т. п. Образы его представления создаются сознанием на основе образов воспоминания этого и других домов, измененных дополнительным знанием об объектах данного типа.

Сенсорная полимодальная модель-репрезентация конкретного предмета – это устойчивое множество ассоциированных образов воспоминания и представления данного предмета, а также воспоминаний и представлений ощущений разной модальности, вызванных им в прошлом... Актуализируется она в сознании обычно образом восприятия или воспоминания данного предмета или обозначающего его слова. Присутствие в сознании модели-репрезентации определенного предмета до его восприятия может облегчить и ускорить его восприятие или даже привести к ошибочному восприятию иного элемента «реальности в себе» в качестве этого предмета.

Именно модель-репрезентация знакомого предмета,

всплывающая в сознании, когда человек думает об этом предмете, обеспечивает ему тождество данного предмета. Она не зависит от того, воспринимает человек предмет в данный момент или нет, от положения предмета в пространстве и даже от изменения предмета.

Модель-репрезентация предмета обеспечивает его тождество до тех пор, пока вследствие неких внешних или внутренних причин элемент «реальности в себе» не начал меняться сущностно, то есть пока трансформации образов актуального восприятия предмета укладываются в изменения, допустимые в рамках существующей у человека модели-репрезентации предмета. До тех пор, пока изменения возможны и привычны, так как соответствуют тому, что нами воспринималось или было нам известно о предмете ранее, а потому вполне нами ожидаемо.

Модель-репрезентация предмета существует в сознании как некая психическая сущность, некое чувственное знание о предмете и его окружении, наконец, как сам этот предмет. Модель-репрезентация конкретного предмета занимает определенный «объем» в глобальной модели-репрезентации физической реальности, или внутренней картине мира человека. Это позволяет человеку легко обнаруживать во вновь воспринимаемом им уже знакомом окружающем мире «пустые места», которые раньше занимали известные

ему предметы. Глобальная модель-репрезентация мира в целом включает в себя, как матрешка, модели репрезентации все более и более мелких субобъектов, являющихся для человека самостоятельными предметами и сущностями.

Даже чувственные репрезентации сущностей, обозначаемых такими понятиями, как *ничего*, *ничто*, *отсутствие* и т. п., представляют собой модели-репрезентации пустых мест, просветов в череде, в последовательности, в группе, в списке и т. д. Это своего рода специфические дефекты, пропуски в более общей, чем этот просвет, модели-репрезентации той или иной грани реальности. Такое пустое место в большей модели-репрезентации, пробел там, где должна находиться модель-репрезентация некоего конкретного объекта (дома на улице, книги на полке, вещи в шкафу, человека в ряду и т. д.), мы легко регистрируем, так как модели-репрезентации окружающего нас мира структурированы системно.

Глобальные модели-репрезентации окружающей реальности, которые со временем формируются в сознании каждого человека, задают контекст, в котором разворачиваются репрезентируемые сознанием события и пребывают более мелкие сущности. Такие все более общие или глобальные модели-репрезентации реальности описываются в литературе под разными названиями – «понятийные схемы», «картина мира» и т. д. Г. Мерфи и Д. Медин (2011, с. 359) пишут, что Зиф (1972) привел несколько удачных примеров важности

понятийных схем для понимания реальности. Кажется разумным сказать: «Гепард может обогнать человека», но вряд ли это верно в отношении новорожденного гепарда, или старого гепарда, страдающего артритом, или здорового гепарда с добычей на спине. По словам авторов, данное утверждение верно лишь при некоторых, с трудом поддающихся определению условиях, которые Зиф определяет как понятийную схему, доказывая, что люди понимают друг друга, лишь когда имеют общие понятийные схемы.

Эти «понятийные схемы» и есть более масштабные, более общие модели-репрезентации реальности, которые достаточно сходны у людей, находящихся в сходных условиях существования.

Как организм не есть сумма его частей, так и **модель-репрезентация – не сумма входящего в нее множества образов представления и воспоминания разной модальности. Ее элементы выступают как части некой целостности, гештальта, имеющего дополнительное качество, которое сложно феноменологически определить. Заключается оно, например, в том, что любая часть модели-репрезентации полноценно представляет ее в сознании целиком как строго определенную сущность. Каждая часть эффективно выполняет функцию репрезентирования соответствующего предмета.**

Модели-репрезентации присутствуют в сознании как самостоятельные, отличные от других, сложные психические

феномены, существующие в сознании наряду с множеством более простых явлений. Каждая **модель-репрезентация** – не просто устойчивая совокупность множества ощущений, образов воспоминания и представления, **не просто самостоятельный сложный феномен. Она – особая репрезентация той или иной выделяемой сознанием сущности внешней реальности, способная после своего возникновения к самостоятельному, относительно независимому от этой реальности бытию в сознании и даже развитию и изменению.**

Мы способны, например, помещать модели-репрезентации знакомых предметов в вымышленную реальность, заставляя их изменяться в ней не так, как, например, репрезентируемые ими предметы изменялись в прошлом в реальности физической. Например, мы можем мысленно заставить бомбу, взорвавшуюся в Хиросиме, упасть в океан или вообще не взрываться. Способны мысленно оживить последнего российского императора или Пушкина и заставить их действовать иначе, чтобы избежать смерти. Я говорю об этом не потому, что сомневаюсь в определяющей значимости для нас именно физических трансформаций объектов, а лишь для того, чтобы показать самодостаточность и относительную независимость наших моделей-репрезентаций от представляемых ими элементов «реальности в себе».

Модели-репрезентации являются психическими объектами, с которыми манипулирует человеческое

сознание, основными содержательными чувственными единицами сознания, имеющими для человека ясный смысл. Сознание конституирует и даже конструирует модели-репрезентации разных физических сущностей, даже явно фантастических. Поэтому модели-репрезентации окружающих нас предметов соседствуют в сознании с моделями-репрезентациями выдуманных сущностей (например, кентавр, русалка, горгона и т. п.).

Модель-репрезентация предмета проходит в сознании человека разные этапы своего развития. После своего появления это просто чувственная психическая конструкция, репрезентирующая доступный восприятию элемент «реальности в себе», нечто существующее вне человека... Лишь после ассоциации с образом слова, обозначающего данное нечто, она превращается в чувственный концепт и начинает репрезентировать определенный предмет. В конечном счете она может ассоциироваться с вербальной конструкцией, представляющей собой вербальный концепт, репрезентирующий тот же предмет.

Модели-репрезентации не обязательно должны конституировать конкретные предметы. Они могут конституировать и сущности, обозначаемые общими понятиями (универсалиями), такими, например, как *стол, лошадь, человек* и т. д. В этом случае **собирательная модель-репрезентация, обозначаемая общим понятием, формируется из многих моделей-репрезентаций кон-**

кретных сущностей. Например, сущность, обозначаемая общим понятием *собака*, репрезентируется собирательной моделью-репрезентацией, включающей в себя модели-репрезентации множества конкретных живых собак, их изображений, собак из фильмов и т. д., повстречавшихся человеку на протяжении его жизни.

Каждый из нас видел за свою жизнь бесчисленное множество различных собак и других похожих животных. В результате собака, которую вы себе представляете, то есть ваша собирательная модель-репрезентация собаки вообще, отличается от всякой собаки, которую вы когда-либо видели. То, что представляет себе каждый из нас, думая о собаке вообще, и есть собирательная модель-репрезентация собаки, которая отличается от каждой конкретной собаки, представленной в нашем сознании конкретной моделью-репрезентацией.

Собирательная модель-репрезентация объекта представляет собой то, что Дж. Локк называл «общей идеей»: «... Общая идея треугольника, который должен быть ни прямоугольным, ни равносторонним, ни равнобедренным, ни разносторонним, а каждым из них сразу и ни одним из таковых в отдельности» (цит. по: У. Джеймс, 2003, с. 330).

Однако «общая идея» в данном случае и не идея вовсе, а именно собирательный образ³⁸ воспоминания и представ-

³⁸ Собирательный образ объекта – это не единственный образ, а множество мгновенных образов воспоминания и представления объекта или сходных объ-

ления множества увиденных ранее треугольников, которые и есть то, что называют абстрактным образом треугольника вообще.

Кроме предметов физической реальности, сознание способно чувственно конституировать и гораздо более сложные сущности физической и психической реальности. Например, физические явления³⁹.

Чтобы облегчить читателю понимание того, что такое модель-репрезентация, предлагаю задуматься над тем, как вы мысленно репрезентируете себе своих родных и близких, вообще любых знакомых вам людей. **То в сознании, что репрезентирует вам на чувственном уровне известного вам конкретного человека, и есть ваша модель-репрезентация этого человека.**

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 551) подчеркивает, что большая часть нашего чувственного мира не явлена нам, так как присутствующая его часть заслоняет собой остальное, превращая его в со-присутствующее. Так, комната, где мы находимся, скрывает от нас город. Но мы тем не менее знаем, что эта комната находится в городе, а город – в государстве, а государство – на Земле и т. д. По его словам, также и «другой» человек явлен нам лишь частично. Мы воспринимаем

ектов, часть которых может существовать в сознании даже одновременно.

³⁹ Явление – это: 1) глобальное изменение состояния окружающей реальности или ее крупных блоков, например погоды (закат, дождь, затмение, похолодание, засуха и т. д.); 2) нечто репрезентируемое сознанием при непонимании его природы.

его тело и жесты, но его характер, его «Я», его «другая» человеческая жизнь открыты нам только как реальность истолкованная, как догадка, гипотеза.

Слова автора можно отнести в том числе и к моделям-репрезентациям других людей, которые представляют собой для нас отнюдь не только и даже не столько внешние образы этих людей, но и чувственные репрезентации их поведения, их отношения к нам, наши воспоминания о проведенном совместно с ними времени нашей жизни и т. д. и т. п.

Несмотря на то, что мы всегда воспринимаем лишь какие-то части видимых нами предметов, людей и даже окружающего нас мира, все они остаются для нас целостными сущностями потому, что в нашем сознании имеются их модели-репрезентации. Образы восприятия отдельных частей этих сущностей немедленно актуализируют в нашем сознании соответствующие модели-репрезентации в целом. Поэтому всякий раз, когда мы воспринимаем или вспоминаем какие-то фрагменты предметов или, например, жесты, слова, глаза, имена других людей, эти фрагменты вызывают в нашем сознании соответствующие модели-репрезентации данных сущностей, превращаясь для нас в соответствующие целостные объекты предметного физического мира.

§ 3. Модели-репрезентации как психические инварианты

Классический объективизм на протяжении тысячелетий не позволял поставить под сомнение наличие объективного физического предметного мира. Учение И. Канта заставило исследователей усомниться в наличии предметов в «реальности в себе» и понять, что предметы конституируются человеческим сознанием. Что вне сознания нет предметов, а есть лишь недоступная человеку никак иначе «реальность в себе». Складывается, однако, странная ситуация. Сознание разных людей создает сходную, даже вообще единую, то есть общую, как принято думать, физическую реальность. *Как это происходит?*

Э. Шредингера (2005, с. 93), например, удивляет совпадение глубоко личных и никому другому непосредственно не доступных субъективных миров разных людей. По его словам, многие пытаются устранить это удивление, объясняя совпадение существованием мира физических тел, являющегося причиной восприятия и создающего у каждого примерно одно и то же впечатление. И М. Борн (1973, с. 125) пишет об удивлении и даже шоке, который испытывает мыслящий человек, когда вдруг понимает, что индивидуальное чувственное впечатление чисто субъективно, так как не может никак быть передано никому другому в процессе ком-

муникации.

Наличие дальтоников среди людей с бесспорной очевидностью свидетельствует, например, что субъективные миры могут сильно различаться, хотя это порой и сложно выявить. У конкретного человека могут даже не формироваться индивидуальные репрезентации какой-то значительной части «реальности в себе». Например, вовсе нет больших фрагментов субъективной реальности в мирах людей слепых, глухих или не имеющих обоняния.

Кстати, существует множество данных о влиянии разных факторов на результаты человеческого восприятия, то есть на те самые репрезентации предметов. В своей истории психологии М. Хант (2009, с. 591), например, упоминает об исследованиях Дж. Брунера и Л. Постмана, которые начиная с 1940-х гг. изучали влияние на восприятие психических факторов, в частности потребностей и установок. Они показывали маленьким детям игрушки и простые кубики высотой три дюйма и просили определить их размер. Детям казалось, что игрушки выше кубиков. Еще выше они казались, если дети не могли их получить.

М. Хант (с. 591 и 592) сообщает, что другие исследователи изучали восприятие голодных и сытых испытуемых. Голодным людям съедобные объекты казались большими по размеру, чем сытым. Привычка и ожидание заставили 27 из 28 испытуемых видеть необычные карты как стандартные, однако, как только испытуемые узнавали об особенностях

экспериментальной ситуации, их установка менялась и они совершали гораздо меньше ошибок при опознании карт. М. Хант (с. 592) информирует также об исследованиях, в которых доказывалось, что на восприятие влияют этнические предрассудки и феномен, названный перцептивной защитой – психическое сопротивление тому, чтобы видеть нечто огорчительное. Эффект оказывался наиболее выраженным, когда испытуемыми были женщины, а экспериментатором – мужчина.

Эти и многие другие данные подтверждают тот факт, что **в сознании каждого человека формируются собственные уникальные репрезентации окружающих предметов. И они могут сильно различаться у разных людей.** Могут возразить, что это не подтверждает наличия реальных различий в субъективном восприятии окружающего мира у здоровых людей в одних и тех же условиях. Однако я думаю, что дело тут лишь в отсутствии эффективных инструментов и методик, способных экспериментально продемонстрировать наличие таких субъективных различий.

Как расценивать указания некоторых авторов на наличие инвариантов в физическом мире? М. Борн (1973, с. 151–152), например, пишет, что чувственные ощущения – это признаки или сигналы внешнего мира, посредством которых мы узнаем об объектах с инвариантными свойствами. По мнению автора, набор этих инвариантов является физической реальностью, которую наш разум конструирует под-

сознательно. Стул, например, визуально меняется с каждым поворотом головы, но воспринимается как тот же самый. Наука – это попытка конструировать эти инварианты там, где они неочевидны. Например, если вы, не имея научной квалификации, смотрите в микроскоп, то ничего не видите, кроме пятнышек света и цвета. Лишь умело применяя методы биологической науки, вы сможете понять, что видите ткань с клетками рака или что-то подобное.

Дж. Гибсон (1988, с. 434–436) прямо указывает, что в физической реальности существуют глубинные инварианты, скрывающиеся за изменением оптического строя. Он выделяет четыре вида оптических инвариантов: инварианты изменения освещения; инварианты изменения точки наблюдения; инварианты частичного наложения выборок; инварианты локальных возмущений структуры. Кроме того, автор выделяет инварианты, «существующие также в потоках акустической, механической и, возможно, химической стимуляции».

Представляется заманчивым попытаться вслед за Дж. Гибсоном выделить инварианты в физическом мире. *Но можно ли их там найти?* **Проблема инвариантов в физической реальности теснейшим образом связана с проблемой тождественности физических объектов.**

Первым и очень подробно исследовал возможность тождества физических объектов Д. Юм. Он (1996, с. 299) называет идеей тождества, или одинаковости, отчетливую идею

объекта, существующего неизменно и непрерывно при предполагаемом изменении времени. Д. Юм (с. 305), однако, приходит к выводу, что тождество – это не что-то реальное, а лишь качество, которое мы приписываем собственным восприятиям. Тождество, по его мнению, зависит от одного из трех отношений: сходства, смежности и причинности. А наши представления о личном тождестве целиком порождаются беспрепятственным и непрерывным продвижением мысли вдоль ряда связанных друг с другом идей.

Э. Мах (2005, с. 274) вслед за Д. Юмом полагает, что постоянства, а следовательно, и тождества одного и того же объекта даже самому себе в окружающем мире нет. Мы достигаем этого постоянства, только абстрагируя и недооценивая некоторые условия. Есть только один род постоянства – постоянство связи (или соотношения). Л. Витгенштейн (1994, с. 166; 2008, с. 99) и У. Куайн (2010, с. 104, 115–116) тоже сомневаются в реальном наличии тождества.

У. Куайн (с. 115–116) обсуждает различия в объяснении конкретных сущностей (река Кестр) и сущностей, обозначаемых общими понятиями (*квадратное*). В первом случае, например, при остенсивном⁴⁰ объяснении реки мы указываем на несколько ее гипотетических срезов и каждый раз говорим: «Это – река Кестр». Тождественность указанного объекта все более осознается с каждым следующим случаем.

⁴⁰ Остенсия – способ определения путем прямого указания (например, пальцем).

При остенсивном объяснении понятия *квадратное* мы указываем на различные вещи и каждый раз говорим: «Это – квадратное», но не утверждаем тождественность всех объектов. Таким образом, в первом случае объекты отождествляются, а во втором – нет. Во втором случае тождественным предполагается не объект, а лишь признак квадратности, которым совместно обладают указанные объекты.

Другой пример приводит Г. Рейхенбах (2003, с. 301), который пишет о лодке, ремонтируемой несколько раз так, что в итоге заменяется каждая ее деталь. Тем не менее все совершенно правомерно называют ее той же самой лодкой, хотя она уже иная. То же самое происходит, по мнению автора, с рекой, вода в которой меняется все время. Он полагает, что река, таким образом, генетически тождественна самой себе скорее в функциональном, чем в субстанциальном отношении. У меня возникает вопрос: *что же в лодке и реке тождественного?* По всему выходит, что тождественны не физические сущности, которые соотносятся между собой, а нечто репрезентирующее эти сущности в нашем сознании.

Мне представляется, что кажущееся тождество внешних объектов возникает в результате того, что человеческое сознание с помощью собственных моделей-репрезентаций вводит в физическую реальность, создаваемую им в качестве глобальной чувственной репрезентации «реальности в себе», такие постоянные внешние сущности – предметы. Оно конституирует их чувственно и помещает в этот свой внеш-

ний предметный физический мир. А затем уже их наличие позволяет человеку говорить о тождестве предметов самим себе.

Э. Мах предлагает видеть постоянное, а значит, тождественное «в твердо установленном законе связи элементов, которые сами по себе кажутся весьма преходящими» (2005, с. 275).

Однако и закона связи элементов в самой «реальности в себе» нет... Есть лишь относительное постоянство и условная тождественность самим себе наших психических конструкций, репрезентирующих окружающий мир. В первую очередь тождественность присуща моделям-репрезентациям предметов, их свойств и изменений, а также обозначающим их словам... Но вернемся к вопросу о наличии инвариантов в окружающем мире. Инварианты есть в нем. Дело только в том, что окружающий предметный физический мир выстроен из наших собственных репрезентаций. Следовательно, так называемые физические инварианты – не что иное, как наши психические инварианты.

Давайте разберемся, как в нашем сознании появляется понятие конкретного предмета, если всякий раз тот же самый предмет мы видим совершенно иначе? **Тождественность предмета самому себе задается нам лишь его – предмета – моделью-репрезентацией, которая является психическим инвариантом, репрезентирующим каждому из нас тождественную самой себе в разные**

моменты времени вещь.

В «реальности в себе» нет ничего тождественного, даже тождественного самому себе, потому что все в ней непрерывно изменяется. Иллюзию тождественности и постоянства придают разным элементам «реальности в себе» лишь репрезентирующие их модели-репрезентации и обозначающие их понятия. Само понятие *тождество* обозначает лишь очередную человеческую психическую конструкцию, постулирующую существование постоянных, а потому тождественных себе сущностей, которых в окружающем мире без человеческого сознания нет.

Способность сознания создавать модели-репрезентации, или психические инварианты, репрезентирующие непрерывно меняющиеся элементы «реальности в себе» в качестве постоянных и тождественных самим себе сущностей, позволяет нам не тонуть в многообразии непрерывно изменяющейся «реальности в себе» и эффективно действовать в ней. Впрочем, наши психические инварианты небеспочвенны. Они репрезентируют относительное постоянство многих граней «реальности в себе», которое вполне можно принять за тождественность в течение короткой человеческой жизни. Тем более что часто для признания тождества сущности нам, во-первых, вполне достаточно довольно грубого совпадения ее структуры, а во-вторых, часто достаточно учета даже не структуры, а лишь

выполняемой сущностью функции.

Итак, в «реальности в себе» вне и без человека нет инвариантов. Там, вероятно, есть лишь то, что можно назвать сходством⁴¹. Инварианты же существуют только в человеческом сознании в виде моделей-репрезентаций понятий, репрезентирующих конституированные и сконструированные сознанием сущности. Стараясь приспособиться к реальности, сознание склонно создавать инварианты везде.

§ 4. Модели-репрезентации свойств

Сформировав на основе сходного ощущения, вызываемого разными предметами, новое множество сходных ощущений, сознание постулирует наличие особой сущности – свойства⁴², якобы присущего всем предметам множества. Сознание не только конституирует, но даже гипостазирует такие сущности. В языке свойства, как и предметы, принято обозначать существительными: краснота, белизна, твердость, сладость, крепость и т. д.

⁴¹ Но нам не следует углубляться в проблему «реальности в себе», так как она доступна нам лишь в форме наших же психических репрезентаций.

⁴² «Свойство... – атрибут предмета (объекта). Например, о красном предмете говорится, что он обладает свойством “красноты”» (Свойство: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Свойство>). «Свойство – характеристика, присущая вещам и явлениям, позволяющая отличать или отождествлять их...» (Н. И. Кондаков, 1975, с. 524).

Основная чувственная репрезентация элемента «реальности в себе» – зрительный образ восприятия – превращается для сознания в предмет... Прочие чувственные репрезентации того же предмета – ощущения – превращаются в дополнительные по отношению к этому предмету сущности – его свойства. Введение новой сущности – свойства – позволяет исследователям объяснить наличие наряду с образом восприятия – достаточной для конституирования предмета репрезентации – других столь же реальных и бесспорных, как и она, чувственных репрезентаций того же предмета. **Итак, сознание не репрезентирует предмет и отдельно его свойства. Оно всегда, хотя и по-разному, репрезентирует только предмет.**

Исследователи наделяют предметы известными нам свойствами не только вследствие особенностей «реальности в себе», но и потому, что наши органы чувств способны репрезентировать «реальность в себе» в строго определенных сенсорных модальностях, в строго определенных диапазонах и с разной степенью информативности. Следовательно, в зависимости от особенностей органов восприятия и условий восприятия предмет приобретает «разные» свойства.

Б. Л. Донской (2009, с. 23) упоминает о хорошо известном науке факте, что каждый предмет проявляет новые свойства во взаимодействии с другим предметом. Сколько различных предметов вступит во взаимодействие с данным предметом, столько новых свойств он проявит. В этом, как принято счи-

тать, проявляется неисчерпаемость его свойств.

Думаю, однако, правильное было бы говорить не о бесчисленных дополнительных сущностях – свойствах, якобы присущих предметам, а об изменениях самих этих предметов в процессе взаимодействия друг с другом. Данные изменения порождают в нашем сознании новые репрезентации тех же самых предметов, которые мы интерпретируем как их новые свойства.

Передо мной не стоит задача глубокого анализа свойств и рассмотрения истории их изучения, восходящей к Дж. Локку (1985). Мне представляется, что свойства следует разделять на чувственно конституируемые, или непосредственно воспринимаемые (например, белый, громкий, холодный), и рационально выводимые, или вербально конституируемые и конструируемые (например, конкурентоспособный, неэффективный, электропроводный, рациональный и т. д).

Как мы уже обсудили, человеческое сознание строит то, что принято называть свойствами предмета, из репрезентаций того же самого предмета, то есть используя для этого его же модель-репрезентацию. **Свойства не являются отдельными от предмета физическими сущностями, имеющимися наряду с ним, а представляют собой лишь результаты иного способа репрезентирования все того же предмета.** Говоря метафорически – результаты взглядов на тот же элемент «реальности в себе», но «через другие приборы».

Таким образом, концепт, представляющий определенное свойство, присущее многим предметам, обозначаемый, например, понятием *теплый*, репрезентирует не особую дополнительную сущность, которая характерна для различных теплых предметов. Он репрезентирует то обстоятельство, что сознание формирует особое множество разных предметов на основе вызываемого ими ощущения тепла как нечто существующее и более или менее однородное. Однако данное ощущение не позволяет ему дифференцировать предметы внутри множества.

Умозрительность и некоторая искусственность понятия *свойство* по сравнению с понятием *предмет* очевидна многим исследователям... В. Е. Кемеров (2004, с. 605), например, пишет, что свойство не есть сущее само по себе, если под сущим понимать некоторое наличное бытие, качество, вещь.

Хочу сразу уточнить, что свойства предметов конституируются не только благодаря возникновению в сознании ощущений, репрезентирующих тот же предмет в неосновной чувственной модальности. Сознание, например, конституирует свойства и в основных (зрительной и слуховой) чувственных модальностях: звонкий, глухой, тусклый, яркий и т. д., что согласуется с гипотезой о формировании образа из ощущений одной и той же модальности.

§ 5. Модели-репрезентации движений и изменений

Образ восприятия движущегося⁴³ или изменяющегося предмета представлен в сознании последовательностью непрерывно сменяющих друг друга мгновенных образов, репрезентирующих разные фазы изменения предмета (см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 177–208). В конечном счете в сознании одновременно присутствуют образ восприятия и образ воспоминания предмета. Сами образы воспоминания имеют тенденцию меняться со временем, поэтому в модели-репрезентации движущегося предмета представлены уже не образы его воспоминания, а сложный «сплав» множества мгновенных образов воспоминания и представления воспринятого в прошлом изменяющегося предмета.

В сознании не может быть репрезентации движения самого по себе, то есть движения без репрезентации предмета, так как движения без предмета не бывает, как не бывает свойств без предмета, поэтому **специфическое движение или изменение представлено в сознании моделью-репрезентацией самого предмета, движущегося или из-**

⁴³ «Движение – в широком смысле – всякое изменение, в узком – изменение положения тела в пространстве» (А. А. Ивин, 2004, с. 320). «...Объективное или физическое движение – это изменение положения тела в пространстве относительно некоторой системы отсчета, принимаемой за неподвижную, например относительно поверхности Земли или стен комнаты» (В. В. Любимов, 2007, с. 256).

меняющегося особым образом.

Обсуждая модель-репрезентацию движущегося предмета, следует сразу говорить о модели-репрезентации целой системы, включающей в себя предмет и окружающие его объекты, в которой движение предмета превращается во внутреннее изменение самой системы. Таким образом, **движение предмета репрезентируется моделью-репрезентацией изменяющейся системы, представляющей собой супер-объект, в которую в качестве одного из объектов входит предмет.**

Типичное изменение предмета репрезентируется моделью-репрезентацией предмета, находящегося в процессе последовательных стадий своих строго определенных и стереотипно повторяющихся изменений (трансформаций). Например, если в модель-репрезентацию лошади (вообще) входит множество визуальных образов воспоминания и представления разных лошадей, которые стоят, идут, лежат, бегут и т. д., то в репрезентацию конкретного движения лошади, обозначаемого понятием *бежит*, включен только собирательный образ воспоминания и представления данного движения лошадей. При этом репрезентация бега лошади является фрагментом модели-репрезентации лошади вообще, которая бежит.

Итак, репрезентация движения предмета – это лишь особый фрагмент модели-репрезентации самого этого предмета, строго определенным образом меняющегося во време-

ни. Соответственно, чувственными значениями таких понятий, как *ходьба*, *бег*, *еда* и т. д., являются множества сходным образом изменяющихся (трансформирующихся) моделей-репрезентаций разных объектов – людей, лошадей, собак и т. д.

Впрочем, понятие, обозначающее особый вид движения, часто формируется в результате наблюдения за движением одного-единственного предмета. Чувственным концептом специфического движения в этом случае становится модель-репрезентация, представляющая в сознании изменяющийся особым образом конкретный объект. В последующем в процессе своего развития этот концепт включает в себя части моделей-репрезентаций других предметов, изменяющихся сходным образом.

Связывание визуального образа восприятия (и модели-репрезентации) изменяющегося объекта, например летящей птицы, со слуховым образом соответствующего слова «летит» приводит к формированию понятия *летит*. Аналогичным образом возникает связь с тем же понятием (*летит*) фрагментов моделей-репрезентаций, представляющих в сознании специфические изменения других конкретных объектов (воздушный шар, самолет, парашютист и т. д.). В итоге формируется смешанный концепт, иллюстрируемый собирательной моделью-репрезентацией предметов, совершающих специфическое действие – перемещения в воздухе, ассоциированный с понятием *летит*.

Человек постоянно сам совершает действия с предметами, поэтому к его репрезентациям, формирующимся в процессе наблюдений за движениями предметов, добавляются чувственные репрезентации изменений состояния его собственного тела, возникающих в процессе выполнения им движений. Эти репрезентации включают в себя, например, то, что Дж. Брунер (1981, с. 88) называет «привычной структурой усвоенного действия» и «организованной последовательностью действий, управляемых некоторой схемой».

Типовые сенсорные конструкции, включающие в себя зрительные образы и множество interoцептивных ощущений, репрезентируют человеку его тело и в состоянии покоя, и в процессе разнообразных привычных движений. Такие сформированные уже психические конструкции участвуют у взрослого человека в регуляции всех движений и действий, особенно привычных. Их трудно вербализовать, то есть выразить словами, но они вполне узнаваемы для нас сенсорно. Печатаю, например, текст на компьютере, я периодически ловлю себя на том, что моя рука непроизвольно движется по клавиатуре к клавише с изображением очередной буквы печатаемого мною слова, слуховой образ которой возник уже в моем сознании, хотя я не всегда могу при этом произвольно безошибочно вспомнить, где именно на клавиатуре находится данная буква.

Следовательно, мое тело как бы «знает», а точнее, оно рефлекторно реагирует привычным уже для него способом

действия на возникающий в моем сознании знакомый мысленный образ буквы. Здесь нет никакой «бессознательной памяти», а есть лишь усвоенная моим телом психомоторная реакция. Есть типовой двигательный рефлекторный ответ на появление в сознании специфического образа представления или воспоминания.

Но вернемся к репрезентациям движений. Следует еще раз констатировать, что **свойства и действия предметов репрезентируются не новыми самостоятельными формами моделей-репрезентаций, а моделями-репрезентациями самих предметов.** Особенности моделей-репрезентаций предметов позволяют нам разделять единую репрезентируемую сознанием сущность на собственно предмет, его свойства и его действия.

Тезисы для обсуждения

1. Накопление в памяти человека образов воспоминания и представления одного и того же элемента «реальности в себе» приводит к формированию чувственной психической конструкции – модели-репрезентации новой сущности – предмета. Модель-репрезентация обеспечивает присутствие в сознании человека знакомого ему предмета в качестве единой и самостоятельной сущности даже вне ситуации актуального восприятия элемента «реальности в себе», репрезентируемого ею в качестве предмета.

2. Модель-репрезентация предмета возникает как результат синтеза нередко разномодальных, то есть радикально различающихся между собой сенсорных репрезентаций одного и того же элемента «реальности в себе», которые сознание объединяет в единую сущность.

3. Модель-репрезентацию предмета можно рассматривать как сенсорную психическую репрезентацию следующего уровня сложности по сравнению с образами воспоминания и представления, как особую форму самостоятельных сложных психических феноменов.

4. С началом формирования моделей-репрезентаций предметов, выступающих в роли психических инвариантов, в сознании ребенка на чувственном уровне начинается дифференциация окружающего мира, его дробление на отдельные сущности, что облегчает ребенку его понимание. Сознание создает тем самым для себя и в себе завершенную и устойчивую глобальную чувственную репрезентацию окружающего предметного физического мира.

5. Сформированная модель-репрезентация предмета способна к самостоятельному, относительно независимому от периодически возникающих образов восприятия данного предмета присутствию в сознании человека.

6. Модель-репрезентация не является чем-то раз и навсегда данным, неизменным и статичным. Она видоизменяется в течение жизни в результате повторного взаимодействия человека с репрезентируемым ею элементом «реальности в

себе» и проходит разные этапы своего развития.

7. Модель-репрезентация, как и большинство психических конструкций, разворачивается в сознании во времени, поэтому она не существует в сознании сразу и в целом в силу ограниченности его объема. Проявляясь в сознании в каждое следующее мгновение какой-то своей новой частью, она как бы «течет». Любая ее часть, существующая в данный момент в сознании, в том числе образ обозначающего предмет слова, представляет ее в целом и выполняет ее функции, например, полноценно репрезентирует определенный предмет.

8. Тождественны самим себе в разные периоды времени не элементы внешнего мира, то есть якобы объективно существующие вне человека предметы, а модели-репрезентации этих предметов и понятия, представляющие их в сознании. Инварианты присутствуют не в «реальности в себе», а в человеческом сознании, представляя собой психические конструкции, репрезентирующие сущности «реальности в себе». Они создают в физическом мире иллюзию тождественности и постоянства.

9. Модель-репрезентация предмета субъективно обеспечивает тождество предмета, даже если его перцептивный образ сильно меняется со временем, но лишь до тех пор, пока трансформации предмета укладываются в изменения, допустимые в рамках существующей модели-репрезентации предмета.

10. Модель-репрезентация знакомого человеку предмета участвует в его восприятии. Модель-репрезентация актуализируется в сознании любыми сходными с ее фрагментами перцептивными впечатлениями, вызванными соответствующими элементами «реальности в себе».

11. Модели-репрезентации знакомых предметов занимают четко определенное место в глобальной модели-репрезентации реальности – чувственной картине мира. Это позволяет нам обнаруживать, например, в воспринимаемом сейчас окружающем мире «пустые места», которые раньше занимали известные нам, но отсутствующие сейчас предметы.

Глава 1.2

Символический (вербальный) уровень репрезентирования реальности

1.2.1. Понятия и концепты

§ 1. Понятие и концепт в смежных с психологией науках

Нельзя не признать, что в смежных с психологией науках, в частности в философии и лингвистике, пожалуй, больше достижений в области разработки проблемы понятий и концептов, чем у психологов. В них, однако, нет столь отчетливого разделения между понятиями и концептами, которое можно проследить в психологии⁴⁴. Философ С. С. Неретина (2010, с. 306–307) пишет, что термин «концепт» введен в философию П. Абеляром (1079–1142) в связи с анализом проблемы универсалий. Лингвист В. З. Демьянков (2007, с. 606), обозревая практику использования в разных культурах слов «понятие» и «концепт», высказывает мнение, что это

⁴⁴ Я имею в виду отечественную психологию.

синонимы, так как русское «понятие» соответствует латинскому «conceptus».

Автор сообщает (с. 613), что термину «concept» в англо-русских словарях соответствует значение «понятие, идея, общее представление, концепция». В философских исследованиях старых авторов: Дж. Беркли, Д. Юма или Дж. Локка – используется слово «conception», но отсутствует «concept». У Т. Гоббса слово «concept» В. З. Демьянков встретил один раз в значении «категория» в контексте «принадлежать к категории». Через пару столетий в одной из своих главных работ Г. Спенсер уже неоднократно употребляет термин «concept» в значении «понятие». У. Джеймс использует «concept» в значении «строительный материал концепции». Позже Э. Сепир предлагает классификацию понятий (concepts), поддающихся выражению с помощью языка. Для него концепт – «капсула мысли», в конденсированном виде содержащая (или даже генерирующая) все возможные эпизоды жизни (переживания, опыт).

По словам В. З. Демьянкова (там же), со второй трети XX в. с приходом философии обыденного языка английский термин «concept» становится все труднее перевести немецким словом «begriff» и русским словом «понятие». Сегодня этот термин встречается в научной и художественной литературе чаще, чем в первой половине XX в. Особенно часто – в научно-фантастической литературе для характеристики «ускользающего общего представления» (там же).

В современной англоязычной научной литературе термин «concept» особенно часто встречается у когнитивистов, у разработчиков систем искусственного интеллекта, у психологов, семиотиков и т. д. В одном из его значений исследователи, употребляющие этот термин, стремятся подчеркнуть нестандартность и неокончателность решения вопросов, казавшихся решенными. Другое его значение возникло в начале 1970-х гг. в связи с теорией семантических сетей, узлы в которых называют концептами.

И. П. Сусов и А. А. Сусов (2003, с. 3–10) отмечают, что в философских, логических и грамматических трудах европейских мыслителей, писавших на латинском языке, начиная с античности и вплоть до окончания Средневековья основным термином для обозначения мыслительной сущности было слово «conceptus». Авторы тоже подтверждают, что в англоязычных исследованиях господствует термин «concept» в значении «понятие, идея, общее представление; концепция». Наряду с ним используется термин «notion» в значении «понятие, представление; взгляд, мнение; идея, общее понятие, принцип, класс, категория». Во франкоязычных работах тоже чаще встречается термин «concept» («понятие, замысел»), хотя употребляется и слово «notion» («познание, понятие»). По мнению авторов, при переводе на русский язык латинского слова «conceptus», английского и французского слов «concept» можно пользоваться в качестве равнозначных эквивалентов как словом «поня-

тие», так и словом «концепт».

Согласно И. П. Сусову и А. А. Сусову (там же), концепты у У. Л. Чейфа, Р. Шенка, М. Бирвиша, Т. А. ван Дейка и У. Кинча, Г. Скрэгга и других – это не что иное, как понятия. Авторы приводят удачное, как мне кажется, определение концепта (понятия) из электронного словаря под редакцией Л. Флориди: «Концепты – то, вместо чего стоят, что обозначают или значат слова, в особенности когда значения предполагаются локализованными скорее в наших головах, чем в мире. Синонимичные слова представляют один и тот же концепт» (с. 10).

В. З. Демьянков (2007, с. 614) утверждает, что в классической русской философии (в работах В... Соловьева, Н... Бердяева, К... Леонтьева, С. Булгакова, Н. Федорова, П. Флоренского, Г. Флоровского, В. Розанова, Л. Шестова, В. Вернадского, А. Ф. Лосева и многих других) термин «концепт» просто не употребляется. Он весьма редко использовался в советской психологической и философской литературе. Например, в работе А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» В. З. Демьянков (там же) встретил этот термин лишь один раз. Он полагает, что «концепт» и «понятие» долгое время рассматривались как синонимы, а многие исследователи считают так и сегодня. Вместе с тем в одних языковых конструкциях предпочтительнее использовать первый термин, а в других – второй.

С. С. Неретина (2010, с. 306–307) тоже отмечает, что в

большинстве философских словарей и энциклопедий концепт отождествляется с понятием.

По словам В. З. Демьянкова (2007, с. 614), в русской художественной и научной литературе часто встречается прилагательное «концептуальный», но исключительно редко – существительное «концепт».

Надо, однако, признать, что в последние десятилетия ситуация радикально изменилась, на что указывает и сам В. З. Демьянков (там же), и слово «концепт» стало широко употребляться в российской научной литературе. Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010, с. 160), например, полагают, что термин «концепт» является сейчас одним из самых востребованных в современной когнитивной науке и лингвокультурологии.

Прежде чем вернуться к обсуждению того, что понимают под концептами в лингвистике, хочу сразу оговориться, что лингвистический подход имеет для нас относительную ценность, так как не опирается на психическую феноменологию. Однако некоторые предлагаемые там идеи могут быть интересны психологам.

Д. С. Лихачев (1993, с. 318) связывает первый опыт использования термина «концепт» в отечественной научной литературе с именем А. С. Аскольдова-Алексеева, который в своей работе «Концепт и слово», написанной еще в 1928 г., отождествляет общие понятия, или универсалии, и концепты. Автор цитирует А. С. Аскольдова-Алексеева: «Концепт

есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (там же).

Сам Д. С. Лихачев (1993, с. 318–320), демонстрируя глубокое понимание проблемы концептов, во многом утерянное в последующих работах других авторов, предлагает считать концепт своего рода «алгебраическим выражением» значения слова, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи. Концепт, по его мнению, не только подменяет собой значение слова, он в известной мере расширяет его, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова.

Итак, по Д. С. Лихачеву, концепт – это значение слова, которым мы оперируем, то есть некая мысленная структура. Д. С. Лихачев (с. 322) указывает, что своими концептами обладают не только отдельные слова, но и целые фразеологизмы. Например «валаамова ослица», «тьма египетская», «демянова уха», «преданья старины глубокой», «дистанция огромного размера» и т. д. Следовательно, концепты, по мнению автора, – это значения не только отдельных слов, но и устойчивых языковых конструкций – фразеологизмов.

Удачное определение термина «концепт» предлагает В. Л. Абушенко (2010, с. 331), который в «Новейшем философском словаре» определяет его как содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. Автор отмечает, что Р. Карнап поместил концепт между языковыми выра-

жениями и соответствующими им денотатами (предметами).
Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 99) замечает, что в логике существует почти столько же определений понятия, сколько и самих логиков. Он пишет: «Эти духовные содержания мы обозначим здесь уже термином *понятие* (begriff), причем в самом широком смысле, как, например, у Й. Линдворски: понятие = сумма обстоятельств, или у Н. Аха: в первом приближении понятие = значение слова, или у А. Drews, утверждавшего: “С этой точки зрения понятие на самом деле есть не что иное, как содержание значения слова или знака”» (с. 57).

Сложности понимания и различения концептов и понятий усугубляются тем, что в разных языках не только используются разные термины и в разном количестве, но в них вкладывается еще и не вполне совпадающее значение. Анна Вежбицкая (цит. по: Р. М. Фрумкина, 1992, с. 34) определяет концепт как «объект из мира “идеальное”», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире. Н. Ю. Шведова (2005, с. 603) полагает, что концепт – это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие (то есть идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реальных и явлений, а также отношения между ними), выработанное и закрепленное общественным опытом народа.

Ю. С. Степанов (2004, с. 44) вслед за Г. Фреге и А. Черчем связывает концепт с содержанием понятия. Он интуитивно

нащупывает разницу между понятиями и концептами, связывая первые с вербальными элементами сознания, «которые мыслятся», а вторые – с чувственными элементами, «которые переживаются». Ю. С. Степанов (с. 42) отмечает, что концепт – это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в его ментальный мир. С другой стороны, обычный человек, не «творец культурных-ценностей», сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее посредством концепта.

З. Д. Попова и И. Л. Стернин (2007б, с. 52) понимают концепт как дискретное ментальное образование, базовую единицу мыслительного кода человека, обладающую относительно упорядоченной внутренней структурой и представляющую собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества. Они полагают, что концепт несет комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету... Эта комплексная мыслительная единица в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя разные свои признаки и слои.

Обозревая научные публикации по проблеме концептов в лингвистике, З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 34) де-

лают вывод, что чаще всего концепт определяется как дискретная, объемная в смысловом отношении единица мышления или памяти, отражающая культуру народа. Объединяя разные встречающиеся в литературе подходы к пониманию концепта, Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010, с. 165) тоже делают вывод, что концепт – это отмеченная этнокультурной спецификой единица коллективного знания, имеющая языковое выражение. Авторы полагают, что: 1) концепт имеет ценностный компонент – формирует только тот феномен, о котором носители культуры могут сказать: «это хорошо, плохо, интересно, утомительно и т. д.»; 2) концепт представляет собой сложное многомерное образование, в котором можно выделить ядро и периферию; 3) концепт нельзя приравнивать к слову, поскольку один и тот же концепт может иметь несколько имен, а одно и то же имя – актуализировать несколько концептов; 4) концептуализация разных фрагментов действительности происходит неравномерно и зависит от их важности для жизни этноса.

В то же время Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (с. 155) рассматривают понятие и концепт как независимые друг от друга и как бы параллельные сущности. Концепты они считают более «архаическими» когнитивными образованиями, а понятия рассматривают как относительно недавнее изобретение человеческого мышления и культуры. Если концепты – это ментальные конгломераты, в которых переплетены элементы чувственного и когнитивного опыта, то понятия – ре-

зультаты абстрактно-логической категоризации. По мнению авторов (с. 169), в понятиях имеет место прямое однозначное соотношение между означающим и означаемым, тогда как аналогичное соотношение в структуре концепта имеет более сложное строение.

Не вполне понятно, что пытаются сказать авторы. Вообще, следует заметить, что в результате изучения существующих сегодня в научной непсихологической литературе многочисленных описаний концептов складывается очень пестрая картина. **Представления исследователей о сущности концептов сильно различаются, а предлагаемые ими определения разнообразны и весьма аморфны**, а часто еще и плохо вербализованы (см., например: С. Г. Воркачев, 2005, с. 76–83 или В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, 2007, с. 12–13). **Исследователи используют и обсуждают главным образом термин «концепт», тогда как понятие чаще или отождествляется с концептом, или определяется неоднозначно.** Тем не менее нельзя не отметить появление большого числа работ, посвященных проблеме концептов.

В заключение я хочу выделить варианты подходов к определению концептов и понятий, некоторые из которых будут важны для нашего дальнейшего рассмотрения.

Концепт – это:

- мысленное образование, которое замещает нам в про-

цессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода (А. С. Аскольдов, 1997, с. 269);

- содержание понятия (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 279);

- объект из мира «идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире (Анна Вежбицкая, цит. по: Р. М. Фрумкина, 1992, с. 34);

- то, что нельзя приравнивать к слову, поскольку один и тот же концепт может иметь несколько имен, а одно и то же имя – актуализировать несколько концептов (Е. Я. Режабек, А. А. Филатова, 2010, с. 165);

- сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в его ментальный мир (Ю. С. Степанов, 2004, с. 42);

- дискретное ментальное образование, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении (З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2007, с. 34);

- квант структурированного знания (З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2007, с. 31);

- единица коллективного знания/сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой (С. Г. Воркачев, 2005, с. 70);

- «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово (Ю. С. Степанов, 2004, с. 42); то, что подменяет собой значение слова (Д. С. Лихачев, 1993, с. 319); явление того же порядка, что и значение слова (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 384); содержательная сторона словесного знака (Н. Ю. Шведова, 2005, с. 603); совокупность всех знаний, которые актуализируются в сознании носителя языка при восприятии им некоторого слова – имени концепта (слова-концепта) (А... А... Павлова, 2004, с. 47); то, что обозначают слова (цит. по: Й. Л. Вайсгербер, 2004, с. 10); значение слова (цит. по: Й. Л. Вайсгербер, 2004, с. 99).

Понятие – это:

- то, что выражается в форме слова или совокупности слов (Г. Г. Шпет, 2010, с. 42);
- то, что тесно связано со словом (с. 67).

В этой выборке при очевидном многообразии подходов и отсутствии общепринятых и четких определений данных сущностей я хотел бы обратить внимание на связь понятия со словом, а концепта – со значением слова.

§ 2. Понятие и концепт в отечественной и зарубежной психологии

В XX в. в психологии сложилась более чем странная ситуация. Психология забыла почти на век про один из важнейших своих разделов, касающийся высших форм психических явлений – понятий и вербальных конструкций. Им занимались другие науки – лингвистика, языкознание, семиотика, логика, философия и т. д. В результате в психологии этот раздел и сейчас не представлен в целостном и разработанном виде, как представлены там, например, чувственные репрезентации. Есть лишь множество отдельных работ, подходов и взглядов, знакомство с которыми не формирует единого понимания того, что же собой представляют понятия и вербальные конструкции и какова их роль в психической жизни человека. В смежных науках, впрочем, тоже нет целостного понимания этой области. У семи нянек дитя без глазу. Несмотря на то что понятиями занимаются самые разные науки, как сказал, например, Э. Геллнер, «мы знаем, как употреблять понятие, но не знаем, как объяснять его...» (1962, с. 128).

В психологии нет даже единого определения понятия. Но прежде, чем определять его, необходимо отметить, что в **отечественной психологии используются два термина – «понятие» и «концепт», тогда как в зарубежной**

психологии лишь один термин – «концепт». Соответственно, – наши переводчики, переводя зарубежные работы, вместо западного слова «concept» чаще используют русский термин «понятие». В работах отечественных исследователей понятия и концепты часто разделяются, однако четких различий между ними я так и не нашел. Из этого, впрочем, отнюдь не следует, что подобное разделение безосновательно. Напротив, думаю, что некоторые отечественные исследователи интуитивно чувствуют разницу между понятием и концептом и пытаются их дифференцировать, хотя и не сформулировали пока вербально, в чем именно заключается разница между ними.

Что же пишут по поводу различий между «понятиями» и «концептами» в научной литературе. В Большой психологической энциклопедии А. Б. Альмуханова, Е. С. Гладкова, Е. В. Есина и др. предлагают, например, такие определения: концепт – это содержание некоего понятия (2007, с. 189), а понятие – это форма логического мышления (с. 342).

С. Л. Рубинштейн (1998, с. 311) указывает, что понятие – это опосредствованное и обобщенное знание о предмете. Формой существования понятия является слово. Б. Г. Мещеряков (2006, с. 226) пишет, что понятие (concept, notion) – форма мышления и знания, отражающая предметы в их существенных признаках; базисная единица социально культивируемой системы человеческого знания. И. М. Кондаков (2007, с. 435) полагает, что понятие – это символическое

отображение существенных свойств предметов. О. К. Тихомиров отмечает, что понятие – одна из логических форм мышления, высший уровень обобщения, характерный для мышления словесно-логического (2005, с. 169).

Я старался выбрать разные определения, хотя чаще всего в психологической литературе они повторяются, что, естественно, не сильно проясняет вопрос о том, что же такое понятия и концепты и чем они отличаются друг от друга.

В современной зарубежной психологии концепт тоже определяют по-разному. А. Ребер (2000а), например, предлагает два определения: «1. Комплекс объектов, имеющих некоторые общие свойства или характеристики. 2. Внутреннее, психологическое представление общих свойств... Строго говоря, термин должен употребляться только в последнем значении, так как именно мысленное представление является понятием⁴⁵ (ссылка моя. – Авт.) и мысленное представление в конечном счете ответственно за поведение в отношении к внешнему миру. Конечно, в мире существуют вещи, которые являются стульями, но понятие стула “находится в голове”, а не во внешнем мире. Однако можно сказать о первом значении, что для того, чтобы понятие “оказалось в голове”, должен иметься комплекс объектов, наделенных свойствами, которые в конечном счете представлены когни-

⁴⁵ Когда я цитирую англоязычных исследователей, то привожу цитаты из русских переводов их работ, где обычно обсуждаются понятия, хотя в самих первоисточниках речь идет о концептах.

тивно» (с. 81–82).

Д. Кун (2007, с. 358) считает концепт генерализованной идеей, представляющей класс связанных объектов или событий. А Д. Майерс (2001, с. 828) называет его мысленной группировкой сходных объектов, событий или людей. Р. Л. Солсо (1996, с. 424) рассматривает концепт как совокупность определенных существенных признаков и правил, связывающих эти признаки. Признаки автор трактует как характеристики некоторого объекта или события, относящиеся также к другим объектам или событиям. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001, с. 1094) определяют концепт как класс или категорию, объединяющую ряд частных примеров. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (Введение в психологию, 2003, с. 374–375) считают, что концепт является представителем некоторого класса. Но тут же добавляют, что концепт – это определенная совокупность признаков, которые мы ассоциируем с этим классом... Например, концепт «кот» включает, помимо прочих признаков, обладание четырьмя лапами и усами.

Обращает на себя внимание то, что **отечественные исследователи пытаются связать понятие со словом и словесно-логическим мышлением. Зарубежные исследователи, не делая различия между концептом и понятием, чаще всего либо отождествляют концепт с классом определенных объектов или событий, либо связывают его с совокупностью признаков, характе-**

ризующих определенную группу или класс.

С. Л. Рубинштейн (1998, с. 313) отмечает, что уже в ассоциативной психологии понятие рассматривалось как совокупность определенных существенных признаков. Мне представляется, что связывание понятий с признаками предметов восходит, по-видимому, вообще к классической логике. По крайней мере, Г. Риккерт (1997, с. 144) пишет, что понятие известно традиционной логике в качестве комплекса признаков. Связывают понятия с признаками объектов и классики экспериментальной психологии: К. Халл (С. Hull, 1920), Н. Ах, Л. С. Выготский и Л. С. Сахаров (1981, с. 194–198), Дж. Брунер (1977, с. 184–206) и другие исследователи, изучавшие формирование понятий (см. раздел 1.4.5).

Неудивительно поэтому, что в некоторых школах когнитивной психологии, как пишет И. М. Кондаков (2007, с. 435), понятие рассматривают не как мысленный образ или идею, а как совокупность определенных существенных признаков и правил, которые связывают эти признаки... Постулируется, что при обработке информации признаки объектов или событий сортируются по определенным классам на основе применения того или иного концептуального правила.

Чаще всего именно так и рассматривают понятия большинство зарубежных, а теперь уже и многие отечественные психологи. То, что зарубежные психологи не делают различий между понятиями и концептами, весьма затрудняет использование их определений. Тем не менее наиболее адек-

ватное, на мой взгляд, определение дает Х. Гейвин (2003, с. 136), которая связывает понятие = концепт с психическими репрезентациями. Она полагает, что концепт – «это репрезентации, включающие важные свойства класса объектов или идей (экземпляров)» (там же). Это репрезентации элементов, основанные на их группировке по признаку общих свойств. В качестве примера понятия она приводит квадрат, определяемый ею как фигура с четырьмя равными сторонами и четырьмя прямыми углами.

Удачную теорию понятий, получившую широкое признание, предлагает Л. Барсалу (2011, с. 135). В его теории понятие эквивалентно модели-имитатору: модель может содержать неограниченное количество репрезентаций объекта... Каждая репрезентация несет в себе его понятийное описание. Например, категориальная модель стула может соединять в себе много различных моделей стульев в множестве разных ситуаций.

Г. Мерфи и Д. Медин (2011, с. 354) описывают некоторые современные теории, исследующие образование и структуру понятий. Одна из них рассматривает понятия как примеры, организованные вокруг центрального прототипа. Другая теория (а фактически ряд их) рассматривает понятия как наборы (коллекции) признаков определенного вида. Авторы (с. 355) полагают, что понятие следует описывать либо как теоретическое знание, либо как часть знания, несущего в себе определенное теоретическое представление о мире.

Можно и дальше приводить определения концепта и понятия, но это не очень приблизит нас к пониманию их сути. Остается лишь заключить, что **внятное и общепринятое определение концепта и понятия в психологической литературе отсутствует**. Подводя итог рассмотрению попыток определения терминов «понятие» и «концепт» в психологии, я опять хочу выделить следующие важные, как мне представляется, для понимания сути этих феноменов идеи исследователей.

Понятие – это:

- форма логического мышления, высший уровень обобщения, характерный для словесно-логического мышления (О. К. Тихомиров, 2005, с. 169);
- обобщенное знание о предмете, формой существования которого является слово (С. Л. Рубинштейн, 1998, с. 311).

Концепт – это:

- содержание некоего понятия (А. Б. Альмуханова, Е. С. Гладкова, Е. В. Есина и др., Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 189);
- репрезентации элементов, основанные на их группировке по признаку общих свойств (Д. Дж. Майерс, 2001, с. 135);
- нечто эквивалентное модели-имитатору, которая может

содержать неограниченное количество репрезентаций объекта (Л. Барсалу, 2011, с. 135);

- теоретическое знание, несущее в себе определенное представление о мире (Г. Мерфи и Д. Медин, 2011, с. 355), нечто внутренне связанное с теориями мироустройства (Г. Мерфи и Д... Медин, 2011, с... 355).

В приведенных мною определениях понятия вновь подчеркивается его связь со словом, а в определениях концепта – то, что он является и репрезентацией (или репрезентациями), и содержанием какого-либо понятия.

§ 3. Предлагаемые определения понятия и концепта

Итак, еще раз повторю, что ни в психологии, ни в смежных науках, во-первых, нет ясных и общепринятых определений терминов «концепт» и «понятие», а во-вторых, нет единства в отношении необходимости использования обоих этих понятий.

Однако из имеющихся в литературе определений термина «концепт» нетрудно отобрать те, которые можно принять, немного видоизменив и дополнив. Думаю, что у многих исследователей не вызовет отторжения такое определение: концепт – это дискретное ментальное образование, об-

ладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, отмеченное этнокультурной спецификой и несущее комплексную информацию об обозначаемой определенным словом сущности, например предмете или явлении. Но главное, концепт – это содержание определенного понятия и значение соответствующего слова.

Дать столь же четкое определение термина «понятие», исходя из имеющихся в литературе представлений, не представляется возможным. Можно лишь зафиксировать связь понятия с мышлением и тот факт, что оно выражается в форме слова или языковой конструкции. Что, впрочем, уже немало. Мне представляется, что наиболее удачное определение термина «понятие» дал около 100 лет назад Г. Г. Шпет: «...понятием мы можем назвать все то, что выражается в форме слова или совокупности слов» (2010, с. 42). «... Понятия ...выражаются обыкновенно в форме слов. Понятие так тесно связано со словом, что, собственно, в психологии даже часто утверждали, что невозможно мыслить без слов и совершенно невозможно себе представить такую науку, которая не выражалась бы в словах. Понятие так тесно связано со словом, что мы сплошь да рядом именно слова и анализируем» (с. 67).

Указание Г. Г. Шпета и некоторых других исследователей на связь термина «понятие» с конкретным словом, а не только с неким психическим содержанием, кажется мне принципиальным. Ранее (см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 394–398)

я отождествил понятие с вербальным образом, то есть только со слуховым или зрительным образом известного человеку слова, значением которого является соответствующий данному понятию концепт. Это было обусловлено тем, что именно вербальные образы играют в человеческом мышлении важнейшую роль, и я хотел выделить и подчеркнуть ее.

Сейчас, однако, я полагаю, что с точки зрения преемственности научной терминологии не совсем правильно столь резко и жестко ограничивать значение термина «понятие» лишь образом слова. К тому же большинство исследователей склонны объединять понятие и концепт, поэтому они вряд ли будут готовы принять такое ограниченное определение понятия. В то же время совершенно необходимо выделить среди психических феноменов образ слова, так как он действительно играет определяющую роль в формировании и существовании того психического феномена, который обсуждают в научной литературе в качестве понятия и/или концепта. При этом образ слова, обладающего известным нам значением, не только не имеет в психологии специального названия, но и никак не отличается от образа слова, не обладающего известным нам значением. Более того, роль образа слова, или вербального образа, в мышлении вообще обсуждается совершенно недостаточно.

Учитывая все это, я **предлагаю обозначать термином «полное понятие», или просто «понятие», психическую конструкцию, образованную ассоциирован-**

ным с образом определенного слова концептом, репрезентирующим некую сущность, обозначаемую данным словом. Термином «редуцированное понятие» – образ слова, который замещает собой в мышлении это полное понятие. Образ слова до своей ассоциации с концептом не идентичен образу слова после такой ассоциации, так как его значением после этого вместо модели-репрезентации слова становится модель-репрезентация обозначаемого словом предмета. В результате образ слова приобретает способность замещать в сознании человека концепт, репрезентирующий обозначаемый словом предмет.

Ранее данное мною (2011, с. 394–398) определение концепта я не вижу необходимости менять. **Концепт – это, во-первых, значение известного человеку слова, а следовательно, и соответствующего вербального образа, то есть редуцированного понятия. Каждое знакомое слово актуализирует в сознании человека уникальный концепт. Во-вторых, концепт – это устойчивая психическая конструкция, то есть особый сложный психический феномен. В-третьих, концепт – это репрезентация некой сущности, реальной или даже вымышленной.**

Объединяя все это, можно сказать, что концепт – устойчивая психическая конструкция, или особая форма сложных психических феноменов, репрезентирующая некую сущность реальности, которая обозначается в языке определен-

ным словом. Для краткости **полное понятие я буду далее обозначать просто термином «понятие»**, тогда как **образ известного человеку слова буду называть редуцированным понятием**.

Таким образом, хочу еще раз повторить, что образ слова после своей ассоциации с соответствующим концептом, то есть после своего превращения в редуцированное понятие, не идентичен образу того же слова до такой ассоциации. Дело в том, что его ассоциация с концептом меняет его значение. Значением его становится концепт, репрезентирующий предмет, обозначаемый данным словом.

Концепт не следует путать с определением понятия. Определение понятия – это специально созданная исследователями языковая конструкция, которая вербально моделирует концепт, причем любой, в том числе чувственный, например модель-репрезентацию предмета. Следовательно, определение понятия можно назвать вербальной моделью концепта данного понятия, которая специально создается исследователями.

Завершая обсуждение вопросов терминологии, повторю, что я **предлагаю ввести вместо используемого в англоязычной литературе слова «концепт» три новых термина с более четкими значениями. «Понятие»** – соответствующее старому понятию и/или концепту, **«концепт»** и **«редуцированное понятие»**. Перейдем к детальному рассмотрению данных сущностей.

§ 4. Функции понятий и концептов

Хелен Гейвин (2003, с. 136–137) выделяет следующие функции концептов: классификацию (относится ли данный экземпляр к понятию, его подмножеству и т. д.); понимание (позволяет разбить информацию на значимые элементы и использовать имеющиеся знания); предсказание (использование знаний для прогнозирования последующих событий); рассуждение (использование информации для обеспечения логического вывода); общение (совместное использование понятий позволяет людям косвенно передавать впечатления). Так, например, по словам автора, встретив незнакомое существо, благодаря определенным признакам мы будем знать, что это птица (классификация), которая может летать (понимание); что, испугавшись нашего резкого движения, она может улететь (предсказание); что мы сможем рассказать о ней другим людям (общение).

Д. Майерс (2001, с. 432) отмечает, что концепты упрощают и упорядочивают мир, организуя его в иерархии категорий. И это действительно так.

Полагаю, что по поводу понятий (в том числе редуцированных) необходимо добавить следующее:

- **понятия являются психическими феноменами и создаются сознанием для репрезентирования реаль-**

ности;

- понятия репрезентируют конституированные и сконструированные сознанием доступные и даже недоступные восприятию сущности окружающего мира и самого сознания;

- понятия являются инструментами сугубо человеческого мышления, обеспечивая новый уровень его функционирования;

- понятия обеспечивают коммуникацию людей, актуализируя сходное чувственное психическое содержание (сходные концепты) в сознании участников коммуникации;

- понятия обеспечивают унификацию концептов, имеющих в сознании разных людей, а также унификацию субъективных глобальных моделей-репрезентаций реальности у разных людей;

- понятия обеспечивают негенетическое наследование преимущественно вербальной, а потому «объективной» картины мира.

§ 5. Роль редуцированных понятий в формировании концептов

Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 74) спрашивает, можно ли сформировать концепт *grün* («зеленый») без вербального символа. И сам же дает отрицательный ответ. По его словам,

благодаря вербальному символу (то есть слову. – *Авт.*) мы приходим к выводу, что многие ощущения можно понятийно охватить, обобщить и использовать как целостную единицу. Здесь языковой знак (слово. – *Авт.*) не только фиксирует конкретное явление, но и помогает создать «водораздел», очертить поле обзора, давая нам возможность ориентироваться в пестрой череде явлений и восприятий.

Действительно, возникающая в сознании чувственная репрезентация, например модель-репрезентация некой сущности, может превратиться в концепт, репрезентирующий предмет, только в результате ассоциации с образом обозначающего данную модель-репрезентацию слова. Это соединение чувственного предпонятия (то есть модели-репрезентации некой чувственно выделяемой сущности) и образа обозначающего ее слова представляет собой и образование концепта, и формирование полного понятия. Они возникают одновременно.

Чтобы понять роль вербальных символов, надо ответить на вопросы: *зачем вообще сознание создает понятия, заменяя ими чувственные и даже вербальные концепты? Какой смысл в том, что концепты ассоциируются с образами определенных слов, превращающихся в результате этого в редуцированные понятия?*

Роль редуцированных понятий в человеческом мышлении совершенно невозможно переоценить. В процессе образования понятия образ слова, обозначающего определенный

предмет, ассоциируется с репрезентирующей данный предмет сложной психической конструкцией. Конструкция после этого становится концептом. Включаясь в ее структуру, образ слова приобретает способность, как и любая часть психической конструкции, полностью замещать ее собой в сознании. В результате такой ассоциации мышление начинает оперировать вместо громоздких, колоссальных по объему концептов слуховыми или визуальными образами простых искусственных объектов – слов, или редуцированными понятиями.

Замещение в сознании людей их крайне разнообразных и субъективных психических конструкций (концептов) образами простых объектов (определенных слов) оптимизирует человеческое мышление и унифицирует психическое содержание сознания разных людей. Недаром Г. Риккерт (1997, с. 88) пишет, что ценность понятия состоит именно в преодолении бесконечного многообразия субъективных чувственных репрезентаций.

Способность редуцированного понятия полноценно замещать собой соответствующий концепт, неважно, какой он – чувственный или вербальный, резко повышает скорость и эффективность мышления, так как громоздкая, а порой просто невероятно громоздкая и сложная, полимодальная чувственная или смешанная конструкция, которой обычно является даже концепт предмета, замещается образом про-

стейшего искусственного объекта – слова.

Человек понимает известное ему слово немедленно при его восприятии и без актуализации модели-репрезентации, представляющей в сознании обозначаемый данным словом предмет. Это происходит, видимо, с помощью тех же механизмов, что и понимание человеком возникшего в его сознании образа известного ему предмета. Например, слово «яблоко» понятно ему так же сразу и прямо, как образ восприятия самого яблока. Причем чем лучше знаком человеку объект, обозначаемый возникшим в его сознании редуцированным понятием, тем меньше вероятность того, что это редуцированное понятие актуализирует в его сознании соответствующий чувственный концепт, и наоборот.

Можно констатировать, что **образ известного слова столь же понятен человеку, как и образ знакомого ему предмета.** Дело, видимо, в том, что **образ слова включается в модель-репрезентацию предмета, обозначаемого данным словом, и как всякая часть сложной психической конструкции способен полноценно замещать всю ее в сознании.**

Мы можем поэтому утвердительно ответить на вопрос Г. Риккерта (1997, с. 88), способен ли человек при понимании слов обходиться совершенно без «воззрительных представлений», то есть визуальных репрезентаций предметов, обозначаемых словами. Г. Риккерт (с. 88–89) своим путем приходит к тому же, замечая, что по крайней мере не все слова

понимаемой речи люди переводят в зрительные образы, так как в таком случае совершенно не было бы возможно столь быстрое понимание слов, которое фактически имеет место.

Недаром Л. Витгенштейн пишет: «Когда я мыслю вербально, “значения” не предстают в моем сознании наряду с речевыми выражениями; напротив, сам язык служит носителем мысли» (1994, с. 190). В качестве примера непосредственного понимания слов и предложений Б. Рассел (2009, с. 238) рассматривает, например, реакцию на крик: «Берегись, машина!», услышав который человек оглядывается и отпрыгивает без необходимости в каком-либо дополнительном ментальном посреднике. Автор справедливо полагает, что человек действует правильно и это свидетельствует о непосредственном понимании им слов.

В предисловии к книге Э. Маха А. Ф. Зотов (2005, с. 20), формулируя суть позиции автора, приводит удачную метафору, иллюстрирующую роль, которую выполняет в понимании образ соответствующего слова. Он пишет, что, образуя устойчивые предметы, сознание стабилизирует комплексы чувственных данных⁴⁶, приписывая им «имена». Имя, по мнению Э. Маха, «акустический признак» комплекса, сохраняющий его в памяти. Это самый неизменный и удобный признак, вокруг которого, как «ядра», нарастают другие признаки. Поэтому имя не «этикетка» предмета, а скорее его

⁴⁶ «Комплексы» чувственных данных – не что иное, как чувственные концепты предметов.

«арматура». Имя функционально и «по праву» представляет комплекс, к которому относится. С помощью имени мы замещаем в сознании целое одним признаком, не утрачивая при этом целостности.

Итак, редуцированные понятия не просто участвуют в формировании понятий и обозначают соответствующие концепты, но и успешно замещают собой эти концепты в сознании, тем самым резко облегчая, ускоряя и упрощая процесс мышления. Кроме того, образы понятных обоим собеседникам слов обеспечивают актуализацию в их сознании сходных концептов, тем самым способствуя их унификации.

Н. Д. Творогова определяет вербализацию (лат. *verbalis* – «устный», «словесный») как словесное описание переживаний, чувств, мыслей, поведения (Клиническая психология, 2007, с. 366). Б. Д. Карвасарский полагает, что в широком смысле слова это понятие обозначает вербальное (словесное) описание переживаний, чувств, мыслей, поведения (Психотерапевтическая энциклопедия, 2000, с. 69). А. Ребер (2000, с. 122) сужает понятие *вербализация* до устного утверждения, высказывания, акта вербального самовыражения.

Мне представляется, что вербализация может осуществляться в форме как устной речи или письма, так и мысленной трансформации невербального психического содержания в вербальные психические конструкции. Соответственно, более правильным было бы называть вербализацией не толь-

ко «выражение в словах», но и «выражение в уме» с помощью редуцированных понятий. И если я в форме внутреннего диалога с самим собой, например, обсуждаю собственное недавнее поведение, то это тоже вербализация, так как я описываю и обсуждаю (моделирую) уже с помощью вербальных конструкций собственные невербальные переживания, в том числе чувственные репрезентации собственных действий.

Вербализация – это не только иной (второй) уровень репрезентирования реальности – перевод субъективного чувственного психического содержания в новую вербальную форму, потенциально доступную передаче между людьми. Но это еще и репрезентирование недоступной восприятию реальности. Конечно, в первую очередь, вербализация – это выражение с помощью понятий и вербальных психических конструкций невербального, главным образом чувственного психического содержания человеческого сознания .

Только вербализованное содержание сознания в принципе способно становиться достоянием других людей в результате его экстерииоризации человеком в форме устной или письменной речи. То, что не вербализовано, как бы и не существует ни для кого, кроме переживающего это субъекта. Недаром Э. Мах пишет: «Не то принадлежит науке, что тонкий наблюдатель природы или знаток людей полубессознательно чувствует и скрывает

внутри себя, а только то, что он сознает вполне ясно так, что он в состоянии сообщить это другим» (2011, с. 187).

А. Шюц солидарен с М. Шелером в том, что «пределы осмысленности человеческих переживаний совпадают с границами их вербализации...» (цит. по: Н. М. Смирнова, 2008, с. 299).

В рамках процесса вербализации некоторые исследователи рассматривают не только замену чувственных концептов вербальными психическими конструкциями, но даже обозначение чувственных концептов редуцированными понятиями⁴⁷. Я предлагаю различать разные аспекты ментальной вербализации и обсуждать в ее рамках разные процессы: 1) связывание чувственной психической конструкции с образом соответствующего слова при образовании понятий; 2) создание вербальных определений понятий; 3) замену чувственных репрезентаций реальности их вербальными моделями и даже 4) построение вербальных концептов.

Психическая конструкция превращается в концепт только после ассоциации ее с образом соответствующего слова, то есть концепт – это всегда и только значение определенного слова. Некоторые лингвисты, однако, расширяют рамки понятия *концепт*, отождествляя его фактически с любой психической конструкцией. З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007б, с. 51), например, считают, что концепт не обязательно должен иметь название в форме слова или устойчи-

⁴⁷ Авторы, естественно, используют собственную терминологию.

вой языковой конструкции из слов, то есть «он может иметь словесное выражение, а может и не иметь его» (там же). По их мнению (2007, с. 301), существует много невербализованных концептов. Причиной вербализации/невербализации концепта является лишь его востребованность для обмена информацией между говорящими.

Авторы уверены (2007б, с. 54 и 66–67), что очень многие, если не большинство, концептов не имеют обозначений в языке, так как обслуживают сферу индивидуального мышления, поэтому их бывает трудно обнаружить. Они утверждают, что надежный способ обнаружения невербализованных концептов – сравнение языков, позволяющее выявить концепты, не имеющие переводных соответствий в одном из языков. Авторы (с. 54) полагают, что языковые средства необходимы не для существования, а лишь для сообщения концепта... Они дискутируют со своими оппонентами (А. П. Бабушкиным, Г. Г. Слышкиным, С. Г. Воркачевым, С. В. Кузлякиным и другими исследователями), справедливо считающими, что концепт обязательно должен быть назван словом, иначе нельзя говорить о существовании концепта.

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 34–35) пытаются доказать, что существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия, но при этом их концептуальный статус не вызывает сомнения. По их мнению, есть, например концепт и слово «молодожены», но нет слова «старожены», хотя «такой концепт в концептосфере народа, несомненно,

есть» (там же).

Точка зрения данных авторов лишь подтверждает тот факт, что в человеческом сознании существуют и активно используются множество психических конструкций, не имеющих названий, то есть не обозначаемых словами, хотя они тоже играют роль репрезентаций реальности. И все же лишь наиболее важные из таких конструкций обозначаются словами, то есть представляют собой концепты. Психические конструкции, не имеющие названия, крайне сложно исследовать, так как их почти невозможно выделить среди прочих психических феноменов и изолированно рассматривать. Гораздо легче изучать психические конструкции, обозначаемые словами, – концепты.

Заслуженом авторов является то, что они обнаружили с помощью анализа разных языков психические конструкции, которые в одном языке получили обозначение, то есть превратились в концепты, тогда как в другом не получили обозначения и статуса концептов.

З. Д. Попова и И. А. Стернин (с. 85–86) в качестве подтверждения своей точки зрения пишут, что:

- нет, например, понятий для обозначения таких сущностей, как «ледяная дорожка на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой»; «говорить умные вещи»; «сухое вещество, собирающееся в уголке глаза»; «тот,

кто раньше с нею был» (В. Высоцкий) и др.;

- есть, например, специалисты по разведению животных: кролиководы, животноводы, овцеводы и т. д., но нет понятий для обозначения специалистов по разведению воробьев, носорогов и крыс, поскольку эти профессии не востребованы.

То, что авторы перечисляют в первом пункте, изначально, то есть до появления этих построенных авторами фраз, не было репрезентировано концептами, а представляло собой лишь преимущественно чувственные репрезентации окружающей реальности. Причем репрезентации, не достигшие в человеческом сознании статуса сущностей.

В первом пункте авторы выделили и сформировали с помощью языковых конструкций репрезентации неких новых сущностей, «возведенных» авторами «в ранг» новых объектов окружающего мира. Как и бесчисленное множество других подобных «потенциально возможных» сущностей, до момента своей концептуализации, то есть выделения и обозначения словом, они были чувственно репрезентированы в сознании как нечто присутствующее в окружающем мире в качестве чувственного фона. Но они не были конституированы сознанием в качестве фигур – объектов этого мира, так как не были выделены и обозначены. Они не имели статуса концептов, потому что общество не сочло необходимым соответствующие сущности выделять, обозначая их особыми именами.

Относительно второго пункта: дело тоже не в том, что нет обозначения для подобных «специалистов», а в том, что в реальности нет таких специалистов. И именно поэтому нет и соответствующих концептов. Если бы в окружающем мире были подобные специалисты, то, вероятнее всего, появилась бы и потребность в их обозначении, а следовательно, и соответствующие репрезентирующие их редуцированные понятия. **Формирование новых сущностей в сознании и обозначение их новыми словами происходит в абсолютном большинстве случаев не по произволу людей, их желанию или нежеланию, а в силу необходимости.**

О появлении нового концепта можно говорить только тогда, когда общество признало существование некой сущности, репрезентируемой психической конструкцией, которая обозначена новым словом. До этого речь может идти только о психических конструкциях, лабильных, не выделяемых людьми среди прочих своих психических конструкций, а следовательно, не очень важных. Е. С. Кубрякова (1991, с. 95), например, совершенно справедливо утверждает, что слова самим фактом своего существования в языке отражают концентрирование внимания человека на определенном объекте и существенность для него этого объекта по тем или иным причинам. Я дополню, что **именно образы слов маркируют важные для людей психические конструкции, превращая их в заметные всем и потенциально доступные теперь передаче между людьми концепты.**

Новый концепт появляется, когда у общества возникает потребность выделить и обозначить некую новую, имеющую для него значение сущность. Ее конституирование или конструирование осуществляется в результате ассоциации психической конструкции, репрезентирующей новую сущность, и образа специально созданного для ее обозначения слова. Если у людей отсутствует необходимость в выделении такой новой сущности, то репрезентируемая чувственной психической конструкцией «предсущность» остается частью фона человеческого восприятия, не превращаясь в самостоятельную фигуру восприятия. Соответственно, она не трансформируется в чувственный концепт, потому что никому не интересна и никто из людей не стремится ее обозначить словом.

Приведенные З. Д. Поповой и И. А. Стерниным (2007, с. 85–86) в качестве примеров чувственно репрезентируемые элементы реальности не превратились в объекты, так как не важны для людей или не настолько важны, чтобы для них были созданы и закреплены в языке обозначающие их слова. Никто из людей, по крайней мере в нашей культуре, не удосужился присвоить им названия, то есть завершить образование соответствующих концептов и понятий. Это сделали впервые З. Д. Попова и И. А. Стернин, и лишь для того, чтобы использовать их в качестве аргументов в дискуссии. Фактически авторы вербально конституировали с помощью специальных языковых конструкций новые объекты.

Но напомним, что до этого действия исследователей у нас не было соответствующих концептов и конституированных ими объектов. Как нет, например, таких конституируемых мной сейчас объектов: текущие с крыши во время дождя струйки воды; один лист, оставшийся зимой на дереве; вбитый в доску забора гвоздь, от которого по доске тянется вниз ржавый след; не закрытый в морозы шпингалет на окне, из-за которого на стекле намерзает иней, и т. п.

Повторю, что соответствующие «недоконституированные» психические конструкции, репрезентирующие окружающий мир, которые мы имеем в изобилии, превращаются в концепты лишь тогда, когда ассоциируются в сознании человека с образами обозначающих их слов. Но и этого недостаточно... **Конституирование предмета с помощью модели-репрезентации и нового слова возможно** даже не в результате того, что он получает обозначение, а **лишь в результате того, что общество принимает новый предмет и обозначающее его слово в качестве новой сущности реальности.**

Следовательно, можно создать вербальную конструкцию, репрезентирующую, например, некую физическую сущность вроде «скользкой ледяной дорожки...» (см. выше). Но не обязательно соответствующая чувственная репрезентация или эта вербальная конструкция превратятся в итоге в концепт, даже если кто-то обозначит их новым словом, например, «трополед» или «ледянушка». Необходимо принятие

обществом данной сущности, этого концепта и соответствующего слова и их распространение в объективной психической реальности общества.

Я, например, обозначил такой, казалось бы, важный для общества феномен, как безразличие матери к собственному новорожденному ребенку, назвав его синдромом Крона⁴⁸ (С. Э. Поляков, 2004) по имени титана (Cronos), отца олимпийских богов, который глотал собственных детей... Но за прошедшие 12 лет не обнаружил ни одного признака принятия обществом этого концепта и его использования.

Итак, любая, даже устойчивая психическая конструкция превращается в концепт только после ее ассоциации с образом определенного слова и ее принятия обществом в качестве репрезентации новой сущности.

Сказанное верно и для чувственных, и для вербальных психических конструкций. Наличие обозначающего слова позволяет отличать вербальные психические конструкции, представляющие собой концепты, от просто вербальных конструкций, даже репрезентирующих нечто новое в реальности. Первые отличаются от вторых тем, что, во-первых, всегда репрезентируют в сознании сущности, которые данное общество выделяет и считает важными. Во-вторых, они являются концептами определенных понятий и в качестве таковых распространены в сознании множества людей,

⁴⁸ Правильнее было бы назвать его синдромом Кроноса, чтобы не путать с существующим в медицине синдромом Крона.

а обозначающие их слова включены в язык общества.

В некоторых случаях одна вербальная конструкция может выступать как вербальный концепт, то есть конструировать некую сущность, а другая – как сложное понятие, состоящее из образов нескольких слов, обозначающих данный концепт. Например: «Силы быстрого реагирования – *это воздушно-десантные войска, предназначенные для высадки с воздуха в тылу противника или для быстрого развертывания в географически удаленных районах*». Здесь первая часть – сложное понятие, а вторая – вербальный концепт.

Редуцированное понятие – это нечто вроде психического ярлыка для концепта, но в то же время самостоятельный психический феномен и единица мыслительной деятельности. Ярлык делает возможным выделение концепта из прочего психического содержания и его использование... А. Д. Шмелев (2012, с. 308) совершенно справедливо замечает, что показателем наличия в культуре того или иного концепта является наличие языковой единицы, кодирующей данный концепт.

Концепты индивидуального сознания, будучи ассоциированными с образами слов, через слова непосредственно связаны с языком общества, то есть индивидуальное сознание непосредственно связано с интересубъективным пространством языка. В свою очередь, через язык общества можно получить доступ к концептам индивидуального сознания. Всякий концепт

всегда частично вербализован уже потому, что он обязательно ассоциирован с образом хотя бы одного обозначающего его слова. **Образ слова выделяет концепт из прочего психического содержания сознания и делает узнаваемым для человека** Собственно, поэтому мы его называем концептом, а не просто репрезентирующей что-то психической конструкцией.

§ 6. Слово – понятие – концепт

Слова – это сравнительно простые искусственные физические объекты, легко создаваемые людьми с целью коммуникации между собой Человек способен произносить их за секунды, произвольно менять их форму, а главное – связывать их образы в своем сознании с репрезентациями других, несравнимо более сложных физических и психических сущностей.

Слово является таким же объектом физической реальности, как и любой другой звук, поэтому человеческое сознание создает и модели-репрезентации воспринимаемых им слов. Они представляют собой либо мономодальные – слуховые (у детей и взрослых, не владеющих письменностью), либо даже тактильные – у слепых, либо бимодальные (слуховые и зрительные) психические конструкции, состоящие из образов воспоминания и представления слов.

Поскольку слова – физические объекты, то образы пред-

ставления и воспоминания слов, известных человеку и имеющих для него смысл, соотносятся со словами так же, как образы представления и воспоминания предметов соотносятся с этими предметами. Однако слова – не простые объекты, а объекты-знаки, поэтому образы слов являются носителями дополнительного значения или замещающими аналогами сущностей, обозначаемых данными словами.

Надо признать, что за 100 лет, прошедших после выхода в свет книги Ф. де Соссюра (2001), никто лучше него так и не написал о соотношении слова, понятия и концепта: «Отправная точка акта речевого общения находится в мозгу одного из разговаривающих, скажем А, где явления сознания, называемые нами понятиями, ассоциируются с представлениями языковых знаков, или с акустическими образами, служащими для выражения понятий. Предположим, что данное понятие вызывает в мозгу соответствующий акустический образ – это явление чисто психического порядка, за которым следует физиологический процесс: мозг передает органам речи соответствующий образу импульс, затем звуковые волны распространяются из уст А к ушам В – это уже чисто физический процесс. Далее процесс общения продолжается в В, но в обратном порядке: от уха к мозгу – физиологическая передача акустического образа; в мозгу – психическая ассоциация этого образа с соответственным понятием» (2001, с. 15). «...Единица языка есть нечто двойственное, образованное из соединения двух компонентов. ...Языковой знак свя-

зывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. ...Мы предлагаем сохранить слово “знак” для обозначения целого и заменить термины “понятие” и “акустический образ” соответственно терминами “означаемое” и “означающее”...» (с. 27–28).

Написанное автором верно. Удивительно только то, что оно не привлекло внимания психологов⁴⁹. Рассмотрим сказанное им на конкретном примере, используя предложенную мною терминологию. Допустим, вы собираетесь с друзьями выпить чаю. Чайник закипел. Вы его выключили и вербализуете чувственную репрезентацию реальности в форме вербальной конструкции, состоящей из двух редуцированных понятий – *чайник* и *готов*. Вам надо передать ее друзьям, находящимся в других комнатах. Ваш речевой аппарат трансформирует ее в конструкцию языковую, которую вы произносите. Далее происходит физический процесс передачи звуковых волн к ушам слушателей, воспринимающих

⁴⁹ То, что эти слова не привлекли внимания психологов, легко доказывается, например, цитатой из современного руководства по психологии, выдержавшего полтора десятка изданий. Так, Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. пишут: «Порождая речь, мы начинаем с мысленного проговаривания, как-то переводим его в предложение и в завершение создаем звуки, выражающие это предложение. При понимании речи мы начинаем с восприятия звуков, затем к звукам в форме слов присоединяем значения, объединяем слова, создавая предложение, после чего как-то извлекаем из него высказывание» (Введение в психологию, 2003, с. 360). Данная цитата свидетельствует, что прошедшие 100 лет ничего не добавили к пониманию данных процессов в психологии, скорее, наоборот, убавили.

уже слуховые образы ваших слов. В их сознании появляются два тех же самых редуцированных понятия – *чайник* и *готов*, которые либо понятны сами по себе, либо немедленно актуализируют в сознании слушателей знакомые им чувственные концепты, представляющие собой преимущественно зрительные и слуховые образы представления и воспоминания вскипевшей в чайнике воды.

Этот удивительный механизм позволяет нам как бы обмениваться с окружающими собственным психическим содержанием. Особую роль в этом «переносе» играют слова языка и их образы, то есть редуцированные понятия.

Но как собеседникам удается «синхронизировать» в процессе коммуникации собственное уникальное психическое содержание, если оно в принципе никому, кроме его «владельцев», не доступно?

Субъективные чувственные концепты, репрезентирующие один и тот же предмет, в нашем случае чайник, унифицируются двумя путями: через общий для всех людей элемент окружающей «реальности в себе», сходно конституируемый сознанием каждого человека в виде чувственной репрезентации чайника, и через другой общий элемент окружающей «реальности в себе», тоже сходно конституируемый каждым сознанием в виде чувственной репрезентации строго определенного слова – «чайник». Получается, что благодаря словам общего языка дополнительно происходит как бы двойная унификация каждого обозначаемого в языке пред-

мета.

Ж. Деррида отмечает, что слово как бы растворяется в обозначаемом им предмете: «Не только означающее и означаемое кажутся сливающимися в единство, но в этом смешении означающее как бы растворяется, становится прозрачным, чтобы позволить концепту предстать самому таким, каков он есть без отсылки к чему-либо другому, кроме своего присутствия. Внешность означающего предстает редуцированной» (2007, с. 29).

Думаю, что исходя из этого не менее логичным, может быть, было бы вообще рассматривать редуцированное понятие как часть концепта, способную его полноценно замещать, а не как самостоятельную по отношению к концепту сущность. Данное обстоятельство определяется исключительно предпочтениями исследователя.

Кстати, непонятно, как следует называть образ восприятия слова, значение которого нам неизвестно. Образ восприятия неизвестного слова нельзя расценивать уже как редуцированное понятие, так как редуцированное понятие – это образ воспоминания и представления известного нам слова.

Если собеседники, владеющие общим языком, слышат одно и то же слово, в их сознании немедленно актуализируются унифицированные, то есть сходные, концепты, репрезентирующие предмет, обозначаемый данным словом. Соответственно, произнесение слова одним человеком и восприятие его другим человеком как бы сопровождается передачей

психического содержания. **Использование людьми в своем мышлении образов общих для них слов – редуцированных понятий – в максимально возможной степени нивелирует многообразие их субъективных чувственных репрезентаций, замещаемых этими понятиями.**

Конечно, каждое сознание сохраняет множество субъективных чувственных нюансов, что делает любой концепт в принципе индивидуальным и особенным. Однако, как справедливо замечает П. А. Сорокин (1992, с. 49), если бы у людей формы символизации и объективации психической жизни были различны, то общение между ними было бы невозможно.

Надо признать, что выделение редуцированных понятий и концептов внутри полных понятий – это в определенной степени результат произвольных действий исследователя⁵⁰, так как в сознании присутствуют единые психические конструкции, репрезентирующие те или иные сущности. Эти конструкции включают в себя и образы слов, обозначающих сущности, репрезентируемые концептами, и сами концепты.

Тезисы для обсуждения

1. Термином «полное понятие», или просто «понятие», предлагается обозначать репрезентирующий некую сущ-

⁵⁰ Без этого, однако, было бы невозможно понимание психических явлений.

ность концепт, ассоциированный с образом обозначающего эту сущность слова, а термином «редуцированное понятие» – слуховой или зрительный образ, способный замещать собой в мышлении данное понятие в целом.

2. Концепт – это разновидность психической конструкции, являющейся значением слова, обозначающего некую сущность реальности. Концепт несет комплексную информацию об этой сущности, выражая представления людей о мире, отмеченные этнокультурной спецификой.

3. Ментальные образы слов (редуцированные понятия) «маркируют» психические конструкции, превращая их в заметные для людей концепты, потенциально доступные теперь унификации и как бы передаче между людьми. Редуцированное понятие – это не просто нечто вроде «ярлыка» для концепта. Оно является самостоятельным психическим феноменом и важнейшим структурным элементом человеческого мышления.

4. Способность редуцированных понятий замещать собой в сознании обозначаемые ими концепты позволяет сознанию использовать в процессе мышления вместо громоздких и уникальных концептов слуховые и визуальные образы простых искусственных объектов – слов. Это унифицирует субъективные чувственные концепты, репрезентирующие у разных людей один и тот же элемент «реальности в себе».

5. Понятия создаются сознанием для репрезентирования сущностей окружающего мира и самого сознания; являются

инструментами и формой проявления сугубо человеческого мышления, облегчая и упрощая его; обеспечивают коммуникацию людей, актуализируя сходное психическое содержание (сходные концепты) в сознании участников коммуникации; обеспечивают унификацию психического содержания сознания разных людей и построение в их сознании сходной картины мира; обеспечивают негенетическое наследование преимущественно вербальной картины мира.

6. Новое понятие появляется не в результате того, что репрезентирующая что-то психическая конструкция получила обозначение, а вследствие того, что у общества возникла потребность в выделении и обозначении некой новой сущности реальности. Ее конституирование или конструирование осуществляется путем выделения из прочего психического содержания или создания нового концепта и обозначения его новым словом.

7. Только ассоциируясь с образом слова, психическая конструкция становится концептом и как бы включается в результате этого через данное слово в сферу общего для людей языка, приобретая потенциальную возможность трансляции с помощью слов от человека к человеку и негенетического наследования. В свою очередь, через язык общества можно получить доступ к концептам индивидуального сознания. Не бывает концептов, не ассоциированных с ментальными образами соответствующих слов и якобы существующих независимо от языка.

8. Человек, воспринимающий известные ему слова, понимает их так же немедленно и непосредственно, как и образы восприятия знакомых ему предметов.

9. Вербализация – это замена субъективного чувственно-психического содержания сознания вербальными образами, то есть редуцированными понятиями и конструкциями из них, а также репрезентирование недоступной восприятию человека реальности с помощью вербальных конструкций.

10. Только вербализованное психическое содержание сознания способно передаваться другим людям путем его экстериоризации человеком в форме языковых конструкций с их последующей интериоризацией сознанием других людей. Невербализованное содержание сознания субъекта не может стать достоянием кого-либо еще.

1.2.2. Концептуализация реальности

§ 1. Мы познаем мир не предметно, саущностно

Широко известен и давно принят в гуманитарных науках и в психологии тезис о том, что человек познает мир предметно. Э. Кассирер пишет: «Мы... познаем не “предметы” – это означало бы, что они раньше и независимо определены и даны как предметы, – а предметно, создавая внутри рав-

номерного течения содержаний опыта определенные разграничения и фиксируя постоянные элементы и связи» (2006, с. 348).

Действительно, благодаря возникающим в нашем сознании моделям-репрезентациям предметов мы приобретаем знание о мире и начинаем воспринимать его, понимая то, что воспринимаем. Как говорил П. Жане, воспринимать кресло – это значит не просто видеть предмет, а видеть предмет, в который можно сесть (цит. по: Ж. Пиаже, Б. Инельдер, 1963, с. 24). Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 311) тоже полагает, что вещи сами по себе не обладают бытием. Бытие вещей рождается лишь в том случае, когда человек, сталкиваясь с вещами, вынужден считаться с ними, решать, что с ними делать, чего от них ожидать и т. п.

Однако, как мне кажется, наше сознание познает реальность даже не предметно. Оно конституирует и конструирует вокруг себя и в себе самом сущности. Предметы – это все-таки нечто исключительно физическое, тогда как сознание сущностно познает не только физический мир, но и социальный и даже психический. **Окружающую реальность в целом сознание репрезентирует сущностно, а доступную восприятию реальность – еще и предметно, и вещественно.** Чувственные репрезентации конституируют вокруг нас проницаемую в разной степени для нашего тела (газообразную, жидкую и твердую) вещественную среду, которую наше сознание трансформирует в отдельные сущности.

Даже когда возможности чувственного репрезентирования реальности исчерпываются, сознание на основе отрывочных данных восприятия продолжает строить вербальные репрезентации уже умозрительных сущностей. Вербально конституированные и сконструированные сущности не столь очевидны и бесспорны, как чувственно конституированные сознанием предметы. Их условно можно разделить на сущности, которые, как представляется здравому смыслу, имеются в физической реальности, скорее всего, присутствуют там и вымышленные.

Что такое сущность? Б. Рассел (2001, с. 217) замечает, что понятие *сущность* представляется ему бестолковым и лишенным точности. Автор во многом прав, но это понятие необходимо для целей нашей работы в качестве удобного конструкта. Если пытаться определять это понятие, исходя из внешнего мира, то оно действительно не определяемо. Однако подобное универсальное понятие полезно, так как привлекает наше внимание к создаваемым сознанием и доступным исследованию объектам сознания.

Я понимаю **сущности** как **единичные и самостоятельные объекты сознания, которые оно либо выделяет из потока чувственных репрезентаций «реальности в себе», либо создает на основе отрывочных чувственных репрезентаций с помощью вербальных конструкций.** Первые оно рассматривает в качестве предметов физического мира. Вторые пытается поместить в этот мир как стран-

ные и не совсем обычные его элементы, если и не предметы, то по крайней мере объекты окружающего мира.

Таким образом, сущности – это создаваемые сознанием чувственные и вербальные репрезентации фрагментов «реальности в себе», помещаемые им в окружающий мир в качестве отдельных, самодостаточных и самостоятельных элементов этого мира, то есть предметов, явлений, свойств, действий и других объектов. Это нечто конституируемое или конструируемое сознанием с помощью его собственных репрезентаций в качестве элементов реальности, или ее частей, нечто вроде «субстанций» Аристотеля или «видов» Т. Куна (см. Примечание 6).

У. Матурана (1995, с. 97–98) считает, что для наблюдателя нечто является сущностью, когда он может описать ее, то есть перечислить ее актуальные и потенциальные взаимодействия и отношения. Описать какую-либо сущность наблюдатель может лишь в том случае, если имеется по крайней мере еще одна сущность, от которой он может отличить первую, наблюдая взаимодействия или отношения между ними. На роль второй сущности годится любая сущность, даже сам наблюдатель. Сущность может быть выделена, если у нее есть некоторая область взаимодействий, которая включает в себя даже взаимодействия с наблюдателем.

Итак, сущность – это то, что сознание конституирует или конструирует, помещая в свою картину мира в качестве чего-то очевидно самостоятельного и от-

граниченного от прочих сущностей, которые оно же во множестве создает. В качестве сущности может выступать и нечто безусловно реальное для человека, например некий чувственно репрезентируемый предмет или социальный объект, или психическое явление, и даже нечто лишь вероятно присутствующее, по мнению создателя соответствующей сущности, в реальности и, наконец, нечто явно вымышленное⁵¹ им.

Сущность всегда репрезентируется с помощью концепта и обозначается особым словом. Сформированная человеком сущность совсем не обязательно понятна в полной мере даже ему самому, то есть создателю репрезентирующего ее концепта, а поэтому часто аморфна и плохо доступна вербализации. Но сущность всегда присутствует, с точки зрения ее создателя, в реальности (физической, психической, социальной, вымышленной и т. д.) в качестве чего-то самостоятельного и отдельного как от человека, так и от других сущностей.

Понятие *сущность* обозначает наиболее общее, наиболее умозрительное и абстрактное нечто, сформированное сознанием для того, чтобы репрезентировать что-то выделяемое им, неважно даже, в какой именно реальности. Следовательно, категория *сущность* включает в себя все, что обозначается, например, понятиями *объект, явление, свойство, действие* и пр. Кстати, в языке не только объекты и явления, но

⁵¹ Например, кольцо Всевластия.

и свойства, и действия, и даже отношения и состояния часто обозначаются существительными, то есть обозначаются как объекты, или сущности... Например, «электропроводность», «растворимость», «посещаемость», «любовь», «противостояние», «перемирие», «изготовление», «чтение», «депрессия», «перестройка», «задумчивость» и т. д.

Сущность – это не обязательно что-то физическое. Существует множество социальных, психических, вымышленных, трудно квалифицируемых и даже не подлежащих квалификации сущностей. *Является ли сущностью, например, круглый квадрат?* С одной стороны, его существование в физической реальности невозможно. С другой стороны, он сконструирован сознанием и присутствует в нем в качестве отдельной сущности, то есть он имеется, пусть и в вымышленной сознанием реальности.

Сущности имеют референты в реальности. Многие сущности сознание просто помещает в окружающий физический мир. Например, физические объекты. Одни конституированные человеческим сознанием сущности имеют очевидные всем референты в реальности. Они могут быть как физическими, так и психическими. Самый наглядный пример психических сущностей – человеческая психика. Другие сконструированные сознанием сущности столь же явных референтов в реальности не имеют. Например, душа. Причем нет заметных феноменологических различий между психическими конструкциями, которые репрезентируют

реальные, как представляется здравому смыслу, сущности, и теми, которые репрезентируют псевдосущности, отсутствующие в той реальности, куда их помещает человеческое сознание.

Есть интересные данные о том, что человек на разных этапах своего филогенетического развития концептуализировал одни и те же аспекты реальности по-разному, выделяя в них разные сущности, и свидетельства этого можно обнаружить в языке. В частности, Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010, с. 273–274) утверждают, например, что первобытный человек концептуализировал реальность не так, как это делает человек современный. По словам авторов, человек не сразу пришел к тому, что не все предметы активны и активность присуща им в разной степени, что одни предметы меняются, другие – неизменны. По их мнению, в тотемном сознании имя действия еще не отделялось от имени предмета и не превратилось в глагол. Если считать действие изменчивым признаком предмета, то все признаки осознавались человеком как изменчивые. И у него не было основания отличать глагол от прилагательного и существительного.

Авторы считают, что в примитивном сознании все признаки предмета, если рассматривать его как вместилище признаков, были недифференцированными. Языковые формы выступали как протосуществительные, протоглаголы, протоприлагательные. Все концептуализированные сущности были активны. Они выделялись и осознавались как акто-

ры⁵². Не было оснований для разграничения субъекта и объекта действия... Не было субъектно-объектной конструкции предложения, имена действия отождествлялись с именами предметов.

Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (с. 274–276) приводят данные из современного языкознания, из которых можно заключить, что даже в некоторых современных языках сохранились архаичные языковые формы, позволяющие проводить аналогии с тем, что ранее присутствовали во всех языках. Они пишут: «В гиляцкой фразе *təvilagan veurd* (“эта больше-собака бегохороша”) налицо два разделительных комплекса: *təvilagan* – “эта большесобака” и *veurd* – “бегохороша”. Во фразе тундренного диалекта одульского языка *kuded-ilen-geəil* (“человеко-олене-принесение”) разница между именем и глаголом неуловима. Аналогична по строю фраза чукотского языка “ты-валя-мна-ркын” (“я-ноже-точение-делание”)» (с. 275).

Описываемые авторами (с. 274–276) странные словоформы они называют инкорпорированными комплексами и рассматривают как самостоятельную языковую единицу, занимающую промежуточное положение между словом и предложением. По их мнению, «инкорпорированный комплекс»

⁵² «Актор... – термин римского и немецкого права, означающий лицо, осуществившее какое-либо действие или создавшее определенное состояние, виновника или руководителя чего-либо» (Актор: справ. ст. [Электронный ресурс]: Правотека: портал правовой помощи. – Режим доступа: <http://pravoteka.ru/encyclopedia6900/>).

отличается от словосочетания своей морфологической цельностью. В нем закодировано нерасчлененно-размытое восприятие мира. Он репрезентирует мир расплывчато-смазанно, поэтому не позволяет отличить и обозначить действие предмета отдельно от самого предмета.

Из сказанного авторами напрашивается вывод, что еще относительно недавно наши предки концептуализировали мир совсем не так, как это делаем мы, и выделяли даже в доступной восприятию реальности не совсем те сущности, которые выделяем мы. Больше того, как свидетельствуют авторы, и сейчас рядом с нами живут народы, которые выделяют в том же окружающем нас мире сущности, не вполне совпадающие с нашими. Народы, которые не сформировали еще или вовсе не сочли нужным формировать сущности (действия и объекты, аналогичные нашим), и не имеют в своем языке слов для их обозначения.

Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (с. 284–285) утверждают, что расчленение существительных и прилагательных было затяжным процессом и захватило даже эпоху античной культуры классического периода. В эпоху архаической культуры более важным был не концепт естественной причинности, а концепт «вины» перед невидимыми силами, позволявший ответить на вопрос: кто повинен в событии, кто за него ответственен. По их предположениям, магически нагруженному сознанию было трудно разграничить субъекта (казатора) и объект действия. Человек концептуализировался

лишь как восприниматель действия, разворачивавшегося из-за вмешательства невидимых и неведомых сил. Упор делался на предопределенность поведения человека. В силу «вложенности» поступков в поведение человека объект выступал в роли псевдокаузатора.

Авторы (с. 282–283) полагают, что архаическое сознание далеко не сразу осмыслило, что хоть что-то может совершаться по воле самого человека и без вмешательства высшей силы. Не сразу был усвоен, а соответственно, и концептуализирован даже тот факт, что состояние «сидеть» или «лежать» инактивно, а состояние «идти» – активно. Например, чтобы встать и пойти, не нужно распоряжения свыше, а требуется лишь привести себя в движение, затратив собственные силы на выход из сидячего положения. Иное понимание реальности и иная ее концептуализация вели, естественно, к построению и обозначению иных концептов, по-другому репрезентирующих реальность.

Лишь спустя продолжительное время концептуализация реальности и человека в ней изменилась таким образом, что стало допускаться вмешательство самого человека в жизнь вещей и явлений природы, сам человек стал осознаваться как каузатор, то есть мыслиться в субъектной, а не в объектной роли. Стали складываться представления о естественной, а не о магической причинности событий и их рациональные объяснения.

К чему я сделал такой длинный экскурс в, казалось бы,

совершенно иную область знания? Его целью была демонстрация того, что в процессе развития человечества могут меняться сущности, выделяемые сознанием в окружающем мире. Привычные нам сегодня сущности еще относительно недавно вовсе отсутствовали, а вместо них в сознании присутствовали иные. Даже те сущности, которые мы сегодня рассматриваем в качестве физических объектов, их действий и свойств, – это сравнительно недавнее приобретение человечества.

Г. Г. Шпет (2010, с. 136–137) тоже пишет об изменении человеческой концептуализации реальности с течением времени. Он указывает, что, встречаясь с явлением, человек непременно предполагает, что за ним скрывается некое существо, которое и руководит им. Это первоначальная стадия развития человека, которая может быть характеризована как стадия теологическая. По мере расширения своего опыта человек убеждается, что никаких существ за явлениями, с которыми он встречается, нет. Тогда он предполагает, что за явлением скрыто не существо, а некая неизменная сущность, которая и руководит им. Человек уверен, что задачей науки является раскрытие этой сущности. Это вторая стадия развития человека – метафизическая. Наконец, человек освобождается от предрассудков и предположений о наличии каких-либо сущностей за явлениями и начинает понимать действительность только как совокупность явлений...

Появляется возможность настоящего научного позитивного объяснения мира. Таким образом, человек в своем развитии постепенно переходит от стадии теологической к стадии позитивной.

Мне представляется, что создание сущностей – это естественная и необходимая форма психического функционирования человека, не очень зависящая от стадий развития человечества. Мы не можем прекратить создавать сущности. То, что мы «видим» за явлениями сущность, облегчает нам понимание окружающего мира, так как упорядочивает и упрощает для нас этот мир. Мы научились теперь не только вычленять, создавать и обозначать сущности, но еще и эффективно их классифицировать и обобщать. В результате у нас появились новые более общие и совсем умозрительные сущности: явления, объекты, действия и т. д., наконец, появилось само понятие *сущность*.

Появление сущностей тесно связано с формированием концептов и возникновением понятий. *Как и почему у людей появились понятия?*

Л. С. Выготский (2005а, с. 298–299) вспоминает анекдот, приведенный А. Гумбольдтом, о том, как простолудин, слушая разговор студентов-астрономов о звездах, обратился к ним с вопросом: «Я понимаю, что с помощью всяких приборов людям удалось измерить расстояние от Земли до самых отдаленных звезд и узнать их расположение и движение... Но мне хотелось бы знать, как узнали названия звезд?» Он

предполагал, что названия звезд можно было узнать только от них самих.

Я думаю, что и сейчас множество людей не представляют, что это именно человек концептуализирует мир, создавая в нем те или иные сущности, как доступные, так и недоступные восприятию, и обозначает их новыми словами. **Сознание с помощью создаваемых им концептов выделяет или формирует сущности, так как появление сущностей упрощает мир и облегчает его понимание. Но если концепты, репрезентирующие предметы, их свойства и действия, возникают в сознании произвольно, как бы естественным образом просто в результате восприятия окружающего мира, и человеку остается лишь обозначить их новыми словами, то концепты, репрезентирующие сущности, недоступные восприятию, сознание формирует произвольно и целенаправленно.**

Для репрезентирования такого рода сущностей сознание создает специальные вербальные конструкции, или вербальные концепты, которые конституируют или конструируют эти сущности. Следовательно, речь надо вести уже не о протекающем естественным путем процессе образования понятий, а о специальных усилиях человека, направленных на выделение некой новой умозрительной сущности в окружающем мире путем формирования в сознании репрезентирующей ее конструкции из уже известных человеку понятий.

А. Бергсон (2006а, с. 171) полагает, что «концепты столь же стабильны, как предметы, по образцу которых они создаются». За этим высказыванием автора стоит древнее заблуждение здравого смысла, подспудно доминирующее до сих пор в объективной психической реальности и в сознании многих людей. Его можно сформулировать так: все концепты и понятия создаются сознанием в результате восприятия окружающего мира и обнаружения в нем предметов и других сущностей. Истинность этого положения не вызывает у большинства людей сомнения, так как с детства мы усваиваем понятия, которыми задолго до нашего появления на свет обозначались и окружающие нас предметы, и все прочие сущности.

Следовательно, сущности эти, как и предметы, «достались» нам в «готовом виде». Как и предметы, они уже до нашего рождения «пребывали в мире», так как были созданы и уже использовались нашими предшественниками задолго до нашего появления. И мы поэтому не делаем различий между сущностями разного вида, то есть между предметами, естественным образом формируемыми нашим собственным сознанием, с одной стороны, и прочими сущностями, интериоризируемыми нашим сознанием из сознания окружающих нас людей, – с другой.

Для нашего здравого смысла и предметы, и все прочие сущности присутствуют в мире независимо от людей. В любом случае большинство людей уверены, что предметы и

прочие обозначаемые понятиями сущности первичны, а сами понятия – вторичны. Но это отнюдь не так. Старое убеждение здравого смысла о том, что понятия создаются для обозначения объектов реальности, верно лишь отчасти. Понятия понятиям рознь.

Одни из них действительно формируются на основе сенсорных моделей-репрезентаций предметов, возникающих независимо от воли воспринимающего окружающий мир человека, а потому как бы присущих этому миру. Тогда как другие формируются лишь в результате целенаправленного построения человеком вербальных концептов, потому что сознание способно сформировать вербальный концепт, чтобы репрезентировать некую новую сущность: реальную, возможную или вымышленную, но зачем-то сознанию необходимую или чем-то ему удобную.

Так как первыми у человека возникают концепты, являющиеся моделями-репрезентациями предметов окружающего мира, то с точки зрения здравого смысла очевидно и естественно, что и другие концепты, даже сконструированные сознанием из вербальных символов, репрезентируют сущности, имеющиеся в окружающем мире. Отсюда рукой подать до утверждения, что понятия создаются сознанием для репрезентирования и обозначения предметов и сущностей, присутствующих в окружающем мире. И все же это не так. Именно сознание создает множество сущностей в форме репрезентирующих их вербальных концеп-

тов и помещает их в окружающий мир, обозначая, например, словами: «производство», «распространение», «порядок», «иерархия», «условие», «самостоятельность», «методика» и пр. и пр.

Понятия, формируемые с помощью вербальных концептов, репрезентируют, в частности недоступные восприятию сущности «реальности в себе». Нередко они настолько умозрительны, что лишь аналогия с понятиями, репрезентирующими предметы, заставляет здравый смысл привычно утверждать, что и здесь сознание «открывает» в «реальности в себе» глубоко скрытые в ней сущности. Хотя в действительности сознание ничего не «открывает», а лишь формирует, например, умозрительную сущность А, хотя могло бы с таким же успехом сформировать альтернативные сущности В или С. Например, конструирует микрочастицы, хотя может в качестве альтернативы предложить квантовые струны.

Недаром Э. Кассирер (2002а, с. 12–13), например, утверждает, что основополагающие понятия науки, средства, которыми она ставит свои вопросы и формулирует свои выводы, являются не пассивными отражениями реальности, а созданными самим человеком интеллектуальными символами.

Скажу иначе: не понятия (и концепты) создаются в этом случае человеческим сознанием для обозначения и представления в нем якобы присутствующих в окружающем мире сущностей, а сознание создает концепты и понятия, с помощью которых пытается репре-

зентировать себе окружающую реальность в форме сущностей. Причем многие созданные сознанием сущности просто выдуманы им.

Но вернемся к вопросу о причине появления понятий (и концептов). Сознание их создает, вероятно, потому, что пытается организовать исходно аморфную непрерывную и постоянно меняющуюся окружающую «реальность в себе» в виде множества взаимосвязанных и устойчивых сущностей.

Сначала сознание создает сущности, используя в виде концептов собственные чувственные репрезентации элементов «реальности в себе» – практически готовые сущности (предметы и явления, их действия и свойства), нуждающиеся лишь в обозначении. Исчерпав возможности чувственного репрезентирования, сознание начинает создавать новые сущности с помощью репрезентирующих их вербальных концептов, представляющих собой вербальные конструкции. Рассмотрим эти механизмы.

§ 2. Что такое концептуализация реальности

А. А. Павлова пишет: «Концептуализация предполагает простое выделение некоторых минимальных единиц человеческого опыта (так называемое *profiling* по Р. Лэнкееру...) и предшествует их категоризации, то есть объединению в более крупные разряды (Кубрякова...)» (А. А. Павлова, 2004,

с. 53).

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 121) рассматривают концептуализацию как выбор сознанием некоторой отдельной области, сферы действительности, осмысление ее, выделение ее отличительных признаков и подведение ее под определенный класс явлений; результатом концептуализации является формирование концепта – мысленного отражения выделенных признаков данной области реальности.

Такой объективистский подход может быть относительно приемлем лишь при концептуализации предметов физического мира, но не приближает нас к пониманию того, что такое концептуализация реальности, недоступной восприятию... Х... Ортега-и-Гассет (1997, с... 454) замечает, что до И... Канта никто не попытался разобраться в том, что мышление не копия и не придаток реального, а операция над ним, «хирургическое вмешательство» в реальность.

Л. В. Стародубцева (1998, с. 344) приводит слова Г. Риккерта, писавшего, что, образуя рациональные понятия, мы в непрерывной последовательности однородной действительности «делаем как бы прорезы, превращая ее непрерывность в дискретность». Она же сообщает (1998, с. 344), что и А. Бергсон говорил «о “ножницах восприятия”, которыми познание фрагментирует мир, осуществляя как бы “вырезку из протяженной непрерывности” и делая тем самым наше мышление “кинематографичным”, подобным череде отдельных, сменяющих друг друга разрезанных кадров действи-

тельности, у которой как бы отнимается присущее ей качество “сплошности”».

Дж. Келли (2000, с. 157) полагает, что мы пытаемся отыскать в текущем мимо нас нерасчлененном потоке событий что-то повторяющееся... Как только мы абстрагировали такое качество, у нас появляется основание удерживать кусочки реальности для осмотра и оперирования ими.

Я добавлю, что это и есть начало концептуализации реальности... По словам Дж. Келли (с. 73), человек должен выделить повторяемые темы, «фразировать» свой опыт в этом однообразном потоке, который только после этого начинает обретать для него смысл. Он (с. 74) пишет, что событие становится повторением другого события, только если мы готовы признать абстрагированное сходство этих двух событий: например, корова и лошадь превращаются в двух домашних животных, только если мы готовы принять абстракцию «тоже животное» применительно к каждому члену этой пары.

В качестве примера концептуализации Дж. Келли (с. 73) рассматривает понятие *день*. Каждый день отличается от всех других. Концепт дня выстраивается вдоль непрерывного потока времени как нечто в чем-то похожее на другие дни и тем не менее легко отличимое от мгновений и лет. Когда событиям положены начала и концы, а их сходства и различия истолкованы, появляется возможность попытаться предсказать их, так же как человек предсказывает, что завтра наступит следующий день.

По словам автора, предсказывается не то, что завтрашний день будет копией сегодняшнего, а то, что у данного события есть повторяемые аспекты, появления которых можно с уверенностью ожидать в будущем... Истолковывая повторения событий, человек антиципирует их в будущем... Он создает структуру, в которой субстанция принимает определенную форму или обретает смысл. Таким образом, не субстанция, которую он истолковывает, порождает структуру, а сам человек.

Мне представляется, что человеческое сознание старается концептуализировать повторяющиеся аспекты прошлого в форме репрезентирующих эти аспекты реальности собственных психических инвариантов. **Таковыми инвариантами являются, например, физические объекты, их свойства и действия.**

Дж. Лакофф использует яркую метафору для объяснения и иллюстрирования процесса концептуализации. Он (2004, с. 401–402) отмечает, что в соответствии с объективистской метафорой концептуальные системы – это «мясники», а реальность – «туша, приготовленная для разделки». Культуры отличаются лишь способом, которым они «разрезают природу». Концептуальная система якобы лишь хорошо или плохо выполняет задачу «разрезания природы» по «стыкам, суставам». Даже по-разному концептуализируя реальность, она только выбирает различные «стыки» для того, чтобы «разрезать природу» вдоль них.

Согласно этой метафоре концептуальные системы могут «разрезать природу» на «большие или мелкие куски», использовать «тупой инструмент» или же «рапиру». Но они не могут создавать новые соединения, поскольку все соединения даны в реальности заранее, объективно, раз и навсегда. Концептуальная система точна, если она четко находит «суставы» в природе (хотя она, конечно, не может найти их все), и неточна, если она «не попадает по суставу и бьет по кости или по пустому месту». Автор (с. 402) справедливо указывает, что такой взгляд оставляет за пределами рассмотрения, например, концепты, которые являются продуктом человеческого воображения.

Я лично считаю, что метафора «туши», которую «разделяют по естественным анатомическим границам», если и применима очень условно, то лишь к чувственно воспринимаемой части «реальности в себе», так как сознание не «открывает (обнаруживает) и не выделяет», как утверждает объективизм, а формирует сущности в реальности, используя собственные чувственные репрезентации. Сущности же, вообще недоступные восприятию, сознание просто создает с помощью своих вербальных конструкций, а затем помещает в физическую реальность.

Сам Дж. Лакофф (с. 412) справедливо полагает, что концепты существуют только в силу своей связи с каким-либо существом, а концептуальная система представляет собой функционирующую структуру. По его (с. 435–437) мнению,

все люди обладают врожденной способностью концептуализации и существуют альтернативные концептуальные системы... Автор (с. 446) считает, что особенности концептуальной системы человека зависят от человеческой природы и человеческого опыта. И никакие потенциальные места «разрезов» в реальности не предусмотрены, хотя, действительно, в какой-то мере, возможно, они предпочтительнее для того, чтобы делить в них реальность на части, элементы или сущности... Что лишь человек решает в конечном счете, как пойдет «разрез» и какие концепты будут выделены из «туши реальности».

Дж. Лакофф (с. 167–168) указывает, что человек может создавать разные варианты репрезентирования и объяснения себе одних и тех же аспектов реальности. Что и делает, создавая разные народные и научные теории и по-разному концептуализируя реальность в медицине, политике, экономике и т. д. Разные варианты концептуализации часто не согласуются друг с другом. Например, многие люди имеют два способа понимания того, что такое электричество, представляя его то как непрерывный поток жидкости, текущий подобно воде, то как облако электронов, движущихся как люди в толпе. Причем одну модель люди используют при решении одних проблем, а другую – при решении других, так как эти модели противоречат друг другу и дают разные результаты в эксперименте.

Автор (с. 172) отмечает, что защитники альтернативных

теорий концептуализации трактуют как единственно «объективно истинную» и универсально приложимую только свою, хотя должны были бы рассматривать обе теории лишь в качестве идеализированных когнитивных моделей, каждая из которых может использоваться для определенных целей.

Обсуждая вопрос о локализации различий в концептуализации, Дж. Лакофф пишет (с. 412), что одни исследователи помещают эти различия в «язык», в конкретные слова, морфемы и грамматические конструкции. Другие полагают, что различия находятся в области мысли... Некоторые исследователи считают, что не может быть мышления, независимого от языка, другие убеждены, что язык представляет собой всего лишь инвентарь произвольных этикеток для мыслей. Существует и смешанный подход, сторонники которого, признавая независимость системы мышления от ее словесного выражения и синтаксиса, полагают тем не менее, что сами слова представляют собой форму концептуальной категоризации.

Я считаю, что концептуализация реальности протекает на двух уровнях. На чувственном уровне сознание выделяет из однородного потока перцептивных репрезентаций «реальности в себе» сходные повторяющиеся элементы и конституирует из них чувственные психические инварианты, репрезентирующие доступные восприятию сущности реальности. Затем оно обозначает эти сущности специально создаваемыми слова-

ми, представляя в качестве предметов окружающего мира, их свойств и действий.

Далее, используя отрывочные данные восприятия, то есть чувственные репрезентации доступных восприятию сущностей, а также аналогии, выстраиваемые мышлением, сознание создает вербальные конструкции, конституирующие или даже конструирующие более сложные физические, социальные и даже психические сущности, которые также обозначает новыми словами.

Концептуализацию следует отличать от усвоения человеком имеющихся в объективной психической реальности концептов. **Концептуализация – это всегда и только выделение или формирование и обозначение кем-то из людей новой сущности в окружающем мире или даже в вымышленной человеком реальности.** Создание такой новой сущности происходит обычно в процессе осмысления человеком собственных репрезентаций новых, неизвестных пока человечеству аспектов реальности.

Концептуализация новой грани реальности происходит по-разному... Исследователь может просто обозначить новым словом возникшую естественным путем, то есть непроизвольно сформированную его сознанием, чувственную репрезентацию будущей сущности, а может вербально сконструировать фактически из ничего, то есть на основе отрывочных и косвенных чувственных репрезентаций, новую сущность,

обозначить ее и поместить затем в окружающий мир. И эти разные репрезентации способны одинаково успешно существовать в человеческом сознании, представляя разные сущности «реальности в себе». **Концептуализация**, таким образом, **зависит не только от реальности, но и от человека.**

Не касаясь вновь проблемы реальности предметов, якобы существующих в мире вне и независимо от человеческого сознания, лишь напомним, что они как раз и конституируются человеческим сознанием чувственно, но обязательно с использованием обозначающих их слов. Таким образом, концептуализация нового предмета происходит не только вследствие возникновения в сознании исследователя модели-репрезентации данной сущности, но, главное, в результате связывания этой модели-репрезентации с образом обозначающего данный предмет слова.

Концептуализируя окружающий мир по-своему, то есть особым, характерным только для него способом, конкретное общество помещает в мир и вымышленные им сущности. Например, оно может населить мир духами природы, как делали наши предки в далекой древности, или нечистой силой, как делали наши предки относительно недавно. Мы и сами сейчас создаем множество умозрительных сущностей, отсутствующих в окружающем предметном физическом мире – от математических и естественно-научных до социальных и психических.

У. Куайн (2010, с. 121) указывает, что, говоря о мире, мы сразу накладываем на него определенную концептуальную схему, присущую нашему собственному языку. Тем не менее мы способны выйти за рамки этой созданной нашим обществом концептуальной схемы. Мы можем постепенно изменять ее, несмотря на то что, кроме самой этой эволюционирующей концептуальной схемы, у нас нет ничего, что могло бы обеспечить нам репрезентирование реальности. Совершенствуя свою концептуальную схему, мы продолжаем зависеть от нее как от средства и формы репрезентирования реальности и не можем отделить ее от реальности, чтобы объективно сравнить с неконцептуализированной реальностью.

Автор (с. 121) пишет, что О. Нейрат удачно сравнил задачу изменения заданной нам предками концептуальной схемы с задачей матроса, который должен перестраивать свой корабль в открытом море. Мы можем совершенствовать свою концептуальную схему, продолжая зависеть от нее как от опоры. Но мы не можем отделить себя от нее и объективно сравнить ее с неконцептуализированной нами реальностью. Поэтому он считает бессмысленным исследовать корректность концептуальной схемы как зеркала реальности. И полагает, что стандартом для оценки концептуальной схемы должен быть не стандарт соответствия ее реальности, а стандарт прагматический – позволяет ли она нам эффективно действовать в реальности.

Окружающую реальность сознание способно кон-

цептуализировать разными путями, то есть создавать в рассматриваемой области мира разные группы альтернативных существей. Причем не один-единственный, а многие из этих путей могут быть эффективными с точки зрения адаптации человека к «реальности в себе».

Г. Бейтсон (2000, с. 420), например, обращает внимание на принципиально разные возможности даже глобальной концептуализации реальности. Ссылаясь на работу К. Юнга «Семь наставлений мертвым», которую тот написал «от имени» Василида Александрийского (первая половина II в. н. э.), Г. Бейтсон (с. 420–421) пишет, что К. Юнг рассматривает два фантастических мира – плерому и креатуру. Плерома – мир, где причиной событий являются силы и импульсы и где нет «отличительных черт». Плерома ничего не знает о различиях и отличиях. В креатуре же эффекты вызываются именно различиями. Мы можем изучать и описывать плерому, однако отличительные черты, которые мы зарисовываем, всегда приписываются плероме нами. Когда же мы изучаем и описываем креатуру, мы должны корректно идентифицировать те различия, которые эффективно действуют в ней.

Таким образом, автором представлены два разных в своей основе варианта концептуализации реальности... В первом она концептуализируется с выделением двух главных групп существей – сил и импульсов. Во втором – с выделением в

ней других, более привычных современному западному человеку главных групп сущностей – отличительных черт.

Убедиться в возможности принципиально разной концептуализации реальности можно и сравнивая, например, так называемое мифологическое сознание представителей примитивных племен с сознанием современного человека. Глобально концептуализируя окружающий мир, мы выделяем в нем объекты и явления, их свойства, отношения и действия, реже – события и некоторые другие сущности. Представители примитивных племен концептуализировали мир иначе, выделяя в нем множество сил и одушевленных сущностей (см., например: Л. Леви-Брюль (1999), К. Леви-Стросс (2001), Б. Малиновский (1998) и др.).

Возможны и иные в своих базовых основаниях варианты глобальной концептуализации реальности. Так, в соответствии с доминирующей в современной науке парадигмой, человек живет в предметном физическом мире. Предметы, или материальные объекты, действуют, то есть порождают события. Следовательно, они первичны, а события – вторичны... Но, оказывается, можно концептуализировать ту же реальность иначе... Ф. П. Рамсей (2011, с. 129) пишет, что А. Уайтхед, например, рассматривал материальные объекты как прилагательные событий, в которых они имеют место.

Дж. Келли (2000, с. 53) приводит частный пример разной концептуализации причины движений человека в психологии. По его словам, объясняя, почему человек движется, од-

ни исследователи (сторонники теории толчка) предполагали, что каждый стимул – это результирующий вектор всех прошлых стимулов, взятых вместе. Он и объясняет направление движения человека. Другие исследователи (сторонники теории тяги) предполагали, что каждая возникающая у человека потребность уже несет в себе особым образом направленную тенденцию.

Примеры разной концептуализации психической реальности обсуждает и М. Г. Ярошевский (1985, с. 227–228), рассматривая представления В. Вундта и Ф. Brentano. Оба считали предметом психологии сознание и интерпретировали его с позиций интроспекционизма. Но В. Вундт рассчитывал выяснить состав сознания, его сенсорную в своей основе «фактуру». Ф. Brentano же полагал, что задача психологии состоит в тщательном описании не содержания сознания, а связанных с ним актов, действий или внутренних операций. Исходным для Ф. Brentano являлось понятие не об элементе сознания, а об акте сознания, благодаря которому эти элементы становятся объектами осознания.

Надо сказать, что вообще **история науки представляет собой собрание ярких примеров разной концептуализации одних и тех же аспектов реальности**. Это хорошо иллюстрируют работы Т. Куна, изучавшего революции в науке.

В качестве примера разной концептуализации физического мира можно привести системы Аристотеля и современ-

ной физики. Как пишет Т. Кун (2014, с. 23–29), материя для Аристотеля – некий несущественный нейтральный субстрат, присутствующий повсеместно, а не только там, где находится тело. Следовательно, пустота, вакуум невозможны. В некоторых местах материя, подобно губке, впитывает в себя определенные качества – теплоту, влажность, цвет и т. д., превращаясь в конкретные тела. Одна и та же материя теряет одни качества и приобретает другие, то есть изменения связаны с появлением и исчезновением качеств, а не с изменениями материи. Одним из таких качеств оказывается положение объекта, которое, подобно влажности или сухости, может изменяться, когда объект движется или его двигают. Локальное движение для Аристотеля тоже является изменением качества или состояния, а не состоянием самим по себе, как у И. Ньютона. И именно рассмотрение движения как изменения качества позволяет Аристотелю объединить его с остальными видами изменения – например, с превращением желудка в дуб или болезни в здоровье.

Система Аристотеля – это стройная совокупность взаимосвязанных концептов и построенных из них теорий мироустройства, которые были впоследствии разрушены и заменены новой системой концептов и теорий в физике Г. Галилея и И. Ньютона. Т. Кун обращает внимание на принципиально важное обстоятельство: «В случае с Аристотелевой физикой нельзя было просто открыть, что вакуум возможен или что движение есть состояние, а не изменение со-

стояния... Должна была одновременно измениться целостная картина различных сторон природы» (с. 41).

Другими словами, необходимо было прежде по-другому представить себе реальность и сформировать в ней иные сущности. Из приведенных Т. Куном данных следует, что **для того, чтобы построить новую научную теорию, нельзя просто посмотреть на окружающий мир «внимательнее», чем смотрели до тебя, и открыть, то есть обнаружить там, что-то новое.** Тем более если эта область плохо доступна восприятию или недоступна ему вообще. **Необходимо прежде иначе концептуализировать ту же область реальности, то есть сформировать новые концепты, репрезентирующие в ней новые сущности, которые меняют репрезентированную реальность, и уже из них строить новую теорию,** что и сделал, например, И. Ньютон в физике.

Термин «открытие» в научной литературе имеет сегодня несколько основных значений. «Совершить открытие» означает: 1) сделать явным элементы «реальности в себе», доступные восприятию, но еще неизвестные людям (географические и астрономические открытия и т. д.); 2) представить в виде законов, фактов, знаний области «реальности в себе», недоступные восприятию в принципе (открытие закона всемирного тяготения, сверхпроводимости, микрочастиц и т. д.); 3) создать новые сущности – то, чего еще не было вообще (изобретение письменности, пороха, парового двигателя).

ля и т. д.).

Доминирующие в науке объективистские представления, однако, игнорируют то очевидное обстоятельство, что теперь открытие в науке – это в большинстве случаев не выявление в форме законов, фактов, знаний чего-то уже существующего в природе. Это формирование исследователем на основе косвенных данных восприятия и собственного воображения новых сущностей и последующее помещение их в окружающий мир.

Т. Кун (2014, с. 41) указывает, что при нормальном протекании изменений в науке (например, открытие закона Бойля) в теории что-то исправляют или добавляют какое-то обобщение, а остальное сохраняется прежним. При революционном изменении (например, открытие законов И. Ньютона) сразу исправляется значительное число взаимосвязанных обобщений. Революционные перемены в науке, по его (с. 21) словам, связаны с открытиями, которые нельзя совместить с ранее используемыми понятиями. Чтобы сделать такое открытие, человек должен изменить сам способ мышления и описания реальности.

Согласно Т. Куну (с. 45), важнейшей характеристикой научных революций является изменение включенного в язык знания о природе. Этим изменениям должны предшествовать описания и обобщения. Например, чтобы сделать частью науки пустоту или бесконечное прямолинейное движение, требуются не только наблюдения, но и отчеты, которые

можно сформулировать лишь после изменения языка описания. Искажение или ломка старого научного языка являются важнейшим показателем научной революции. Т. Кун (с. 167) пишет, что революции прямо замещают некоторые старые фундаментальные понятия данной области другими понятиями.

То, что Т. Кун называет заменой фундаментальных понятий, и есть иная концептуализация реальности. А. Эйнштейн, например, отказался от многих концептов И. Ньютона, хотя и сохранил их прежние названия.

В качестве примера эффективности разной концептуализации физической реальности можно привести сообщение П. Фолькмана (2010, с. 25) о М. Фарадее. М. Фарадей – самоучка без школьного образования, слушал лекции Х. Дэви. В результате он по-своему понял и трактовал произведенные на лекциях опыты. М. Фарадей создал собственные научные концепты (и понятия), при помощи которых начал делать одно открытие за другим. При обсуждении электрических явлений он решил вопрос действия на расстоянии при помощи образного представления некоторого электротонического состояния промежуточной среды, через которую эти действия передаются.

Другими словами, М. Фарадей предложил свой оригинальный вариант концептуализации реальности, который оказался более удачным и дал блестящие результаты.

Итак, иная концептуализация реальности в науке

обычно сопровождается сменой научных теорий.

Неразрешимая научная проблема может исчезнуть, как только порождающая ее неадекватная концептуализация данной части реальности будет пересмотрена и будут созданы новые сущности. Дж. Келли (2000, с. 50–51) пишет, например, о том, что конструкт «энергия» (читай – концепт и понятие *энергия*) вызвал большие трудности, когда был перенесен в психологию из физики, где играл важную роль. Психологи не могли решить, что же именно приводилось в движение энергией: представления или люди – и что служило носителями энергии, подстрекавшей эти инертные объекты к действию. Можно было приписать энергетические свойства элементам окружения человека, назвав их стимулами. Или приписать энергетические свойства различным сторонам самого человека, которые были названы потребностями.

По словам Дж. Келли (с. 53), проблема была решена только после того, как исследователи сменили конструкт, моделирующий ситуацию в целом. Вместо того чтобы обсуждать инертный объект, следовало в качестве отправной точки формулирования психологической теории постулировать процесс и активный организм. В результате полемика по поводу того, что побуждает инертный организм к действию, потеряла смысл.

Концептуализация тесно связана с вербализацией. Вербализовать, то есть описать словами, один и тот же элемент окружающего мира по-разному могут не только ученые. Все

мы постоянно делаем это на протяжении своей жизни. Думаю, каждый легко может вспомнить моменты, когда, например, одни и те же события реальности вы описывали и трактовали так, а другие люди – совершенно иначе, что приводило к взаимному непониманию и, возможно, даже к конфликтам.

В качестве примера разной вербализации реальности можно привести известную притчу (цит. по: М. А. Розов, 1998, с. 123) о строительстве собора в Шартре. Трех человек, кативших тачки с камнями, спросили, что они делают. Первый сказал: «Тачку тяжелую качу». Второй сказал: «Зарабатываю хлеб семье». Третий ответил: «Я строю Шартрский собор!» Хотя все они делали одно и то же.

Поскольку, во-первых, именно окружающий нас предметный физический мир играет в нашей жизни важнейшую роль, а во-вторых, именно физики первыми осознали, что изучаемые наукой физические сущности они не находят в окружающем мире, а формируют сами, предлагаю рассмотреть известные из истории науки примеры конкретной концептуализации именно физических сущностей. Мы знаем физические сущности двух типов – доступные и недоступные восприятию. С концептуализацией первых все относительно просто, так как наши модели-репрезентации практически конституируют окружающие нас предметы. Сознанию остается лишь обозначить их словами, и у нас появляются предметы, их свойства и действия.

С концептуализацией физических сущностей, недоступных восприятию человека, все гораздо сложнее. К этим сущностям я не отношу объекты, в принципе доступные восприятию, пусть и опосредованному, например, черные дыры или бактерии. Я рассматриваю здесь лишь сущности, само присутствие которых в окружающем мире подтверждается либо только косвенными данными восприятия, либо вообще тем, что их постулирование позволяет исследователям предсказывать результаты будущих экспериментов, которые действительно подтверждаются в процессе проверки.

Нет необходимости подробно рассматривать историю концептуализации физических сущностей и лишь кратко коснусь наиболее значимых и сильно различающихся подходов к концептуализации двух основополагающих сущностей физики – времени и пространства. Их история демонстрирует то, как радикально меняется научная картина мира при изменении концептов, репрезентирующих только эти объекты. Причем меняется вне зависимости от того, есть ли эти сущности на самом деле в «реальности в себе», или они представляют собой лишь конструкции человеческого сознания.

Многие люди уверены в справедливости расхожего мнения о том, что можно видеть ход времени, например, в бегущих стрелках часов, в мелькающих на циферблате цифрах, отсчитывающих секунды, или в движениях предметов. Столь же очевидным представляется здравому смыслу зри-

тельно репрезентируемое пространство нашего восприятия, частично занимаемое окружающими нас предметами. Таким образом, нельзя не признать, что в формировании понятий *время* и *пространство* наши чувственные репрезентации играют важную роль. И тем не менее ни время, ни пространство не являются воспринимаемыми нами сущностями. Эти сущности люди конституировали вербально, хотя и на основе множества чувственных репрезентаций.

Д. Беркли считает, что времени и пространства в качестве сущностей физической реальности нет, но, поскольку эти гипотетические сущности уже концептуализированы человеком, их следует обсуждать. Что он и делает: «...Время есть ничто, если абстрагировать от него последовательность идей в нашем духе...» (1978, с. 182). «...Последовательность идей образует время...» (с. 492). «...Все его (пространства. – *Авт.*) атрибуты отрицательны, или негативны. Таким образом, оказывается, что это есть просто ничто. Единственное несущественное затруднение состоит в том, что оно протяженно, а протяженность – положительное качество. ...Уберите из абсолютного пространства само название, и от него ничего не останется ни в чувстве, ни в воображении, ни в интеллекте. ...То есть пространство ничто» (с. 345).

И. Ньютон впервые с научной четкостью концептуализирует время, пространство, движение и многие другие сущности, которые он без колебаний рассматривает в качестве объектов физического мира: «I. Абсолютное, истинное матема-

тическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью... II. Абсолютное пространство по самой своей сущности, безотносительно к чему бы то ни было внешнему, остается всегда одинаковым и неподвижным... III. Место есть часть пространства, занимаемая телом, и по отношению к пространству бывает или абсолютным или относительным. Я говорю “часть пространства”, а не положение тела и не объемлющая его поверхность» (2013, с. 30–31).

Г. Лейбниц разделяет позицию Д. Беркли и критикует И. Ньютона. Он рассматривает время и пространство как идеальные мысленные образования: «Я неоднократно подчеркивал, что считаю пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство – порядком существования, а время – порядком последовательностей» (1982, с. 441).

Однако представления И. Ньютона завоевывают всеобщее признание в научном мире вследствие бесспорного успеха сформулированных им физических законов.

По словам Э. Маха (2011, с. 211), И. Ньютон превосходно сумел отыскать понятия и принципы, которые были достаточно надежны, чтобы можно было на них строить физическую науку дальше.

Я полагаю, что **И. Ньютон сумел построить целый ряд новых преимущественно вербальных концептов,**

опирающихся на чувственные репрезентации и иллюстрируемых ими. Данные концепты репрезентируют признаваемые автором сущности физической реальности, которые позволяют к тому же применять физические измерения. Используя новые сущности и данные их физических измерений, И. Ньютон построил непротиворечивые физические теории – вербальные модели физической реальности, эффективно прогнозирующие ее возможные изменения. Из этого, однако, не следует, что нельзя было создать совершенно иные вербальные концепты, репрезентирующие альтернативные базовые физические сущности, которые столь же, а может быть, и более эффективно смогли бы представлять нам физическую реальность.

Кстати, по авторитетному мнению Э. Маха (2011, с. 211), Х. Гюйгенс примерно тогда же осуществил альтернативную концептуализацию физической реальности и, используя иные физические сущности, создал свою физическую теорию, которая почти случайно уступила теории И. Ньютона. Э. Мах (2011, с. 213) обсуждает и другой вариант концептуализации основных сущностей физической реальности, предложенный уже Г. Герцем. По его словам, в зависимости от исходных концептов исследователей можно по-разному, но одинаково правильно смоделировать одну и ту же физическую реальность, то есть с помощью иных понятий (и сущностей) построить столь же верные физические законы.

Следует отметить, что Э. Мах оказался прав, так как А. Эйнштейн в итоге создал очередную концептуализацию физической реальности и физическую теорию, которая оказалась эффективнее концептуализации и теории И. Ньютона. В связи с этим следует заметить, что **борьба альтернативных вариантов концептуализации, а значит, альтернативных сущностей и теорий, имеет место во всех областях не только физики, но и науки вообще**. Однако вернемся к пространству и времени.

Через несколько десятилетий после И. Ньютона И. Кант по-своему концептуализирует время и пространство: «Время есть необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний... время дано *a priori*... Все явления могут исчезнуть, само же время (как общее условие их возможности) устранить нельзя» (1994, с. 55). «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» (с. 56). «Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта... представление о пространстве должно уже заранее быть дано для того, чтобы те или иные ощущения были относимы к чему-то вне меня... Пространство есть необходимое *a priori* (внутреннее. – *Авт.*) представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний» (с. 50).

Как мне кажется, по мнению автора, время – это особая чувственная репрезентация нас самих и нашего внутреннего состояния, предшествующая всякому нашему чувствен-

ному опыту, то есть восприятию. Пространство же – особая внутренняя форма всех наших чувственных репрезентаций, в которой только и возможны для нас сами эти чувственные репрезентации. Такая форма исходно присуща человеку и как человеческая способность дана в нашей психике раньше всех переживаемых нами восприятий, то есть – априори. Еще более важно следующее утверждение И. Канта: «...само это пространство и время, а вместе с ними и все эти явления суть сами по себе не вещи, а только представления и не могут существовать вне нашей души...» (с. 306).

Таким образом, И. Кант прямо говорит, что время и пространство – это особые конструкции человеческого сознания. Складывается странная ситуация. Одни великие находят время и пространство в окружающем нас мире. Другие не находят их там, обнаруживая лишь в человеческом сознании. *Как же связаны между собой сущности окружающего мира и человеческое сознание?*

По-видимому, первым среди физиков о природе репрезентируемых концептами физических сущностей задумался Э. Мах. Он (2011, с. 426) рассматривает понятия *масса, сила, атом* в качестве «средств мышления физики», вся задача которых заключается только в том, чтобы экономно упорядочить опыт в нашем сознании. Э. Мах указывает, что мы не должны считать эти интеллектуальные вспомогательные средства, которыми мы пользуемся для репрезентации мира в нашем мышлении, основами действительного мира. Но от-

мечает, что большинство естествоиспытателей приписывают им реальность, выходящую за пределы мышления, полагая, что эти понятия обозначают настоящие, подлежащие исследованию сущности окружающего мира.

То есть Э. Мах понимает, что все сущности, которыми оперирует физика, созданы человеком, а не обнаружены исследователями в окружающем мире. Он пишет: «Все положения и понятия физики представляют собой не что иное, как сокращенные указания на экономически упорядоченные, готовые для применения данные опыта. ... Вследствие краткости своей они часто получают вид самостоятельных сущностей» (2011, с. 164).

Задолго до А. Эйнштейна, которому в современной научной литературе приписывают эту заслугу, Э. Мах отказывается принимать реальность существования «абсолютных» физических сущностей И. Ньютона (абсолютного времени, пространства и движения): «... в приведенных здесь рассуждениях Ньютон изменяет своему намерению исследовать только фактическое. Об абсолютном пространстве и абсолютном движении никто ничего сказать не может; это чисто абстрактные вещи, которые на опыте обнаружены быть не могут» (с. 191). «В физиологическом отношении время и пространство суть системы ориентирующих ощущений, определяющих вместе с чувственными ощущениями возбуждение биологически целесообразных реакций приспособления. В отношении физическом время и простран-

ство суть особые зависимости физических элементов друг от друга» (Э. Мах, 2003, с. 402). «...Время есть абстракция, к которой мы приходим через посредство изменения вещей...» (2011, с. 187).

В статье, написанной по случаю кончины Э. Маха, А. Эйнштейн пишет: «Понятия, которые оказываются полезными при упорядочении вещей, легко завоевывают у нас такой авторитет, что мы забываем об их земном происхождении и воспринимаем их как нечто неизменно данное... В этом случае их называют “логически необходимыми”, “априорно данными” и т. п. Подобные заблуждения часто надолго преграждают путь научному прогрессу» (1967а, с. 28).

А. Эйнштейн (2008, с. 327) также указывает, что наука является не коллекцией законов, а созданием человеческого разума с его свободно изобретенными идеями и понятиями. Он (2002, с. 13–14) предлагает свою принципиально иную концептуализацию аспектов «физической» реальности, которые до него связывались в науке с сущностями, обозначаемыми понятиями *пространство* и *время*. Он отвергает концепты И. Ньютона, но не принимает и альтернативные концепты его оппонентов. Сохранив прежние термины «пространство» и «время», А. Эйнштейн создает новые концепты, то есть наполняет эти термины иным содержанием.

Поначалу А. Эйнштейн отказывается рассматривать пространство и время как физические сущности, присутствующие в «физической» реальности до человека и независи-

мо от него: «Под давлением фактов физики были вынуждены низвергнуть их (пространство и время. – *Авт.*) с Олимпа априорности, чтобы довести их до состояния, пригодного для использования» (с. 13). «Земная кора играет настолько важную роль в нашей повседневной жизни при определении относительных положений тел, что это привело к абстрактному понятию пространства, которое, конечно, не выдерживает критики» (там же).

Время для него тоже «всего лишь иллюзия» (цит. по: С. Тейлор, 2010, с. 167).

В 1932 г. в статье «Замечания о новой постановке проблем в теоретической физике» А. Эйнштейн пишет: «В настоящее время известно, что наука не может вырасти на основе одного только опыта и что при построении науки мы вынуждены прибегать к свободно создаваемым понятиям, пригодность которых можно *a posteriori* проверить опытным путем. Эти обстоятельства ускользали от предыдущих поколений, которым казалось, что теорию можно построить чисто индуктивно, не прибегая к свободному, творческому созданию понятий. Чем примитивнее состояние науки, тем легче исследователю сохранить иллюзию по поводу того, что он будто бы является эмпириком. Еще в XIX в. многие верили, что ньютоновский принцип – *hypotheses non fingo* («гипотез не изобретаю». – *Авт.*) – должен служить фундаментом всякой здоровой естественной науки. В последнее время перестройка всей системы теоретической физики в це-

лом привела к тому, что признание умозрительного характера науки стало всеобщим достоянием» (А. Эйнштейн, 1967, с. 167).

Если читатель решит, что это высказывание А. Эйнштейна как-то повлияло на развитие психологии в части теории концептов и понятий, то я его разочарую. Никак не повлияло, хотя прошло почти 100 лет.

Как я отмечал, поначалу А. Эйнштейн вообще отказывается считать пространство и время физическими сущностями. Но, приняв геометрическую конструкцию Г. Минковского, объединяющую в одно целое пространство и время, он уже был не столь уверен в физическом отсутствии пространства: «...Закон инерции, по-видимому, вынуждает нас приписать пространственно-временному континууму объективные свойства» (2002, с. 63).

В конечном счете А. Эйнштейн (с. 173) отождествляет пространство с гравитационным полем, имеющим четырехмерную систему координат. Тем не менее его позиция в отношении пространства остается противоречивой, так как, даже отождествляя пространство со свойством гравитационного поля, он (2008, с. 64–65) не исключает возможности существования пространства и в тех местах Вселенной, где вообще нет гравитационного поля. М. Каку (2008, с. 50) отмечает, что пространство и время у А. Эйнштейна перестали быть статичной сценой, стали важной составляющей жизни, приобрели динамичность, начали изгибаться и извиваться при-

чудливым образом. Сцена превратилась в батут и стала столь же важной, как и актеры.

Эйнштейновские концепты, обозначаемые понятиями *пространство* и *время*, сохраняют неоднозначность, что отмечают и другие исследователи. Если Б. Рассел (цит. по: А. Н. Леонтьев, 1965, с. 287), например, указывает, что теория относительности дала физике основания для отрицания пространства, хотя оставляет открытым вопрос о возможности абсолютного пространства-времени, то Б. Грин (2009, с. 71), например, уже прямо говорит, что пространство-время является абсолютной физической сущностью, что разные наблюдатели «нарезают» его различными способами, но само оно, «подобно буханке хлеба, имеет независимое существование».

Я не собираюсь, естественно, углубляться в вопрос о том, что собой представляют пространство и время в физике. Для нас важно лишь то, что исследователям так и не удалось определить, присутствуют ли они в физическом мире или же представляют собой лишь не очень успешно концептуализированные сущности, до сих пор вызывающие вопросы и сомнения в своем наличии в реальности.

Нам было бы достаточно мнения Э. Маха и А. Эйнштейна, чтобы признать, что **сущности, обозначаемые базовыми понятиями физики, не следует искать в окружающем нас мире**. Но о том же пишут и другие выдающиеся исследователи. М. Борн (1973, с. 114–115), например, считает, что

большинство физиков – наивные реалисты, которые не ломают голову над философскими тонкостями и довольствуются наблюдением явления, измерением и описанием его обычным языком, расцвеченным специфическими терминами.

Автор указывает, что уже в первой физической теории – ньютоновской механике – появляются понятия вроде *силы, массы и энергии*, которые не соответствуют обычным вещам. Далее такая тенденция становится все более отчетливой. В максвелловской теории электромагнетизма появилась концепция поля, совершенно чуждая миру непосредственно ощущаемых вещей. В физике начинают превалировать количественные законы в виде математических формул типа уравнений Максвелла. В квантовой механике математический формализм получил полное и успешное развитие еще до того, как была найдена какая-то словесная интерпретация этой теории на бытовом языке. Причем и поныне идут нескончаемые споры о такой интерпретации.

Из комментариев М. Борна (с. 117, 126–129) следует, что базовые сущности физики не были выведены исследователями непосредственно из опыта, а являются чистыми идеями, результатами творчества. Однако использование данных сущностей дало возможность объяснить и предсказать результаты множества экспериментов.

Н. Бор считает, что предложенная им модель атома находится в вопиющем противоречии со всеми постулатами классической физики, но это кажущееся противоречие – на

самом деле не что иное, как ясное и весомое доказательство символического характера фундаментальных физических понятий (цит. по: Э. Кассирер, 1995, с. 143–144).

У. Куайн (2010, с. 77–78) тоже полагает, что физические объекты концептуально вводятся в ситуацию в качестве удобных посредников просто как постулируемые сущности, вроде богов Гомера. Он замечает, что сам лично как профессиональный физик верит в физические объекты, а не в гомеровских богов. Но физические объекты и боги различаются только по степени, а не по природе, так как и те и другие входят в нашу концепцию только в качестве культурных постулатов. Миф о физических объектах лучше большинства других только тем, что доказал большую свою эффективность, чем другие мифы в качестве нашего инструмента.

У. Джеймс (цит. по: М. Каку, 2008, с. 61) пишет, что многие современные физики (речь, естественно, идет о последней четверти XIX в.) рассматривают такие понятия, как *материя, масса, атом, эфир, инерция, сила*, не в виде отображений скрытой реальности, а в качестве интеллектуальных орудий, рабочих гипотез. Эти понятия в их глазах представляют собой простые условные обозначения, подобно «килограмму» или «ярду».

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 428) полагает, что для физика его мир не реальность. Идеи физика кажутся ему истинными, но он прекрасно знает: в реальности не существует того, что утверждает его теория.

Я, конечно, не стал бы столь уверенно утверждать это про всех физиков. Многие из них и сейчас не вполне понимают, что изучаемые ими физические сущности отсутствуют в физической реальности. Недаром Э. Кассирер замечает: «Данная Планком сжатая формулировка критерия физической предметности в том, что все, что доступно измерению, также и существует, с точки зрения физики вполне самодостаточно...» (2009, с. 13).

Г. Шпет тоже отмечает: «Я имел случай указывать, что для работы физика совершенно безразлично, понимает ли он название атома как реальность или как нереальность. Но практически физики склонны его понимать именно как реальность, и это действительно облегчает их работу... Психология имеет то преимущество, что здесь не нужно гипотезировать, а только признать, что действительно мы имеем дело с реальностью, потому что мы здесь познаем явления, которые нам непосредственно даны» (2010, с. 180).

Тем не менее меня весьма волнует тот факт, что по поводу недоступных восприятию сущностей реальности мало задумываются психологи.

В заключение хочу обратить внимание на важное обстоятельство. Несмотря на то что **даже в физике мы имеем дело не с физическими объектами, а лишь с конструкциями человеческого сознания, то есть с человеческими концептами (и понятиями):** *масса, сила, движение, количество движения, длина, тело, заряд, напряжение поля, про-*

странство и т. д., нам не следует при этом забывать слова Э. Маха: «Наши понятия действительно создаются нами самими, но отсюда еще не следует, что мы создаем их совершенно произвольно...» (2011, с. 220).

§ 3. Концептуализация, язык и «странные» части речи

Объективизм приучил нас к мысли, что в окружающем мире присутствуют сущности разного рода: предметы и явления, их действия, свойства и т. д. Они обозначаются в языке словами, относящимися к разным частям речи: первые – к существительным, вторые – к глаголам, третьи – к прилагательным. От вида сущности зависит, какая словоформа используется для ее обозначения и к какой части речи она относится.

Б. Уорф (2003, с. 211) отмечает, что английский язык распределяет большинство слов на два класса, обладающих различными грамматическими и логическими особенностями. Слова первого класса – существительные (*house* – «дом», *man* – «человек»). Слова второго – глаголы (*hit* – «ударить», *run* – «бежать»). Многие слова одного класса могут выступать еще и как слова другого класса (*a hit* – «удар», *a run* – «бег» или *to man the boat* – «укомплектовывать лодку людьми, личным составом»). По словам автора, граница между этими двумя классами, которую создает язык (точ-

нее, концептуализация окружающего мира, присущая английской культуре), является абсолютной. Английский язык делит мир на два полюса. Но сама реальность так не делится. Автор задается вопросом: если strike – «ударять», turn – «поворачивать», run – «бежать» и т. п. – глаголы, потому что обозначают временные и кратковременные явления, то есть действия, тогда почему fist – «припадок», lightning – «молния», spark – «искра», wave – «волна», eddy – «вихрь», pulsation – «пульсация», flame – «пламя», storm – «буря», phase – «фаза», cycle – «цикл», spasm – «спазм», noise – «шум», emotion – «чувство» и т. п. – существительные? Ведь все это тоже временные явления.

Меня тоже одно время занимал вопрос о том, почему в русском языке так странно и неоднозначно концептуализированы и обозначены многие сущности. Почему, например, процессы, то есть продолжительные действия, обозначаются существительными: растворение, освещение, освобождение, наслаждение, восприятие, мышление, приготовление, уборка и т. д. Ведь существительные используются для обозначения предметов и других объектов реальности. Следовательно, сознание людей склонно квалифицировать продолжительные действия, или процессы, как сущности, очень похожие на предметы.

Так же существительными почему-то обозначаются результаты действий, например: падение, утрата, потеря, обнаружение, выстрел, провал, промах, попадание и т. д. Сле-

довательно, сознание людей склонно квалифицировать и их как сущности, похожие на предметы. Однако неясности на этом не кончаются. Существительные используются и для обозначения самих действий (удар, бег, прыжок, давление, течение, падение, скачок, метание, шатание, прогулка, пение и т. д.), а также свойств предметов (белизна, твердость, крутизна, ершистость, несговорчивость, упорство, неударжимость и т. д.).

Надо отметить, что в русском языке (видимо, и не только в нем) реальность делится в процессе ее концептуализации не на два «полюса», о которых пишет Б. Уорф (2003, с. 211), а на многие «полюсы». В ней выделяются объекты и явления, их изменения (или действия), их свойства, их отношения, события и т. д. Причем для обозначения сущностей, входящих в эти разные группы, в языке могут использоваться одни и те же варианты словоформ, а соответственно, одни и те же части речи.

Примерно теми же вопросами применительно к английскому языку задается Б. Уорф: «Мы обнаруживаем, что “событие” (event) означает для нас “то, что наш язык классифицирует как глагол” или нечто подобное» (с. 212). Он (с. 212–213) обращает внимание на очень важное обстоятельство – то, что, исходя из природы, невозможно определить, с чем мы имеем дело – с явлением, вещью, предметом, отношением и т. д. И их определение зависит от грамматических категорий того или иного конкретного языка.

Например, в языке хопи существует классификация явлений (или лингвистически изолируемых единиц), исходящая из их длительности, нечто совершенно чуждое, по мнению автора, нашему образу мысли. Так, слова «молния», «волна», «пламя», «метеор», «клуб дыма», «пульсация» относятся к глаголам, являясь кратковременными событиями. «Облако» и «буря» обладают наименьшей продолжительностью, возможной для существительных.

Следовательно, если исходя из природы невозможно определить, с чем мы имеем дело – с явлением, вещью, предметом, отношением и т. д., то данное обстоятельство зависит не только от природы, но и от людей и их концептуализации реальности. Я согласен с автором, что «чуждая», по его выражению, классификация явлений природы представляет собой тем не менее нечто не менее логичное и адекватное реальности, чем то, что мы имеем в концептосфере английского (или русского – *Авт.*) языка и привыкли считать единственно возможным разделением мира на «объективно» присущие ему объекты и другие сущности.

Б. Уорф (с. 213) указывает, что в разных языках одни и те же элементы реальности могут концептуализироваться по-разному. В языке нутка (племя, проживающее на острове Ванкувер), например, все слова показались бы нам глаголами, но в действительности там нет ни глаголов, ни существительных. В нем присутствует как бы монистический взгляд на природу. Он порождает, как пишет автор, только

один класс слов для всех видов явлений. Например, о house («дом») можно сказать и a house occurs («дом имеет место»), и it houses («домит»).

Итак, сходные элементы «реальности в себе» в разных культурах могут концептуализироваться по-разному. Где-то они могут быть сформированы в виде предметов, где-то – их свойств, а где-то – их действий. Соответственно и обозначаются они в разных языках словами, относящимися к разным частям речи, что никак не мешает им успешно репрезентировать реальность.

Б. Уорф (там же) замечает, что в языке хопи есть существительное, обозначающее любой летающий предмет или существо за исключением птиц (последние обозначаются другим существительным). Таким образом, это существительное обозначает класс «летающие минус птицы», включающий и насекомых, и самолет, и летчика. Он замечает, что хотя этот класс представляется нам уж слишком обширным и разнородным, но таким же показался бы, например, эскимосу наш класс «снег». Более того, ацтеки идут еще дальше нас. В их языке холод, лед и снег вообще обозначаются одним словом с различными окончаниями: «лед» – это существительное, «холод» – прилагательное, а для «снега» употребляется сочетание «ледяная изморось».

Люди склонны концептуализировать и обозначать лишь значимые для них аспекты окружающего мира. И чем важнее для них какая-то грань реальности, тем более

детально и многообразно они ее концептуализируют и обозначают в своем языке. При этом они легко могут усвоить концепты, созданные другим обществом.

Нельзя не отметить, что **концептуализация реальности далеко не всегда эффективна и успешна**. При этом **неадекватная концептуализация реальности создает колоссальные трудности для познания**. Она порождает множество псевдovoпросов и ложных проблем, на которые новые поколения веками ищут несуществующие ответы. Л. В. Стародубцева, например, пишет: «Зачем-то понадобилось разбить мир на “идеальное” и “реальное”, чтобы затем по-шеллинговски грезить о тождестве идеалреального. Зачем-то понадобилось отгородить глухими категориальными перегородками эссенцию от экзистенции; по-гегелевски разорвать “мыслимое”, “мыслящее” и саму “мыслимость” – не для того ли, чтобы затем тосковать по их слиянию в недостижимом Абсолюте?» (1998, с. 326).

Следует поэтому не только выявлять такие неудачно концептуализированные области реальности и помещенные в нее ложные сущности, но и принять как данное то, что наша концептуализация мира в принципе несовершенна и мы должны постоянно проводить ревизию своих концептов.

История науки позволяет нам понять, что, во-первых, все научные концепты – конструкции человеческого сознания. Во-вторых, то, что **всегда можно создать альтернатив-**

ные концепты, репрезентирующие иные сущности реальности. В-третьих, то, что альтернативные концепты могут репрезентировать реальность не менее эффективно. В-четвертых, то, что нет и не может быть единственно верной концептуализации реальности, а следовательно, и «объективной» научной теории.

Тезисы для обсуждения

1. Человеческое сознание репрезентирует окружающий мир сущностно. Оно создает отдельные и самостоятельные репрезентации элементов «реальности в себе» в форме сущностей – реальных, возможных или явно вымышленных. Например, предметы и явления, их свойства, действия и отношения, психические и социальные объекты и т. д. Причем сущности эти меняются по мере развития человечества, что находит отражение в языке.

2. Вероятно, сознание пытается таким путем организовать исходно аморфный и непрерывно изменяющийся поток своих чувственных репрезентаций «реальности в себе» в устойчивую совокупность множества психических инвариантов, или субъективных констант... Такими инвариантами являются, например, модели-репрезентации предметов. Психические инварианты упрощают окружающий мир и облегчают сознанию его понимание.

3. Концептуализация – это выделение и формирование со-

знанием в процессе репрезентирования окружающего мира новых сущностей в нем. Сознание осуществляет это с помощью выстраиваемых им и обозначаемых новыми словами особых психических конструкций, или концептов. Концептуализация окружающего мира, как и репрезентирование реальности, протекает на двух уровнях: чувственном и вербальном.

4. Сознание создает концепты (и понятия) не для обозначения существующих в окружающем мире объектов и других сущностей, как до сих пор считает большинство исследователей. Наоборот, создавая концепты, сознание тем самым формирует сущности, которыми наполняет окружающий мир. Концептуализация мира зависит не только от самой «реальности в себе», но и от человеческого сознания.

5. Человек концептуализирует и обозначает словами лишь значимые для него аспекты мира. И чем важнее для него какая-то грань реальности, тем более детально и многообразно он ее концептуализирует и обозначает в языке. Осуществленная этносом концептуализация мира полностью определяет последующее понимание мира новыми поколениями. Она проявляется, закрепляется и передается с помощью слов родного языка.

6. Будущий чувственный концепт, или модель-репрезентация предмета, появляется в сознании произвольно в результате восприятия человеком окружающего мира. Сознанию остается лишь обозначить ее определенным словом.

Вербальный концепт, репрезентирующий сущность, недоступную восприятию, целенаправленно формируется сознанием. Концептуализировать один и тот же недоступный восприятию аспект «реальности в себе» можно по-разному, то есть можно создать альтернативные сущности, которые одинаково успешно будут его репрезентировать. Нет и не может быть единственно верной концептуализации реальности, а следовательно, и научной теории.

7. Концептуализация «реальности в себе» далеко не всегда удачна. Неадекватная концептуализация создает в дальнейшем трудности для познания и порождает множество псевдovoпросов. Учитывая несовершенство нашей концептуализации мира, мы должны постоянно проводить ревизию своих концептов.

8. Создание исследователями иного варианта концептуализации той же области «реальности в себе» всегда сопровождалось сменой научных теорий. И наоборот, любая революция в науке всегда начиналась с радикальной ревизии ее базовых концептов и репрезентируемых ими сущностей, то есть с иной концептуализации реальности и создания новых сущностей.

9. Сущности, обозначаемые базовыми понятиями любой науки, не следует искать в «реальности в себе». Все они сформированы концептами (и понятиями), выстроенными человеческим сознанием, то есть созданы и помещены в окружающий мир человеком.

1.2.3. Вербальные психические конструкции и концепты

§ 1. Чувственная основа вербальных репрезентаций реальности

Н. Хомский (1972, с. 126) и его многочисленные сторонники и последователи полагают, что существуют так называемые врожденные языковые универсалии⁵³. Он (1972, с. 144) обращает внимание на несоответствие между немногочисленными и некачественными исходными данными, которые, по его мнению, представляет собой язык окружающих ребенка взрослых людей, с которым сталкивается ребенок в процессе обучения языку, и возникающей, тем не менее, у ребенка в результате обучения сложнейшей и стройной системой его собственного языка. Автор замечает, что носитель языка знает множество вещей, которым вовсе не обучался, и его языковое поведение, по-видимому, невозможно объяснить.

Данный факт Н. Хомский (1972, с. 158–174) объясняет наличием у ребенка некоего врожденного механизма, «внутреннего схематизма», который только и позволяет ребенку

⁵³ «Универсалии языковые – свойства, присущие всем языкам или большинству из них» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 535).

усвоить универсальную грамматику⁵⁴. По его (2005а, с. 123) мнению, должны существовать некие определяющие принципы, делающие возможным усвоение языка, и если считать эти принципы врожденным свойством мыслительной деятельности, то открывается возможность дать объяснение тому очевидному факту, что говорящий на данном языке знает множество вещей, которые он вовсе не усваивал в процессе обучения.

Автор (с. 131–132) рассматривает усвоение языка как рост и вызревание сравнительно неизменных способностей в подходящих для этого внешних условиях и обсуждает гипотезу о врожденном характере соответствующих ментальных структур... Н... Хомский (2004а, с... 176–177) говорит о том, что его выводы относительно усвоения детьми языка находятся в полном соответствии с учением о врожденных идеях и подтверждают это учение.

По мнению автора (2005а, с. 132; 2004а, с. 176–177), существуют некие врожденные ментальные структуры, присущие каждому ребенку, развитие и созревание которых обеспечивают усвоение им любого языка. Эти ментальные структуры универсальны и не связаны с конкретным языком. С легкой руки Н. Хомского и благодаря его колоссальному авторитету в литературе широко обсуждаются сейчас разно-

⁵⁴ «Универсальная грамматика – гипотетический набор основных грамматических принципов, которые считаются фундаментальными для всех естественных языков» (А. Ребер, 2000, с. 202).

образные универсалии (языковые, грамматические, лингвистические, синтаксические, врожденные), а также универсальная грамматика и семантика, универсальные правила и условия, универсальная глубинная структура предложения и т. д.

В литературе нет, однако, ясного понимания того, что собой представляют перечисленные сущности. Сам Н. Хомский в разных своих работах (2004; 2004а; 2005; 2005а) по-разному пытается объяснить, например, что такое «глубинная структура». Он трактует ее то как врожденные абстрактные идеи, то как врожденную склонность к языку, то как систему универсальных правил, то как некую врожденную схему обработки информации и формирования абстрактных структур языка. Автор (2005, с. 17–24) полагает, что ребенок владеет с рождения тем, что он называет универсальной грамматикой и врожденными универсальными правилами языка. Эти правила, по его мнению, позволяют ребенку в последующем трансформировать универсальные глубинные структуры в предложения конкретного языка. Н. Хомский пишет: «Чтобы образовать из... глубинной системы элементарных предложений реальное предложение, мы используем определенные правила (в современных терминах – грамматические трансформации)» (2005а, с. 77).

По его (с. 69–106) мнению, универсальными правилами языка владеют все люди. Правила эти врожденные, суще-

ствуют в форме «врожденных абстрактных идей»⁵⁵, и при этом человек их не осознает.

Н. Хомского поддерживает большинство исследователей. Дж. Р. Андерсон (2002, с. 357), например, говорит о том, что десятилетние дети имплицитно достигают того, чего поколения лингвистов со степенью доктора философии не могут достигнуть эксплицитно. Они усваивают тысячи правил естественного языка. Автор пишет, что ни один лингвист за всю свою жизнь не смог описать грамматику какого-либо языка так, чтобы охватить все грамматические типы предложений, но все мы еще в детстве усваиваем такую грамматику. Это наше имплицитное знание грамматики языка мы можем только продемонстрировать, но не можем ясно сформулировать. В. Ф. Петренко (2005, с. 380) тоже пишет, что маленький ребенок может прекрасно говорить на родном языке, не осознавая правил грамматики... Так как ребенок порождает грамматически правильные конструкции, то он, следовательно, владеет правилами построения речевых высказываний, хотя и не осознает их.

Я полагаю, что грамматически правильные конструкции и правила грамматики, тем более врожденные, – это совершенно разные сущности. Никакими врожденными правилами ребенок не обладает. Он просто подражает взрослым. В процессе овладения родным языком он даже не усваивает правила грамматики. Он усваивает грамматически правиль-

⁵⁵ Автор не раскрывает, что же это такое.

ные конструкции языка, воспринимая их в речи окружающих. Причем в усваиваемом им языке не содержится никаких правил. Правила естественного языка конституируются теми самыми поколениями лингвистов, и речь поэтому может идти не об имплицитном знании правил детьми, а лишь об усвоении ими умений и навыков использования слов и языковых конструкций родного языка.

Подражая взрослым, **ребенок усваивает привычные обороты речи без понимания не только каких-то правил и закономерностей речи, но нередко даже без глубокого понимания используемых им слов.** Этот факт подтверждается тонким замечанием Л. С. Выготского (2005б, с. 414) о том, что ребенок, который безукоризненно правильно употребляет в своей речи союз «потому что», еще не понял до конца значение самого понятия *потому что*.

Взрослые, кстати, тоже не владеют никакими правилами построения речевых высказываний, если специально не изучали их в школе. Впрочем, даже если и изучали, то правила касались письменного, а не устного языка. И взрослые, и дети имеют лишь навыки правильной речи, что не эквивалентно грамматическим правилам построения высказываний... Взрослый человек, между прочим, не владеет не только правилами устной речи, но и правилами ходьбы, бега, езды на велосипеде или катания на коньках, да и не знает, как он совершает большинство этих и других своих сложнейших действий, но при этом отлично их выполняет.

Думаю, для того чтобы образовать реальное предложение, используя то, что в литературе называют «глубинной системой элементарных предложений», то есть вербализовать, например, существующую в сознании чувственную репрезентацию реальности, дети не используют никаких правил языка. У них – носителей разных языков – исходно нет в сознании к моменту усвоения родного языка знания каких-либо правил построения собственной речи. Нет их и даже уже тогда, когда они владеют устной речью в совершенстве, например при поступлении в начальную школу... Так же как нет знания правил любых других своих движений и сложных действий.

Дети просто учатся данным действиям и учатся вербализовывать имеющиеся в их сознании чувственные конструкции. Они учатся у окружающих, которые демонстрируют им, как можно с помощью речи моделировать окружающую реальность, то есть как можно вербализовывать собственные чувственные репрезентации. А правила речи выдумывают потом лингвисты, изучающие языковые конструкции⁵⁶. Ч. У. Моррис пишет о том же: «Обычно правила использования знаковых средств не формулируются теми, кто употребляет язык... они существуют скорее как навыки поведения...» (1983, с. 56).

⁵⁶ Языковая конструкция = конструкция языка = конструкция из слов. Предложение = письменная языковая конструкция. Фраза = устная языковая конструкция.

Очень характерно признание самого Н. Хомского: «Как неоднократно подчеркивалось, традиционные грамматики в значительной степени обращаются к сообразительности говорящего. Они не формируют в явном виде правила грамматики, но скорее приводят примеры и делают намеки, которые дают возможность понятливому читателю определить грамматику некоторым способом, который сам по себе непонятен» (2004, с. 102).

Из сказанного лишний раз следует, что никаких правил, «связывающих сигналы с семантическими интерпретациями этих сигналов» (Н. Хомский, 2004, с. 102), нет нигде, кроме как в сознании исследователей этих сигналов и семантических интерпретаций. Но их можно создать, разработать, что успешно и делается исследователями. Можно также разработать правила ходьбы или бега. Такие правила, кстати, даже, весьма возможно, были бы полезны, к примеру, начинающим бегать трусцой. Так же как правила письменного родного языка полезны ученикам, изучающим письмо в школе.

Удивительные достижения детей объясняются совершенно другими причинами. Тем, что **дети усваивают понятия и слова языка не на «пустом месте», а на основе уже существующих у них сложнейших чувственных репрезентаций реальности. И понятия становятся составной частью этих уже работающих в сознании ребенка чувственных репрезентаций, а не чем-то самостоятельным и независимым от прочего когнитив-**

ного развития, не «отдельным лингвистическим модулем», как полагает доминирующая в психологии и лингвистике теория языка. В процессе усвоения ребенком навыков речи понятия и конструкции из понятий сначала просто дублируют чувственные репрезентации окружающего ребенка мира.

Ребенок способен выучить любой язык, потому что слова языка на первом этапе языкового развития ребенка лишь замещают существующие уже в его сознании сенсорные репрезентации окружающего мира. Ребенок лишь меняет одни свои психические репрезентации (прямые, чувственные) на другие (символические, вербальные).

Сам Н. Хомский говорит: «Глубинная структура, выражающая значение, является общей для всех языков, поэтому она считается простым отражением формы мысли. Трансформационные же правила, по которым глубинная структура превращается в поверхностную, могут различаться от языка к языку. Поверхностная структура, образуемая в результате этих трансформаций, разумеется, не выражает непосредственно значимых связей между словами, за исключением простейших случаев... Семантическое содержание предложения передается именно глубинной структурой, лежащей в основе реально произнесенного высказывания» (2005а, с. 78).

Другими словами, автор полагает, что глубинная структу-

ра, представляя собой форму мысли, не зависит от конкретного языка и является общей для разных языков. Но раз она универсальна, следовательно, она существует в невербальной форме, так как мысленные формы – образы слов каждого языка – существуют лишь в специфических для конкретного языка вербальных вариантах (образах слов данного языка). Однако автор нигде не говорит о том, что глубинная структура невербальна. Напротив, он пишет о том, что она «есть базисная абстрактная структура» (с. 73), которая «состоит из абстрактных предложений» (с. 75). Тогда возникает вопрос: *если глубинная структура представляет собой вербальные психические конструкции, которые, по сути своей, всегда специфичны, так как выражены в образах слов конкретного языка, то как она может быть «общей для всех языков», как считает Н. Хомский (с. 78)?* В этом случае она должна быть создана из понятий некоего нового универсального языка, но такого нет.

Остается предположить, что она либо неуниверсальна, либо универсальна, но невербальна, то есть состоит из невербальных психических форм, универсальных для всех людей Земли. Мы знаем, что такие невербальные и универсальные для всех людей формы есть. Это чувственные образы восприятия и модели-репрезентации окружающей каждого человека сходной реальности. Следовательно, если отказаться от предположения Н. Хомского о том, что универсальные глубинные структуры по своей форме – это некие абстракт-

ные мысленные предложения, и принять, что они представляют собой общие для всех людей чувственные репрезентации окружающего мира, то «кубик Рубика складывается», задача решается, и мы можем объяснить, что за универсальная «глубинная структура» «трансформируется в поверхностные структуры, типичные для каждого языка» (с. 78), то есть в обычные предложения. Причем «делает это по правилам, присущим каждому языку» (там же).

В том случае, когда значением нескольких поверхностных вербальных структур (читай: предложений), сформированных на разных языках и описывающих окружающую реальность, будет чувственная репрезентация этой же реальности, которая и будет выступать в качестве «глубинной структуры предложения», можно будет говорить, что последняя универсальна для всех этих поверхностных структур, так как индивидуальными различиями чувственных репрезентаций в силу биологической общности людей можно условно пренебречь.

Однако такая глубинная структура – это уже совсем не глубинная структура в понимании Н. Хомского, так как он (с. 73–75) говорит о некой абстрактной структуре и абстрактном предложении. Вероятно, именно поэтому сам Н. Хомский (2004, с. 104) с сожалением замечает, что «универсальная семантика находится в чрезвычайно неудовлетворительном состоянии» и что «в глазах современных лингвистов попытка обнаружить и описать глубинные структуры,

а также выявить трансформационные правила, которые связывают их с поверхностными формами, выглядит несколько абсурдной» (2005а, с. 105).

Данное обстоятельство представляется мне вполне естественным и закономерным, так как не может существовать никакой универсальной для всех языков семантики, если мы имеем в виду вербальные значения предложений, сформулированных на разных языках. Не может быть никакой общей глубинной структуры, если понимать ее как общее вербальное значение предложения, сформулированного даже на двух языках. Например: «Идет дождь» и «It's raining». Вербальное значение этого предложения на русском языке будет *Идет дождь*, а вербальное значение на английском – *It's raining*. Следовательно, вербальным значением языковой конструкции будет вербальная психическая конструкция, выраженная в редуцированных понятиях именно этого языка и только его.

Совершенно очевидно в то же время, что оба этих предложения, пусть и на разных языках, передают нам некий общий смысл. И этот общий смысл выражает только чувственная репрезентация того факта, что идет дождь... Вот она-то, **чувственная репрезентация, и является той самой общей глубинной структурой** обоих (и всех прочих **аналогичных предложений**, сформулированных на других языках), которую исследователи безуспешно пытаются найти среди специфических для каждого языка вербальных

значений данного предложения.

Универсальные закономерности усвоения людьми разных языков свидетельствуют о том, что **язык является частью когнитивного аппарата человека и использует общие когнитивные способности, а вербальные модели надстраиваются над чувственными как их естественное дополнение, продолжение и развитие, ибо корнями языка являются чувственные невербальные репрезентации мира.** Как только мы осознаем данный факт, нам станут понятны и многие другие неясные пока вопросы.

Например, такой потрясающий, по мнению Н. Хомского (2004, с. 103), аспект языковой компетенции, как способность человека производить новые предложения, которые мгновенно понимаются другими людьми, хотя они не имеют сходства со знакомыми предложениями. В данном факте нет ничего удивительного, потому что значениями языковых конструкций чаще всего являются чувственные репрезентации разных аспектов окружающего мира, общие и для говорящих, и для слушателей. Причем редуцированные понятия и конструкции из них представляют собой, говоря метафорически, многочисленный, но все же ограниченный «набор деталей» сложного языкового «конструктора».

Если создаваемые языковые конструкции, а соответственные, и представляющие их в сознании вербальные психические конструкции адекватно «дублируют», или моделируют, чувственные репрезентации реальности, пусть даже самыми

разными путями, то их понимание не вызывает у людей особых трудностей. Если же они не соответствуют чувственным репрезентациям людей, то даже правильно грамматически выстроенная языковая конструкция становится бессмысленной. Например: «Шутливое солнце тяжело обдувало грустное облако».

Самые элементарные фразы у младенцев появляются значительно позже (см., например: Л. С. Выготский (2005а); Д. Шеффер (2003); Х. Би (2004); Г. Крайг (2004) и др.), чем они научаются чувственно репрезентировать и опознавать то, что станет для них в будущем предметами... Из этого следует, что задолго до появления вербальных психических конструкций у ребенка появляются полимодальные модели-репрезентации будущих предметов, в том числе чувственно-образные аналоги того, что позже ребенок начнет замещать в своем мышлении разнообразными пропозициями. **Чувственные репрезентации и являются тем, о чем Н. Хомский пишет как о «врожденных языковых универсалиях».** Даже маленькому ребенку, уже имеющему чувственно-образную репрезентацию действующего объекта, например мяукающей кошки, по силам заменить в собственной существующей уже репрезентации чувственные образы усвоенными редуцированными понятиями *киса* и *мяу* для того, чтобы получилась первая элементарная пропозиция, а затем и фраза.

Усвоение языка ребенком идет по стопам чувствен-

ного моделирования реальности на базе уже построенных чувственно-образных ее репрезентаций, что резко облегчает и упрощает этот процесс. Для того чтобы построить фразу, ребенку надо просто запомнить образы соответствующих слов и адекватно заменить ими собственные чувственные предпонятия. Естественно, ему для этого не надо усваивать никаких правил грамматики. Надо лишь приобрести психомоторные навыки, копируя поначалу действия окружающих, в том числе вокальные.

Чувственные семантические конструкции, лежащие в основе языка и превращающиеся впоследствии в значения языковых конструкций, ребенок имеет еще до усвоения им самого языка. Чувственные репрезентации определенных аспектов реальности и дублирующие их же конструкции из слов – это лишь разные формы репрезентирования окружающего ребенка мира. Ж. Пиаже (1994, с. 90), например, говорит, что существует начальный сенсомоторный период, предшествующий языку, когда у ребенка формируется некоторая логика действия (отношение порядка, вхождение схем, пересечение, постановка в соответствие и т. д.), избыточная открытиями и даже изобретениями (перманентные объекты, организация пространства, причинности и т. п.).

По мере усвоения языка ребенок естественным образом и тоже чувственно усваивает существующие в языке синтаксические языковые конструкции – словоформы и фразы

и принципы их формирования. Это даже дает ему возможность создавать новые слова. Причем его собственные неологизмы часто приходят в противоречие с отдельными принятыми в языке словоформами и фразами – так называемыми исключениями из правил языка, которые ребенок пытается исправить. Р. О. Якобсон, цитируя многих авторов, пишет: «Метаязыковая компетенция с двух лет превращает ребенка в критика и корректора речи окружающих (Швачкин) и даже внушает ему не одно только “неосознанное”, но и “нарочитое противоборство” против “взрослой” речи: “Мама, давай договоримся – ты будешь по-своему говорить “полозя”, а я буду по-своему: “повозя”, ведь они не лозят, а возят” (Чуковский) и т. д.» (2000, с. 163).

Детское словообразование подтверждает, что **дети именно моделируют с помощью слов мир, уже репрезентированный ими чувственно, а не «реализуют врожденные языковые универсалии»**. А глубинная структура – это не врожденные абстрактные идеи, не врожденная система правил, не врожденная схема обработки информации и формирования абстрактных структур языка. **Универсальная глубинная структура языков есть не что иное, как сенсорная репрезентация мира, формируемая каждым ребенком в первую очередь и зависящая больше от индивидуальных биологических различий между детьми, чем от их национальной и культурной принадлежности.**

Способности ребенка к языку органично вытекают из прочих его психических способностей. В частности, способности к формированию образа, в том числе символического, к взаимозаменяемости невербальных и вербальных образов в мышлении, способности к метафорическому упрощающему иллюстрированию абстрактных вербальных конструкций и т. д. **Язык является естественным этапом и органичной частью процесса общего когнитивного развития человека, а не чем-то специальным, самостоятельным и отличным от его когнитивных способностей.**

Предметы, изначально конституированные на основе моделей-репрезентаций, ребенок позже определяет вербально, то есть предмет с какого-то момента он начинает репрезентировать уже не только чувственно, но и с помощью вербального концепта. Например, такие предметы, как аквариум, калитка, луг и т. д., исходно чувственно конституированные с помощью прямых указаний взрослых («Это то-то!»), начинают со временем репрезентироваться в его сознании и вербальными концептами: *Аквариум – стеклянный сосуд с водой и рыбками; Калитка – дверца в заборе или в воротах; Луг – участок, покрытый травой.*

Как соотносятся между собой преимущественно чувственные и преимущественно вербальные концепты, обозначаемые общим редуцированным понятием?

Б. Рассел (2009, с. 137) пишет, что можно представить се-

бе слепого человека, который понимает физическую теорию цвета и может постичь вербальную конструкцию: *Это имеет цвет с самой большой длиной волны*. Но при этом он же не способен понять пропозицию *это – красное* так же, как понял бы ее обычный необразованный человек.

Мы имеем в этом примере две вербальные психические конструкции, являющиеся значениями понятия *красный*. Первая представляет собой указательную (остенсивную) вербальную, правильнее сказать даже смешанную, конструкцию *это – красный*, предполагающую одновременное наличие в сознании и чувственной репрезентации красного объекта. Вторая – описательная (дескриптивная) вербальная конструкция – раскрывает научное значение понятия *красный*.

Данный пример хорошо демонстрирует, что одних вербальных конструкций без чувственных репрезентаций явно недостаточно для эффективного репрезентирования доступной восприятию реальности. Недаром Б. Рассел (с. 137) замечает, что понятие *красный* определить путем анализа слова нельзя, поскольку определение всех слов в языке осуществляется посредством слов самого этого языка и, стало быть, ясно, что такое определение где-то должно впасть в порочный круг. И все же автор склонен считать, что определить слово можно посредством корректных описаний. С этим трудно согласиться. Я полагаю, что язык сам по себе был бы не в состоянии что-либо объяснить или определить,

если бы вербальные концепты не базировались на концептах чувственных. Если бы они не сверялись постоянно с ними как с эталонами. **Язык только потому корректно описывает реальность, что его базовые понятия моделируют и замещают ее чувственные репрезентации**, то есть языку есть к чему апеллировать, что принимать за эталон и основу человеческого понимания.

§ 2. Вербальные конструкции

Вербальная⁵⁷ психическая конструкция – это конструкция, составленная из редуцированных понятий. Она представляет собой вербальную репрезентацию существующей, возможной или вымышленной реальности и имеет значение, понятное человеку, владеющему данным языком. Простейшими вербальными конструкциями⁵⁸ являются, например, давно изучаемые в логике пропозиции⁵⁹. Пропозиции – это самые короткие вер-

⁵⁷ Правильнее было бы называть ее «понятийная конструкция», так как термин «вербальная» имеет слишком широкое значение и может относиться к конструкциям языка, например. Но я уже использовал понятие «вербальная конструкция» раньше (см.: С. Э. Поляков, 2004; 2011), поэтому не вижу смысла менять это название.

⁵⁸ Здесь и далее я не буду повторять слово «психическая». Везде, где есть словосочетание «вербальная конструкция», я имею в виду вербальную психическую конструкцию.

⁵⁹ Ф. П. Рамсей пишет: «... Атомарная пропозиция – это пропозиция, которую нельзя разложить на другие пропозиции... “Сократ мудр” будет атомарной про-

бальные конструкции, имеющие смысл. Обычно они состоят из двух редуцированных понятий, репрезентирующих какой-то аспект реальности. Например, объект и его действие или объект и его свойство: *Дерево растет, Лист желтый* и т. д. Пропозиция и вообще вербальная конструкция отличаются от предложения или фразы тем, что первые представляют собой психические конструкции, а вторые – конструкции из слов, то есть языковые конструкции.

Пропозиция должна состоять из субъекта и предиката⁶⁰. Ф. П. Рам-сей (2011, с. 116) установил, что любой элемент пропозиции может быть ее субъектом, а между субъектом пропозиции и ее предикатом нет существенных различий. Например, можно построить пропозицию так: *Темная ночь*, но правомерна и такая пропозиция: *Темнота ночи*. Или: *Лимон кислый*, но *Кислота лимона*.

Л. Витгенштейн (2008, с. 123–124) полагает, что пропозиция может состоять только из одного слова. Например, слова «Кирпич!» и «Колонна!» являются предложениями. И если А выкрикивает приказ: «Плита, колонна, кирпич!» – кото-

позицией, а “Все люди смертны” или “Сократ не мудр” не будут. Витгенштейн называет их “элементарными пропозициями”; я назвал их “атомарными”, чтобы следовать м-ру Расселу...» (2011, с. 21). «Подлинная пропозиция нечто утверждает о реальности, и она является истинной, если реальность такова, как утверждается» (с. 27).

⁶⁰ «Тот объект, о котором мы что-либо утверждаем или отрицаем, мы называем субъектом, а то, что мы утверждаем или отрицаем относительно субъекта, называется предикатом; для выражения их связи мы прибегаем к внешней форме, которая носит название связки» (Г. Г. Шпет, 2010, с. 42).

рому повинуются В, принося плиту, колонну и кирпич, то мы можем говорить здесь о трех пропозициях.

Мне думается, что нам следует более четко дифференцировать вербальные конструкции и конструкции языковые, то есть психические феномены, с одной стороны, и фразы или предложения языка – с другой. Вербальные конструкции в сознании человека А и человека В действительно представляют собой пропозиции: *Дай кирпич, Неси колонну* и т. п. Но в языке эти пропозиции могут выражаться фразой, состоящей из одного слова.

Итак, пропозиции – простейшие, то есть наиболее краткие вербальные конструкции, еще имеющие смысл. Вербальным конструкциям соответствуют конструкции языковые: устные – фразы и письменные – предложения. **Конструкции языка являются как бы материализованными в словах вербальными конструкциями.** Без материализации в форме языковых конструкций вербальные конструкции было бы невозможно ни выделять, ни исследовать, ни даже обсуждать. Их бы просто не было, так как именно с помощью конструкций языка вербальные конструкции как бы передаются от поколения к поколению. Логики, философы и лингвисты часто имеют в виду вербальные конструкции, но пишут о конструкциях языка, и наоборот.

Психологи экспортировали понятие *пропозиция* из логики в начале 70-х гг... XX в. Дж. Андерсон (2002), в частности, определяет пропозиции как «наименьшие единицы знания,

которые могут быть отдельным утверждением» (с. 149).

Вербальные конструкции существуют в сознании преимущественно в виде слуховых образов представления-воспоминания звучавших ранее конструкций языка. В научной литературе их нередко обозначают словами «мысленные фразы» или «мысленная речь». Вербальная конструкция из нескольких редуцированных понятий способна существовать в сознании как бы целиком и сразу (в момент психического настоящего). По крайней мере, у меня есть субъективное ощущение, что она присутствует в сознании одномоментно и целиком.

Сложными вербальными конструкциями являются вербальные конструкции, состоящие из двух и более пропозиций. При этом образы каких-то слов могут участвовать одновременно в нескольких пропозициях.

В качестве примера вербальной конструкции, представляющей собой к тому же еще и вербальный концепт, можно привести, например, гуссерлевское (1996, с. 371) определение: *«Декаэдр – тело, имеющее форму правильного многогранника с десятью конгруэнтными гранями»*.

Как мы уже обсуждали выше, вербальные конструкции первоначально формируются у ребенка всегда и только путем прямой замены чувственно-образных репрезентаций реальности образами обозначающих их слов. По мере усвоения языка он учится выделять и называть многие чувственно репрезентированные им уже элементы окружающего ми-

ра. Они превращаются для него в предметы, обозначаемые словами и репрезентируемые в его сознании понятиями. Со временем он приобретает способность не только чувственно, но и вербально репрезентировать себе и сами эти предметы, и свое взаимодействие с ними, их взаимодействие друг с другом, их состояния, изменения и т. д. По мере расширения круга усвоенных понятий он получает возможность замещать редуцированными понятиями все новые чувственные репрезентации.

Происходит это в форме замещения чувственных репрезентаций редуцированными понятиями, что ведет к появлению в его сознании описательных вербальных конструкций: *Кошка мяукает, Птичка прыгает, Вася упал* и т. п. – и построению им соответствующих конструкций языковых. Замещение редуцированными понятиями собственных чувственных репрезентаций уже известных ему действующих или меняющихся сущностей позволяет ребенку приобщиться к межличностной коммуникации и помогает ему в форме слов донести до окружающих собственные желания и потребности. Наконец, понять, чего хотят от него окружающие.

По мере развития психики описательные вербальные конструкции начинают моделировать не только предметы, их действия и свойства, но и ситуации реальности в их динамике, сложные взаимодействия предметов друг с другом и не воспринимаемые непосредственно причинные связи и закономерности реальности. Другими словами – сложные и ме-

няющиеся аспекты окружающего мира, которые либо плохо доступны, либо вообще недоступны восприятию.

Описательные вербальные психические конструкции репрезентируют большие фрагменты реальности. Например: *Пчела с громким жужжанием села на желтый цветок и тут же заползла внутрь него.*

Э. Мах (2011, с. 196–197) пишет, что описание – это построение фактов в мыслях. Факт кажется нам ясным, когда мы можем воспроизвести его с помощью простых, привычных мыслей. По словам автора, даже физические законы – это не что иное, как описание реальности, хотя многие из них могут быть заменены математическими уравнениями.

Б. Рассел (2009, с. 60) считает описанием любую фразу вида «некоторый такой-то и такой-то» или «определенный такой-то и такой-то». Он (с. 63) приводит примеры разных описательных моделей, репрезентирующих физические сущности: 1) канцлер Бисмарк, которого люди знают как историческую фигуру; 2) человек в железной маске; 3) старейший житель планеты. И пишет, что в первом случае мы знаем, кто такой Бисмарк и чем он знаменит; во втором мы не знаем, кем был человек в железной маске, хотя нам может быть что-то известно о нем, в третьем мы знаем лишь то, что выводимо логически из определения человека.

Когда человек видит, например, березу, он думает: *Я вижу березу*, или *Я вижу дерево с белой корой*, или *Береза колышется на ветру*, или *Береза согнулась под снегом*. Что со-

бой представляет последняя вербальная конструкция? Это несколько связанных между собой редуцированных понятий, замещающих соответствующие визуальные чувственные репрезентации.

Описательная вербальная конструкция моделирует действия (изменения) и свойства отдельных предметов окружающей реальности, которые уже были чувственно, например визуально, репрезентированы человеком, создающим эту конструкцию. Она заменяет множество зрительных и слуховых образов и ощущений, чувственно репрезентирующих соответствующее положение дел в окружающем мире. Например, вербальная конструкция *Береза согнулась под снегом* возникает в результате замены редуцированными понятиями визуальных образов березы, сгибающейся под тяжестью снега. Аналогичным путем формируются похожие описательные вербальные конструкции: *Белый верблюд пьет воду, Пролливной дождь идет вторые сутки*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.